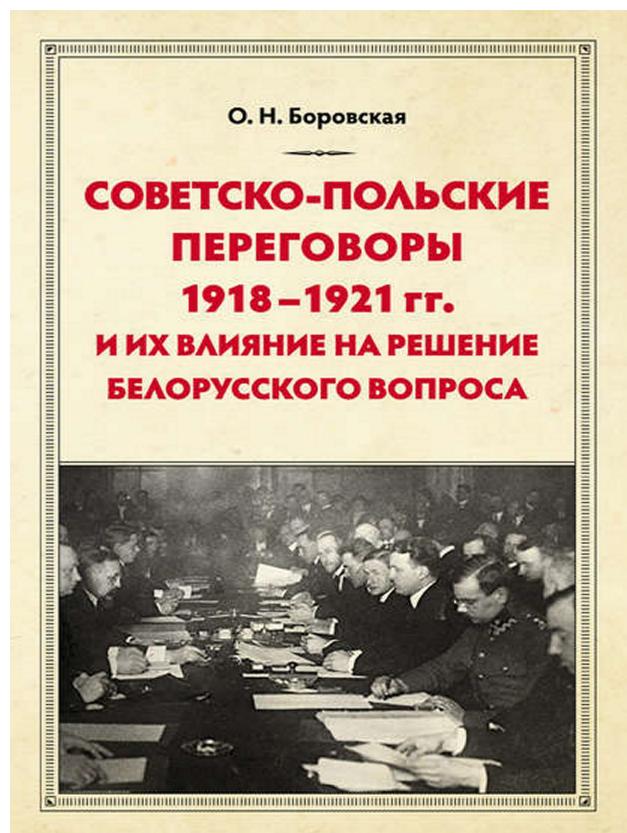

Ольга Боровская Советско-польские переговоры 1918– 1921 гг. и их влияние на решение белорусского вопроса

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКАЯ АССОЦИАЦИЯ ИСТОРИКОВ «СОЮЗНАЯ ИНИЦИАТИВА ПАМЯТИ И СОГЛАСИЯ»

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ
ФОНД СОДЕЙСТВИЯ АКТУАЛЬНЫМ ИСТОРИЧЕСКИМ
ИССЛЕДОВАНИЯМ «ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ»

Научный редактор:

доктор исторических наук, профессор *А. М. Литвин*

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор *В. Е. Снапковский*

кандидат исторических наук *К. С. Разуваев*

Список сокращений и аббревиатур

- АВП РФ – Архив внешней политики Российской Федерации
- АРАН – Архив Российской академии наук в г. Москва
- БАН Литвы – Библиотека Академии наук Литвы
- БГАМЛИ – Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства
- БКО – Белорусская коммунистическая организация
- БНР – Белорусская Народная Республика
- БПС-Р – Белорусская партия социалистов-революционеров
- БССР (ССРБ) – Белорусская Советская Социалистическая Республика
- ВП – Войско Польское
- ВРК БССР – Военно-революционный комитет Белорусской Советской Социалистической Республики
- ГАГО – Государственный архив Гродненской области
- ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации
- ГАМО – Государственный архив Минской области США – Соединенные Штаты Америки
- КП (б) Б – Коммунистическая партия большевиков Беларуси
- КП(б) ЛиБ – Коммунистическая партия большевиков Литвы и Беларуси
- Лит-Бел ССР – Литовско-Белорусская Советская Социалистическая Республика
- ЛССР – Литовская Советская Социалистическая Республика
- ЛЦГА – Литовский центральный государственный архив
- МИД – Министерство иностранных дел
- НАРБ – Национальный архив Республики Беларусь
- НДА – Народная добровольческая армия
- НДП – Народная демократическая партия
- НКИД – Народный комиссариат иностранных дел
- ПРУВСК – Польско-российско-украинская военная согласительная комиссия
- РВС – Революционно-военный совет
- РГАСПИ – Российский государственный архив социально-политической истории
- РГВА – Российский государственный военный архив

РСФСР – Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

СОГ – Совет обороны государства

СНК – Совет народных комиссаров

УССР – Украинская Советская Социалистическая Республика

ВЦИК – Всероссийский центральный исполнительный комитет

ЦИК КРИП – Центральный исполнительный комитет Коммунистической рабочей партии Польши

ЦК РКП(б) – Центральный комитет Российской коммунистической партии большевиков

ЦРК ППС – Центральный рабочий комитет Польской социалистической партии

AAN – Archiwum Akt Nowych (Архив новых документов)

APAN – Polska Akademia Nauk. Archiwum w Warszawie (Польская академия наук. Архив в Варшаве)

BN DSDiR – Biblioteka Narodowa. Dział starych druków i rękopisów (Национальная библиотека. Отдел старопечатных и редких изданий)

BPW – Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy (Публичная библиотека в Варшаве)

DSDiR – Dział starych druków i rękopisów (Отдел старопечатных и редких изданий)

PPS (ППС) – Польская социалистическая партия

PSL – “Piast” (ПСЛ – “Пяст”) – Польская крестьянская партия «Пяст»

Введение

Одним из итогов Первой мировой войны стало формирование Версальско-Вашингтонской системы международных отношений. Развал старых многонациональных империй и создание новых государственных образований, которые были близки в территориальном плане, но по идейным соображениям находились на диаметрально противоположных позициях – социалистических (Советская Россия) и буржуазно-демократических (Польша) – стали основными причинами формирования новой геополитической ситуации в регионе. Выбор разных систем идейно-политического существования, многовековое польско-русское геополитическое противостояние за контроль над восточноевропейским регионом привели к возникновению конфликтной ситуации, к началу польско-советской войны 1919–1920 гг., но одновременно повысили интерес к белорусскому вопросу. Региональные геополитические

изменения стали причиной активизации белорусского национального движения, возникновения самостоятельных государственно-политических образований. По причине того, что белорусский народ не смог укрепиться в качестве субъекта международных отношений, судьба его территории, будущего государственного устройства в значительной мере зависели от позиции более сильных соседей, стран Антанты и США. Дефиниция *белорусский вопрос* включает в себя комплекс государственно образующих, территориальных, национальных, социально-экономических, культурных проблем, связанных с судьбой, становлением государственности и целостности белорусских земель, который выступал в качестве элемента проблемного поля международных отношений.

В рядах как советского, так и польского руководства не исключали возможности использования дипломатических средств. Начиная с ноября 1918 г., внешнеполитические ведомства обеих сторон делали попытки мирным путем решать вопросы территориального разграничения, экономических претензий, военнопленных, оптации населения, что положило начало переговорному процессу 1918–1921 гг. Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. – один из методов альтернативного урегулирования (в сравнении с военными способами) спорных ситуаций между РСФСР и Польшей. Коммуникация между сторонами происходила путем прямых переговоров-встреч (в Беловеже, Микошевичах, Минске, Риге) или опосредованным способом – через направление разного вида документов дипломатической переписки (личные и вербальные ноты, меморандумы, обращения). Несмотря на ряд работ, в которых затрагиваются отдельные аспекты советско-польских переговоров, до настоящего времени не было проведено комплексное научное исследование, не была представлена целостная картина событий. Тем более не были выявлены факторы, которые оказали влияние на ход советско-польских переговоров и на принятие того знакового решения о передаче западной части этнической белорусской территории в состав Польского государства. Заключенный в марте 1921 г. Рижский мирный договор разделил белорусские земли на две крупные единицы, которые продолжительное время находились в составе отдельных государств с разными системами идейно-политического существования. Являлся ли раздел территории Беларуси единственным возможным вариантом развития событий? Существовала ли, хотя бы в минимальном объеме, возможность сохранения целостности и единства?

Эти и другие вопросы наиболее часто задаются как специалистами по проблеме, так и просто любителями истории. Однако нельзя забывать, что Рижский мирный договор был средством пакификации восточноевропейского региона, финальной точкой военных действий, которые опустошали белорусские земли в течение почти восьми лет. Договор способствовал переходу к мирному строительству и развитию. Согласно этому дипломатическому документу произошло официальное

признание в качестве самостоятельных субъектов международного права БССР и УССР.

Глава 1

Историография, источники

1.1. Историография проблемы

Судьбоносные итоги Рижского мирного договора для белорусских земель предопределили особую актуальность советско-польских переговоров 1918–1921 гг., вызывали повышенный интерес отечественной и польской общественности. Первые публикации о событиях польско-советской войны и данные о переговорах начали появляться задолго до окончания военных действий и заключения мирного договора. Непосредственные участники или современники на страницах отдельных изданий, периодических изданий, в рамках интервью журналистам, в публицистико-полемическом ключе говорят о причинах конфликта между сторонами, отвечают на вопросы, которые волновали советскую и польскую общественно-политическую мысль.

Так, еще до начала Минской мирной конференции (август-сентябрь 1920 г.) начали выходить из печати небольшие по объему брошюры или статьи непосредственных участников или современников отмеченных событий: А. А. Иоффе [97], Г. В. Чичерина [284–286], К. Б. Радека [226; 227], Ю. Ю. Мархлевского [181–183; 398; 399], Д. З. Мануильского [179], В. Г. Кнорина [112–115], А. Г. Червякова [281–282]. Они стремились объяснить свое собственное поведение и советского государственного управления, определить причины, которые подтолкнули обе стороны решать спорные моменты военным путем. В этих работах делалась попытка рассмотрения ряда альтернатив государственно-политического устройства восточноевропейского региона, показать возможные варианты территориального разграничения между враждующими сторонами [95]. Советские участники переговорного процесса демонстрируют зависимость польской внешнеполитической линии от решений Парижской мирной конференции и междусоюзнических совещаний стран Антанты и США [98; 183]. В работах отмеченных авторов впервые происходит осмысление советско-польских переговоров и их роли во внешней политике РСФСР [284; 286].

В отличие от советской стороны, члены польских мирных делегаций, активные участники польской общественно-политической жизни, международных отношений (Я. Домбский [337], В. Грабский [362], С. Грабский [360]) неохотно помещают на страницах периодических

изданий свои интерпретации событий. Только через два года, в 1923 г., после подписания окончательного мирного договора, С. Грабский попытался изложить свою позицию по вопросу территориального разграничения, оправдаться перед той частью польской общественности, которая обвиняла его в чрезмерной уступчивости в территориальном вопросе, подчернуть негативные черты политической линии Ю. Пилсудского. В 1936 г. он дает свое согласие на публикацию подробного интервью в публицистическом издании “Bunt Młodych” [422]. В нем характеризуются основные моменты Рижских мирных переговоров, раскрывается сущность внутреннего голосования в рядах польской делегации по отношению линии разграничения. Автор раскрывает подробно истинные причины, которые подтолкнули его и польскую мирную делегацию передать права на решение белорусского вопроса советской стороне. С. Грабский считал, что присоединение Минска и округи к Польше станет настоящей национальной катастрофой, приведет к перевесу непольского населения, а значит, будет мешать созданию сильного Польского государства.

В связи с десятой годовщиной подписания Рижского мирного договора вышла работа главы польской мирной делегации на переговорах в Минске и Риге Я. Домбского [337]. Несмотря на попытку показать и искусственно преувеличить свою роль во время заключения мирного договора, автор подчеркивает свою зависимость от решений и инструкций Министерства иностранных дел и лично Я. Сапеги. При этом, Я. Домбский политическое давление министра иностранных дел Польши на делегацию объясняет нежеланием брать на себя какую-нибудь ответственность за подписанный мирный договор. Автор отмечает нервную обстановку и неуверенность при заключении перемирия в рядах российско-украинской делегации. Он акцентирует внимание на чрезмерную уступчивость председателя российско-украинской делегации и его заинтересованность в заключении мирного договора и остановке военных действий на Западном фронте.

К проблемам советско-польских переговоров 1918–1921 гг. обращается и секретарь польской делегации А. Ладось. В рамках небольшой статьи в эмиграционном издании “Niepodległosc” [387], автор показывает внутреннюю поляризацию польской делегации, случаи столкновений сторонников федералистической и инкорпорационистской концепций. Однако, к сожалению, А. Ладось как непосредственный участник неофициальных встреч совсем не обращает внимания на белорусский вопрос, даже и словом не упоминает про наличие «тайной» дипломатии на рижских советско-польских переговорах.

Исходя из специфики изученной историографии по проблеме советско-польских переговоров 1918–1921 гг., автор считает целесообразным выделить следующие этапы: 1) 1919 г. – начало 1940-х гг.; 2) середина 1940-х – конец 1980-х гг.; 3) современный период (с конца 1980-х гг. и до настоящего момента).

В советской исторической науке 1919 – начала 1940-х гг. польско-советский конфликт характеризуется как спланированный процесс интервенции, в котором принимали участие страны Антанты, США, Польша. Основное внимание исследователи названного периода (В. К. Щербаков [292], А. Н. Зимионко [89], И. Ф. Лочмель [173–175], С. Н. Исаченко [99], А. И. Зюзьев [93]) обращают на проблематику организации и борьбы местного населения против захватчиков, часто сравнивая немецкую и польскую оккупации (А. Н. Зимионко), показывая их негативное влияние на экономическое развитие белорусских земель. Изучение переговорного процесса почти не проводилось, авторы ограничивались исключительно общими оценками Рижского мирного договора (знаковое событие, которое «открыло новую страницу в отношениях буржуазно-демократической Польши и Советской России») [89]. Началом советско-польских переговоров считается август 1920 г. Авторы ничего не говорят о встречах в Беловеже и Микошевичах, о попытках нормализации отношений в Борисове.

Знаковой работой этого периода является статья непосредственного участника советско-польских переговоров в Риге – историка В. И. Пичеты [221]. Автор впервые представляет реферат пленарных заседаний Рижской конференции (24 и 27 сентября 1920 г.), показывает деятельность рабочих комиссий польско-российско-украинской конференции (главной, финансово-экономической). В.И. Пичета, несмотря на то, что основным объектом изучения данной статьи стали советско-польские отношения 1918–1921 гг., обращается и к военным аспектам, стремится выявить причины конфликта между сторонами. При этом, инициативу в «разжигании вражды и создании напряженных отношений» автор возлагает на плечи польской стороны, которая в ответ на «миролюбивую политику Советской России» отвечала «воинственными акциями» [221, с. 142]. Основной причиной, что подтолкнула польские правительственные круги к заключению перемирия с Советской Россией, по мнению В. И. Пичеты, были экономические сложности, которые имела Польша в конце 1920 г. – начале 1921 г. Он утверждает, что советское правительство при решении территориального вопроса, принимало во внимание «этнографический принцип и заявление советского руководства пойти на территориальные уступки», учитывали условия советско-литовского договора 12 июля 1920 г. [221, с. 141–142]. Однако, по причине «большого желания мира» советское руководство вынуждено было отказаться от этих намерений и согласиться на условия, которые были предложены польской делегацией.

В период 1919 – начала 1940-х гг. в польской историографии появляются первые научные работы, посвященные изучению не только самой польско-советской войны, а в первую очередь ее итогов: судьбе Западной Беларуси и Западной Украины в составе Польши. Польский вариант интерпретации польско-советской войны 1919–1920 гг. и переговорного процесса стремится показать военный конфликт как

превентивную меру против продвижения войск Красной Армии, которая создавала таким образом опасность для «польских земель», как действия против распространения коммунистической пропаганды (А. Скшиньский [429]), как итог неопределенности восточных границ Польши в рамках Парижской мирной конференции (А. Скшиньский, С. Козицкий [387], Н. Рэй [424]), как способ демонстрации Польши в качестве защитника прав национальностей на самоопределение (Л. Василевский [446; 447], Т. Кутшеба [385]). Однако переговорный процесс не показан исследователями с достаточной ясностью, замечается попытка спрятать, избежать конкретизации этапов советско-польских переговоров.

Начиная с 1930-х гг. в польской историографии появляются работы, где впервые обращается внимание на неофициальные переговоры в Беловеже и Микошевичах. В рамках исследований Т. Кутшебы [386] и А. Крижановского [379] впервые вводятся в научное употребление воспоминания непосредственных участников переговоров (И. Бернера) или современников (Л. Фишера). Поднимается проблематика сотрудничества польского руководства с «белыми» российскими кругами, раскрываются причины срыва переговоров между Ю. Пилсудским, А. И. Деникиным и А. В. Колчаком (М. Здеховский [456]). В 1930 г. выходит работа члена Польской социалистической партии З. Зарембы (А. Чарского) [454]. На первый план выступает желание автора доказать вредность для польского общества военной акции 1920 г. («война для реализации мечтаний по реституции исторических границ Польши») [454, с. 57]. З. Заремба стремится доказать, что представители ППС выступали за скорейшее заключение мира с Советской Россией. Несмотря на некоторую политизированность, в работе впервые сделана попытка дать научную оценку мирным советско-польским переговорам. З. Заремба, рассматривая борисовский этап, характеризует его как «трагифарс», стремится показать, что мирные условия этого периода были более выгодными для польской стороны, чем предложенные на барановичско-минском или рижском этапах.

Деятели белорусского национального движения И. Я. Воронко [52; 57], А. И. Луцкевич [177], К. С. Дуж-Душевский [85], М. М. Кравцов [122], П. А. Кречевский [129; 130], А. И. Цвикевич [270; 271], К. Б. Езовитов [86] в рамках статей, небольших брошур мемуарного характера пробуют дать свою критическую оценку советско-польским переговорам и Рижскому мирному договору как отдельному объекту исследования. К сожалению, из-за недостатка информации о начальных стадиях переговорного процесса эти авторы сосредотачивают свое внимание исключительно на Рижской мирной конференции. В начале 1921 г. в издательстве «Освобождение» выходит статья «Беларусь и Рижский мир» К. С. Дуж-Душевского [85]. Автор на основе статистических данных переписи 1897 г. подчеркивает незаконность и необоснованность претензий Советской России и Польши на белорусские земли, объявляет сфальсифицированными переписи местного населения, которые проводились польскими властями во время польско-советской войны

1919–1920 гг. В основном, выводы работы К. С. Дуж-Душевского созвучны с тезисами меморандумов и обращений Рады Народных Министров БНР периода 1920–1921 гг.

В советской историографии середины 1940-х – конца 1980-х гг. в той или иной степени вопросы исследуемой нами проблемы освещаются в работах Н. В. Каменской [105–108], Е. Н. Шкляр [288], Н. Ф. Кузьмина [133; 134], П. Н. Ольшанского [216], А. В. Березкина [44], А. П. Грицкевича [64]. Так, в работе Н. В. Каменской [101] дается косвенное освещение процесса советско-польских переговоров, цитируется нотная переписка без раскрытия истинных причин направления того или иного послания. По мнению автора, польское руководство игнорировало мирные предложения Советской России, которые поступали в декабре 1919 г. – марте 1920 г., осуществляло подготовку к новому наступлению на Юго-Западном фронте [105, с. 163–164]. Благодаря усилиям Н. В. Каменской впервые вводятся в научное употребление данные о деятельности Центральной рады Виленщины и Гродненщины, Белорусского национального комитета в Вильно, Белорусской военной комиссии.

Первая и единственная попытка в рамках советской историографии дать целостную картину советско-польских отношений 1918–1921 гг., кульминационным моментом которых стало заключение мирного договора в Риге, была сделана П. Н. Ольшанским [216]. Автор несколько дистанцирует польскую сторону от лагеря стран Антанты, показывает противоречия, которые возникали между Великобританией, Францией и Польшей, русским «белым» лагерем и Польским государством. При этом не анализируется влияние стран Антанты, особенно Великобритании, которая настаивала на развертывании мирных переговоров с Советской Россией. Автор утверждает, что во время советско-польских переговоров в Минске российско-украинская делегация владела и специально выданными полномочиями от БССР [216, с. 99], хотя ВРК республики на момент с 17 августа до 2 сентября 1920 г. никаких мандатов на ведение переговоров от своего имени никому не передавал. Впервые в советской историографии поэтапно, день за днем, на основе протоколов заседаний показана работа польско-российско-украинской мирной конференции. Ответственность за задержку во время подписания текста Прелиминарного мирного договора автор возлагает на польскую сторону, которая маневрировала и затягивала переговоры в связи с критическим положением П.Н. Врангеля и сильным давлением по этой причине со стороны Франции [216, с. 147].

В период с середины 1940-х до конца 1980-х гг. в польской историографии появляются исследования Ю. Серадского [428], В. Гостынской [357–359], П. Вандыча [440; 441], А. Юзвенко [366], Т. Яндрушчека [364], А. Скшипека [430], Р. Вапинского [442; 443], Ю. Куманецкого [382–384], А. Гарлицкого [349–350], Ю. Кукулко [380; 381]. Вместо военного аспекта проблемы начинается критический анализ основных направлений польской общественно-политической мысли,

которые проявились при решении вопроса об определенных формах и методах осуществления Польским государством своей восточной политики. Польские исследователи 1940-х-1980-х гг. абсолютизируют идею польского федерализма, именно в ней видят причину выбора военных средств решения споров. Не оправдывая агрессивных действий польского руководства, авторы стремятся выделить и подчеркнуть мессианскую роль Польши, «прометеизм» польских правительственные кругов по отношению к национальным образованиям. Одновременно выделяется направление (А. Деруга [338]), которое достаточно критически подходит к интерпретациям польских политических концепций как федералистической так и инкорпорационисткой, объясняя действия Польши как пример совпадения желаний польского руководства и местных польских сил, объединенных вокруг Комитета защиты кресов, как форму противостояния распространению идей коммунизма.

В этот период проблематика советско-польских переговоров становится приоритетной, периоды мирного сосуществования и поиска компромиссных путей начинают основательно изучаться исследователями, впервые вводится в научное употребление значительное количество источников по проблеме. Именно в исследовании Ю. Серадского [428] впервые обращается внимание на политический аспект встреч в Беловеже и Микошевичах, публикуется частично «Диариуш» М. С. Коссаковского. А. Юзвенко [366] осуществил публикацию писем Л. Василевского к Ю. Пилсудскому периода Рижских переговоров. Под руководством В. Гостынской [438] была осуществлена публикация группы источников по проблеме неофициальных советско-польских переговоров (июнь-декабрь 1919 г.), автор квалифицирует отмеченные встречи как «тайные», тем самым, подчеркивая их неофициальный, секретный характер. Ю. Куманецкий [383] проводит структурный анализ советско-польских переговоров в Риге на основе использования польскоязычных исследований, в первую очередь воспоминаний непосредственных участников мирной конференции. Автором впервые в польской историографии, за исключением автобиографической работы Я. Домбского, дается описание неофициальных встреч руководителей делегаций как неотъемлемой части мирной конференции.

Эмигрантская польская историография в рамках исследований по истории Польши 1917–1939 гг. (В. Побуг-Малиновский [420], С. Мацкевич [397]) обращает внимание на переговорный процесс. В монографии В. Побуг-Малиновского советско-польские переговоры 1918–1921 гг., мирные предложения Советской России выступают как проявление внутренней слабости государства и как попытка улучшить свое военно-оперативное положение. По мнению автора, Советская Россия стремилась использовать планируемые борисовские переговоры исключительно как форму подготовки к весенней кампании [420, с. 248]. В. Енджиевич [365], основатель исследовательского Института Ю.

Пилсудского в Нью-Йорке, один из участников рижских советско-польских встреч в качестве военного эксперта, также пробовал переложить всю вину ответственности за начало военных действий на советскую сторону, «войска которой уже в начале 1919 г. заняли восточные польские земли» [365, с. 48], что фактически заставило польскую сторону проводить превентивные меры. Советское руководство, используя так называемую «тактику ожидания» [365, с. 48–49], активно демонстрировало миролюбивые настроения к Польше (ноты 22 декабря 1919 г. и 28 января 1920 г.).

В 1952 г. в Лондоне появилась работа сотрудника Министерства иностранных дел Польши Т. Комарницкого [371], в которой оцениваются взаимоотношения Польского государства и европейских стран (Великобритании и Франции). Автор подчеркивает непоследовательный, переменчивый характер политической линии Великобритании и Франции по вопросу польско-советского конфликта. По мнению Т. Комарницкого, общая политическая линия англо-французского блока по решению вопроса восточных границ Польши и польско-советского столкновения исходила из общей политической ситуации на территории России.

В белорусской эмигрантской историографии обращение к теме советско-польских переговоров происходит в начале 1960-х гг. в статьях Н. А. Волатич (В. Панцевич) [56], работах А. Т. Калубовича [103], И. А. Найдюка и И. Я. Косяка [192], написанных на основе работ А. И. Луцкевича, К. С. Дуж-Душевского и других национальных деятелей, и в своих оценках повторяют их. Белорусские эмигранты были оторваны от архивных материалов, не имели доступа к другим документальным источникам и в своих работах, в лучшем случае, ссылались на публикации бывших лидеров белорусского национального движения и газетные материалы, которые были далекими от объективности.

Современная белорусская историография, которая хронологически ограничена периодом с конца 1980-х гг. и до начала XXI ст., представлена исследованиями П. И. Бригадина и В. Ф. Ладысева [51; 146], Р. П. Платонова и Н. С. Сташкевича [222, 223], А. В. Тихомирова [260–263; 273–280], Г. Г. Лазько [147–156], В. Ф. Ладысева [138–146], Л. А. Ковалевой [101; 116; 117], Т. Я. Павловай [217–219], С. Н. Хомича [266–268], А. П. Грицкевича [65; 66], В. Е. Снапковского [88; 246–251; 431], Н. С. Сташкевича [255–258], Н. Н. Мезги [40; 190; 191], И. Р. Кулевич [135; 136], А. Н. Дубровки [40; 83, 84], С. И. Багалейша [34], В. А. Вернигорова [53], М. И. Иванова [94], Л. Р. Козлова [102; 272], М. Ф. Шумейки [290–291] и других.

В рамках современной белорусской историографии советско-польские переговоры 1918–1921 гг. предстают, в сравнении с предыдущими периодами историографии, в более широком объеме. Исследователи проблемы основное внимание обращают на осмотр особенностей переговорного процесса на барановичско-минском и рижских этапах. Это не позволяет создать целостную картину, тем более показать эволюцию

и вариативность форм решения белорусского вопроса. Белорусскими историками по различным аспектам проблемы подготовлены и изданы монографии, опубликованы десятки научных статей в журналах и научных сборниках, материалах научно-теоретических и научно-практических конференций [1; 59; 67; 131; 215; 229; 239; 264; 293]. Подготовлены диссертационные исследования, в рамках которых косвенным образом затрагивается проблематика советско-польских взаимоотношений (Т. Я. Павлова [217], Л. А. Ковалева [116]), процесс формирования территориального пространства (С. Н. Хомич [266]). Достижения в изучении названной проблематики нашли своё отображение в многочисленных статьях, размещенных в шеститомной «Энциклопедии истории Беларуси» [35], а также в рамках многотомных коллективных работ [60; 61; 62].

Благодаря усилиям В. А. Круталевича [124–128], Н. С. Сташкевича и Р. П. Платонова [222], И. И. Ковкеля [120], происходит освещение различных этапов советско-польских переговоров через призму становления белорусской государственности. Переговорный процесс 1918–1921 гг. оценивается с точки зрения влияющего фактора на создание белорусской советской государственности. Рижский мирный договор воспринимается авторами не только как некий компромисс между враждующими сторонами, но и как факт официального признания белорусской советской государственности, как причина раздела белорусских земель на несколько частей. Р. П. Платонов и Н. С. Сташкевич противопоставляют две формы белорусской государственности (БНР и БССР) во время советско-польских переговоров 1920–1921 гг. (рижский этап). Авторами было введено в научный оборот значительное количество архивных материалов, в том числе связанных с внешнеполитической деятельностью правительства В. Ю. Ластовского и БССР (письма А. Г. Червякова к ЦК КП(б)Б во время его нахождения на Рижской мирной конференции) [222].

Наработки Г. Г. Лазько по проблеме советско-польских переговоров 1918–1921 гг. представлены в рамках научных статей, опубликованных в отечественных и иностранных изданиях. Автором проводится основательный анализ переговоров в Минске (август-сентябрь 1920 г.) и Риге (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.). Советско-польские переговоры рассматриваются в общем фарватере становления белорусского государства, общей политики Советской России по вопросу государственного самоопределения белорусских земель. На основе широкого круга источников автор доказывает, что БССР рассматривалась исключительно как карта дипломатической игры советского правительства в ходе мирных переговоров, как инструмент внешнеполитической линии РСФСР, направленной на реализацию идеи мировой пролетарской революции. Участие представителя ВРК БССР А. Г. Червякова в советско-польских переговорах в Риге сентября-октября 1920 г., по мнению автора [156, с. 43–45], было вызвано необходимостью нейтрализации дипломатических акций Рады Народных Министров БНР,

возможностью сближения Польши и деятелей БНР. Автор основной причиной недопуска представителя БССР к советско-польским переговорам в Риге называет только изменения во внешнеполитической линии советского руководства, одновременно не учитывая позиции польской стороны, которая достаточно критично ставилась к идее участия белорусских советских представителей в переговорном процессе [156, с. 41].

Проблематика международных отношений в восточноевропейском регионе во время польско-советской войны 1919–1920 гг. стала объектом исследования А. В. Тихомирова [273]. Автор, рассматривая советско-польские переговоры в контексте международных отношений Восточной Европы, делает попытку противопоставить формы внешнеполитических акций различных политических групп белорусского национального движения, представить целостную картину становления и развития белорусских земель как самостоятельного субъекта международного права. Автор справедливо оценивает внешнеполитические акции ЛитБел ССР января-апреля 1919 г. как «неудачные попытки использования средств дипломатии», констатируя отсутствие попыток обрести определенное значение в международно-правовых отношениях, «послушность» руководства КП(б) ЛиБ [273, с. 97]. Хотя замечались некоторые попытки руководства ЛитБел ССР отстоять свое право голоса: так происходило во время направления специальной миссии А. И. Венцковского, когда часть членов КП(б) ЛиБ выступила против принятия польского представителя и любой вероятности переговорного процесса между сторонами. Участие представителей ВРК БССР автор определяет как «достаточно пассивное», подкрепляя это фактом передачи РСФСР 10 сентября 1920 г. мандата на ведение мирных переговоров с Польшей [273, с. 265]. Автор прослеживает взаимосвязь решения финансово-экономических проблем и проблематики ректификации границы, и одновременно работы смешанной пограничной комиссии, но не приводит достаточной доказательной базы для аргументации данного факта [273, с. 310].

Советско-польские переговоры В. Е. Снапковским [246–251] воспринимаются как отдельный эпизод внешнеполитической деятельности белорусских государственных структур. Отчетливо показан факт, что территория Беларуси выступала как объект военной политики и дипломатии Советской России и Польши, не представляла в отмеченный период самостоятельной единицы международного права. Многочисленные усилия политических представителей, которые группировались вокруг идеи «независимости и неделимости Беларуси», сторонников идеи белорусской советской государственности, не могли быть реализованы в полном маштабе в существующей послевоенной геополитической ситуации. При помощи исследований В. Е. Снапковского произошло введение в научный оборот сложнодоступных для белорусских исследователей воспоминаний непосредственных участников мирной конференции польской делегации – Я. Домбского и В.

Грабского. Воспоминания опубликованы частично: сосредотачивается внимание на вопросах определения пограничной линии между сторонами, ректификации границы; на основные статьи Прелиминарного мирного договора, касающиеся белорусских земель. Рассмотрена проблема выдачи и последующего использования мандата ВРК БССР на ведение мирных переговоров 10 сентября 1920 г. Основной причиной появления этого документа автор называет внешнеполитические акции деятелей БНР и «легитимную, организационно-политическую слабость ВРК БССР» [249, с. 243].

Современная российская историография представлена работами Г. Ф. Матвеева [185; 403; 404], И. В. Михутиной [189], И. С. Яжборовской [295; 363; 373], Д. А. Коротковой [118], В. А. Зубачевского [91], С. Б. Дронова [82], И. И. Костюшко [119], В. Н. Савченко [241]. Исследование И. В. Михутиной положило начало критического пересмотра основных концепций польско-советской войны 1919–1920 гг. советской историографии. Впервые ставилось под сомнение общепринятая теория миролюбивой политики Советской России. Абсолютизируя теорию мировой пролетарской революции, которой, по мнению автора, были подчинены все основные цели и задачи Советского государства, автор обратила внимание исключительно на освещение военных способов достижения мировой революции, без учета агитационно-пропагандистских методов. И. В. Михутина противопоставляет федералистическую идею бельведерского лагеря Польши федералистической концепции В. И. Ленина по созданию цепи советских государств при общем руководстве и лидерстве РСФСР. Впервые вводятся в научный оборот многочисленные исторические источники, открытые для доступа исключительно российским исследователям.

В современной польской историографии советско-польские переговоры выступают не как самостоятельное политическое, социально-экономическое явление, а как составная часть политической и военной истории, средство манипуляции соперника, агитации, навязывания идей. Наиболее полно в многочисленных исследованиях польской историографии представлена проблематика заключения и сущности Рижского мирного договора. Осмыслению заключительного этапа переговорного процесса посвящены как сборники научных статей [321; 331; 334; 407; 415; 417; 433; 439; 451; 453], так и отдельные монографии [327; 330; 335; 368; 444].

Необходимо выделить направление, которое осуществляет рассмотрение проблематики советско-польских переговоров 1918–1921 гг. путем отображения внутриполитических расхождений, что существовали в Польском государстве между представителями «бельведерского лагеря» и сторонниками идей народных демократов. К этому направлению необходимо отнести исследования К. Гомулко [354–356], В. Матерского [401; 402], В. Балцерака [318], П. Маршалка [400], В. Войдылы [449], Д. Михалюк [406], А. Глаговской [352]. Именно через

призму внутриполитической борьбы и происходит раскрытие сущности белорусского вопроса. Белорусское политическое движение рассмотрено как противоречивое, неоднозначное явление. При этом в большинстве случаев процесс внутренней дифференциации белорусского политического центра, столкновения между сторонниками польской ориентации (Наивысшая Рада БНР) и так называемыми «независимыми» (Народная Рада БНР) опускаются. Советско-польские переговоры показаны в рамках двух последних этапов (барановичско-минского, рижского) путем отображения взаимовлияния переговоров на общее внутриполитическое положение Польского государства, на изменения в позициях представителей инкорпо-рационистской и федералистической концепций к белорусскому вопросу.

Оценка и анализ советско-польских переговоров 1918–1921 гг. в рамках современной польской историографии происходит через осмысление процесса формирования территории Польского государства, в том числе ее восточных границ. К этому направлению в историографии относятся исследования А. Чубинского [335], А. Василевского [444], Г. Доминичека [347], Г. Батовского [320], А. Айненкеля [297, 298], З. Ковальского [376]. В этих работах находят свое отражение этапы формирования восточной границы Польши, которые частично совпадали с этапами советско-польских переговоров. Белорусский вопрос характеризуется как незначительный, который польская сторона рассматривала в период до декабря 1919 г. только в виде автономной части Польского государства. По мнению большинства авторов, граница, установленная в Риге, была менее удачной, чем линия фронта, особенно на северо-восточном участке. Рижский договор положил конец двухлетним военным действиям, ситуации нестабильности на восточной границе.

Вторая попытка в польской историографии (после Ю. Куманецкого) рассмотреть советско-польские переговоры 1918–1921 гг. как целостную систему, на которую оказывало влияние военно-оперативное положение, была сделана Е. Баженцким [327; 328]. В соответствии с версией автора, польско-советская война представлена как вынужденная мера, шаг в ответ на агрессию Красной Армии, которая занимала «этническо-польские земли» [327, с. 48–49]. Е. Баженцкий утверждает, что основной причиной раскола белорусского национального движения в середине ноября 1919 г. стало стремление эсеровского большинства к сотрудничеству с Советской Россией, с целью вхождения в будущее коалиционное правительство [327, с. 98–99]. На основе мандата ВРК БССР 16 сентября 1920 г., ошибочно утверждается о стремлениях советской стороны требовать дипломатического представительства БССР в рамках Рижской мирной конференции в противовес акциям «правительства В. Ю. Ластовского» [327, с. 182]. Тем самым автор не обращает внимание на факт выдачи БССР двух мандатов 10 и 16 сентября 1920 г., на многочисленные высказывания Г. В. Чичерина о неготовности БССР к выступлению на международной арене.

Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. с точки зрения истории международных отношений рассматриваются в исследованиях Я. Гмитрука [352], Б. Стачевской [434], П. Ласовского [157; 348; 395; 396], А. Новака [408–411], В. Сулейя [436], П. Патирона [421], И. Кобзинской [367]. По мнению этих авторов, отношения Советской России и Польши находились в тесной взаимосвязи с позицией стран Антанты и США к «польскому» и «русскому» вопросам, особенно сильно чувствовалось влияние Великобритании на советское руководство, Франции на польское правительство в период минских и рижских переговоров. Рижский мирный договор, хоть и определял линию разграничения между сторонами, которая значительно расходилась с представленной линией Керзона, однако он закончил военное противостояние в восточноевропейском регионе, которое продолжалось с 1914 г., стал основой Версальской системы международных отношений.

1.2. Источники исследования

Наиболее полное описание советско-польских переговоров 1918–1921 гг. дано в многочисленных исторических источниках. Группа законодательных источников представлена комплексом постановлений, официальных обращений, заявлений ВЦИК РСФСР, СНК РСФСР, обращенных к Польскому государству, польскому народу или странам Антанты, в которых содержались основы внешнеполитического курса Советского государства. Данная группа характеризуется достаточно хорошей опубликованностью в рамках сборников «Декреты Советской власти» [68], периодического издания «Собрание узаконений» [252; 253]. Законодательные источники польской стороны представлены постановлениями, распоряжениями Совета Министров Польши, Совета обороны государства. Они почти полностью опубликованы и представлены в *“Dzienniku ustaw Rzeczypospolitej Polskiej”* или в рамках публикации А. Лейнванд и Я. Маленды [389].

Группа актовых материалов в основном представлена огромным комплексом дипломатических документов, в виде публично-правовых договоров: соглашения об обмене военнопленными 1919 г., договор о перемирии и прелиминарных условиях мира, окончательный мирный договор 1921 г., которые являлись итогом различных этапов советско-польских переговоров. Документы этой группы опубликованы в сборниках «Документы внешней политики СССР» (тома первый, второй, третий) под эгидой Комиссии по изданию дипломатических документов при Министерстве иностранных дел СССР [77–79], «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» (тома второй и третий) [80; 81] и в аналогичном польскоязычном сборнике документов [344; 345], публикация которых происходила с конца 1950-х гг. и до конца 1960-х гг., в сборнике *“Dokumenty z dziejow polskiej polityki zagranicznej”*, изданного уже в 1980-я гг. [346]. В 1994 г. по инициативе и при активном участии Института славяноведения и балканистики были подготовлены

два тома ранее неопубликованных документов и материалов в рамках «Польско-советской войны 1919–1920» [224; 225]. В сборнике размещены архивные документы частично с РГАСПИ, ГАРФ, РГВА и других хранилищ.

Широко представлены материалы официального делопроизводства: распорядительная документация, информационно-справочные материалы, текущая и дипломатическая переписка, протоколы и стенограммы. Огромный массив информации разнохарактерный, частично опубликован, позволяет проследить процесс принятия той или иной программы мирного урегулирования в регионе, определенной формы решения белорусского вопроса. В рамках материалов официального делопроизводства выделяется группа дипломатических материалов. Тесная связь советско-польских переговоров 1918–1921 гг. с общемировым международным положением, внутренней и внешней политикой Советской России и Польши заставляет исследователей данной темы обратить пристальное внимание на группу дипломатических документов. Ее можно выделить в самостоятельную категорию для исследования, она находит взаимосвязь с группой материалов официального делопроизводства и группой актовых материалов. Протокольный принцип дипломатической переписки позволял сторонам спрятать истинные намерения. Широко представлены личные и вербальные ноты, направленные от имени Народного комисариата иностранных дел РСФСР, Министерства иностранных дел Польши, с помощью которых происходило установление дипломатических отношений, делались предложения мирного решения спорных территориальных вопросов, ходатайства о начале мирных переговоров. Выделяется группа памятных записок Г. В. Чичерина, А. А. Иоффе, Я. Сапеги, которые направлялись для подтверждения сделанных ранее заявлений с целью усилить их значение. Меморандумы Рады Народных Министров ВНР представляют авторское видение вопроса истории белорусской государственности, легимности государственных образований на территории Беларуси. Официальные послания направлялись на адрес Парижской мирной конференции, странам Антанты и США, участникам мирной конференции в Риге. К этой группе необходимо отнести ряд личных писем участников советско-польских переговоров: А. А. Иоффе, Г. В. Чичерина, Я. Домбского, Я. Сапеги, А. Г. Червякова, содержание которых по причине чрезвычайной секретности не могло быть представлено в виде официальных дипломатических документов.

Основные статистические материалы представлены данными, полученными в итоге переписи 1919 г. и обработанные Е. Ромером и В. Студницким. В первую очередь это материалы, которые касались национального и религиозного состава местного населения, вопросов хозяйственной жизни края. Сложности при верификации этой группы источников требуют перед использованием статистических данных уточнения и перепроверки. Нельзя не обратить внимания на источники

личного происхождения, составленные в большинстве своем после польско-советской войны 1919–1920 гг. Некоторые деятели оставили свидетельства в форме дневниковых записей (диариушей): М. С. Коссаковского [374–375; 419], А. Луцкевича [176; 177], содержание которых частично опубликовано. «Диариуш» М. С. Коссаковского – чрезвычайно информативный, а по отдельным аспектам уникальный источник по проблеме советско-польских переговоров 1918–1921 гг. (беловежско-микошевичский, барановско-минский этапы). Положительной стороной названного источника является подача информации в ежедневном варианте, что дает исследователям возможность восстановить хронологические рамки описываемого события, выявить эволюцию взглядов автора по вопросу польской политики на «восточных кресах». К этой группе относятся воспоминания участников: Ю. Ю. Мархлевского [398], М. Ратая [423], Е. Осмоловского [322], Э. Войниловича [445], С. Грабского [361], И. Бернера [386], Л. Фишера [379], В. Витоса [448], М. Обезерского [377; 414], А. И. Цвикевича [58], И. Падеревского [416], Э. Ромера [426], которые позволяют не только реконструировать хронологию событий, но и сам дух эпохи. С другой стороны, субъективный характер этой группы источников требует вдумчивого отношения и критического использования.

Материалы периодической печати – совокупность изданий, которые выходили в определенные отрезки времени, выступали в качестве самостоятельных (независимых) информационных площадок или печатного органа того или иного партийного образования, управляющей структуры. Обращалось внимание на официальные советско-польские переговоры 1918–1921 гг., не затрагивая неофициальный формат и процесс обмена нотами. Во время написания монографии было проведено изучение ряда периодических изданий, которые выходили на оккупированной территории Беларуси в 1918–1921 гг. («Беларускае слова», «Беларуская думка», «Беларускія ведамасці», «Беларусь», «Звон», «Рунь», «Echo Grodzieńskie»), советских газет («Звезда», «Савецкая Беларусь», «Młot»), а также различных иностранных изданий («Воля России», «Голос России», «Сегодня», «Gazeta Warszawska», «Kurjer Poranny», «Robotnik», «Temps»). Материалы, помещенные в этих изданиях, могут не только уточнить данные, но и получить более полную картину при реконструкции событий того времени и ответить на некоторые, до этого времени неразрешенные вопросы. Большинство этих изданий (особенно польскоязычных) сохранилось частично, что создает значительные сложности при попытке их объективного и критического анализа.

Из рассмотрения историографии видно, что существует ряд вопросов советско-польских переговоров 1918–1921 гг., которые до этого времени или вообще не поднимались, или исследовались в недостаточном размере. Белорусский вопрос во время неофициальных и официальных советско-польских переговоров 1918–1921 гг., как отдельный предмет исследования до этого времени не поднимался в отечественной и

иностранный историографии. Неразработанной проблемой остаются неофициальные переговоры сторон на беловежско-микошевичском этапе (июнь-декабрь 1919 г.), частично затронут историками борисовский этап переговоров (декабрь 1919 г. – июнь 1920 г.), полностью не разработан второй этап рижских переговоров (ноябрь

1920 г. – март 1921 г.). Неизученным остается вопрос периодизации советско-польских переговоров, так как существует проблема определения начальной точки отсчета. Поэтому описание событий чаще начинается с декабря 1919 г. Спорным аспектом является интерпретация содержания и итогов Рижского мирного договора: каждой стороной этот документ воспринимается с точки зрения историографической парадигмы, соответствующей пространству и времени. Остается невыясненным вопрос ректификации линии разграничения, деятельности и функционирования смешанной пограничной и военной согласительной комиссии. Также не изучена проблематика, связанная с созданием и существованием нейтральной зоны; до конца не определено влияние белорусских национальных сил и организаций с «краевой» идеологией на ход советско-польских переговоров, особенно на их последнем этапе. Раскрытие сущности белорусского вопроса чаще всего происходит путем противопоставления государственных альтернатив, представленных БССР и БНР, вариант их взаимосотрудничества не рассматривался. Сложной по своим научным оценкам остается проблематика, связанная с военными действиями отрядов С. Н. Булак-Балаховича и сил Красной Армии, с событиями Слуцкого вооруженного выступления.

Значительная часть источников по проблеме советско-польских переговоров 1918–1921 гг. опубликована и введена в научный оборот. Однако, к сожалению, исследователи не имеют широкого доступа к архивным материалам ряда хранилищ Российской Федерации (например, Архива внешней политики). Требуют более глубокого изучения и публикации материалы личного происхождения, такие как «Диариуш» М. С. Коссаковского и воспоминания Е. Осмоловского. Многие источники (особенно периодическая печать) находятся на грани уничтожения, требуют перевода в электронный вид. Накладывает отпечаток специфика дипломатических документов, наблюдается частичное расхождение содержания официальных документов с неофициальными формами взаимоотношений. Только комплексный анализ источников позволит пополнить фактологическую базу по проблеме. К этому моменту неизвестным остается местонахождение части протоколов заседаний рабочих комиссий польско-российско-украинской мирной конференции в Риге, особенно территориальной комиссии. Проведенный историографический и источниковедческий анализ показывает, что формирование целостной системы советско-польских переговоров 1918–1921 гг. в советской и постсоветской историографии сталкивалось с проблемами недостаточной обеспеченностью архивным материалом, по причине его секретности и сложнодоступности для исследователей, до

конца оставалась неизученной белорусская проблематика на отдельных этапах советско-польских переговоров.

Глава 2

Белорусский вопрос в рамках неофициальных и официальных советско-польских переговоров: ноябрь 1918 г. – сентябрь 1920 г

2.1. Политика советской и польской сторон в отношении белорусских земель на начальном этапе советско-польских переговоров (ноябрь 1918 г. – май 1919 г.)

Позиция Польского государства в отношении белорусских земель формировалась под влиянием идеи возрождения Речи Посполитой в границах 1772 г. Однако существовали различные подходы по ее реализации. Так, представители федералистического лагеря белорусский вопрос оценивали только с позиций возможности использования его в деле борьбы за восстановление Речи Посполитой. Наилучшим вариантом будущего развития земель Беларуси и Литвы, по их мнению, являлось возрождение Речи Посполитой на принципах федерации при доминировании польской культуры [120, с. 152–153].

Идейные вдохновители и сторонники инкорпорационистской концепции высказывались против привлечения белорусов и представителей других наций бывшего Великого княжества Литовского к совместной борьбе с Советской Россией путем обещаний создать новую Реч Посполитую на основе добровольной федерации [391, с. 78–80]. Будущее Польское государство желали видеть унитарным, а ее граждан – сознательными носителями именно польской культуры. Согласно этой концепции, ту часть белорусских земель, которую Польша сможет оторвать от России, необходимо было включить в состав Польского государства на основе инкорпорации, а ее жителей-белорусов ждала полная асимиляция поляками [187, с. 4; 110, л. 102].

На беловежско-микошевичском этапе советско-польских переговоров (июль–декабрь 1919 г.) представители партии народных демократов рассматривали советские мирные предложения исключительно как проявление пропаганды, которая ставит своей целью распространить коммунизм на территорию Западной Европы. Вероятность начала мирных переговоров рассматривали только в случае освобождения

литовских и белорусских земель от войск Красной Армии, а также в случае полного отказа советской стороной от революционных лозунгов. В деле советско-польского урегулирования члены партии эндеков настаивали на привлечении представителей стран Антанты. В случае проведения Польшей самостоятельной внешней политики, она может оказаться в положении борьбы на два фронта: против Германии и Советской России. Выступали против реализации идеи создания литовско-белорусского государства в границах бывшего Великого княжества Литовского. Они считали, что литовцы могут получить государственное самоопределение только в границах своей этнографической территории. Однако, эндеки не исключали возможность установления союзных польско-литовских отношений. К сожалению, белорусы, по версии представителей отмеченной политической партии, находились еще на стадии государствообразующего формирования, их потенциал будет реализован в будущем. Как активные противники федералистической концепции бельведерского лагеря, эндеки выступали категорически против воззвания Ю. Пилсудского от 22 апреля 1919 г. и Виленской операции в целом. Правда, военные успехи польского войска несколько изменили их отношение: резко негативные оценки восточной политики Польши уступили место индифферентному поведению. Такая политическая линия, к сожалению, не касалась деятельности Генерального комисариата восточных земель, созданного в мае 1919 г., и личности Ю. Осмоловского. После достижения польскими войсками линии р. Двина – р. Березина, они фактически подошли к линии 1772 г., эндеки одни из первых подняли, как на заседаниях сейма, так и страницах периодической печати, вопрос необходимости дальнейшего продвижения на восток. Они считали, что наступательные военные операции Польши должны полностью согласовываться с позицией стран Антанты и США. Так, известный представитель партии народных демократов В. Козицкий считал, что Польша может вести только оборонительную войну [377, с. 12–18].

На борисовском этапе советско-польских переговоров (январь–июнь 1920 г.) вероятность достижения мира между сторонами рассматривалась только при выполнении следующих условий: 1) признание независимости и восточных границ Польши странами Антанты; 2) возвращение культурно-исторических ценностей и реквизированных капиталов; 3) выплата компенсации жителям Польши за утрату имущества; 4) признание права оптации; 5) демобилизация Красной Армии; 6) получение согласия на создание нейтральной зоны, в которую входили бы земли, которые находились на восток от Двины и Днепра. С. Галомбинский считал, что сам факт обмена дипломатическими нотами с Советской Россией можно расценивать исключительно как «польскую ласку». Дальнейшее продолжение мирных переговоров он рассматривал как «яркое проявление слабости Польши». Переход войск Красной Армии в активное наступление в июле–августе 1920 г. привел к возникновению ситуации жестокой политической

конфронтации между бельведерским лагерем и эндеками. Неоднократно озвучивался план отклонения Ю. Пилсудского от дел внешнеполитических отношений. «Чудо на Висле» незначительно изменило настроения народных демократов. Они настаивали на уточнении целей войны, что отчетливо было видно на заседаниях Совета обороны государства, коалиционного органа управления, созданного 1 июля 1920 г. для повышения обороноспособности страны. Несмотря на достаточно добродушные отношения к вопросу заключения союза между Польшей и монархическими кругами, к вопросу сближения с П. Н. Врангелем отнеслись резко негативно. Так как считали, что ни одна российская политическая сила не гарантирует для Польского государства более выгодные границы, чем большевики. В то же время, когда представители Советской России сообщили дипломатам Польши, что предоставляют им широкие территориальные уступки, дело российско-польского сотрудничества перестало быть настолько актуальным. После подписания Прелиминарного мирного договора 12 октября 1920 г., эндеки настаивали на быстрейшем заключении окончательного мира. Несмотря на тот факт, что этот дипломатический документ не был признан странами Антанты и США (это произошло только на Генуэзской конференции в 1922 г.), представители народных демократов рассматривали его как возможность стабилизации экономической и политической ситуации в стране, что может благоприятным образом сказаться на проведении плебисцита в Верхней Силезии.

Раздвоенность общественно-политической мысли, непоследовательность, а в некоторых случаях нелогичность, сказывались на политике польской стороны на белорусских землях. Это было заметно уже на начальной стадии советско-польских переговоров (ноябрь 1918 г. – май 1919 г.), во время направления специальной миссии А. И. Венцковского. Лидеры национал-демократических кругов страны рассматривали вероятность начала дипломатических отношений с Советской Россией только для решения вопросов гуманитарной проблематики (дела Регентского Совета, убийства российской делегации общества Красного Креста). Деятели, объединенные вокруг бельведерского лагеря и личности Ю. Пилсудского, рассматривали упомянутую миссию только как прикрытие военных акций Польского государства. Однако между двумя направлениями польской идеино-политической мысли было много чего общего. Во-первых, как представители федералистического лагеря, так и инкорпорационисты настаивали на создании сильной и процветающей Польши, которая будет иметь устойчивую, обороноспособную границу на востоке, наилучше за неё принять уже созданную линию бывшей немецких окопов. Во-вторых, наблюдалась определенная взаимоподчиненность лозунгам большевиков о праве наций на самоопределение, что заставляло оказывать поддержку национальным движениям на территории бывшего Великого княжества Литовского, манипулирование и заигрывание с белорусским национальным движением, в том числе и

идея сотрудничества местных политических сил со структурами Генерального комисариата восточных земель.

Политика Советской России по отношению к белорусским землям была тесным образом связана с общим курсом государства на реализацию идеи мировой революции. Советское руководство декларировало права наций и самоопределение, осуществляло поддержку национальных движений, которые строили свою деятельность на социалистической основе. Итогом отмеченного курса стало провозглашение ССРБ на рубеже 1918 г. и 1919 г. и признание ее независимости в конце января 1919 г. Она фактически получила статус субъекта международных отношений. Однако, на деле она была лишена возможности его реализовать. Само провозглашение Советской Беларуси было итогом желания руководства РСФСР создать на своих западных границах «буферное» государство, которая могла быть прикрытием для концентрации советских войск около границы буржуазных стран с тем, чтобы в необходимый момент помочь западным революционерам в разжигании огня мировой социалистической революции. Руководители БССР были вынуждены действовать в соответствии с партийной дисциплиной и теми указаниями, которые поступали из Москвы. Именно этим можно объяснить то, что на раннем этапе существования БССР ее внешнеполитическая деятельность характеризовалась пассивностью, сводилась к реализации планов, которые разрабатывались руководством Советской России.

Более самостоятельную внешнюю линию проводило руководство созданной в феврале 1919 г. ЛитБел ССР. Несмотря на неоформленность внешнеполитического ведомства «буферной» республики, общей зависимости ее курса от решений центрального руководства РКП (б), была предпринята попытка представить это государственное образование в виде отдельного, самостоятельного субъекта международного права. Еще до начала активных военных акций польской стороной 16 февраля 1919 г., Временное революционное рабоче-крестьянское правительство Литвы и ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Беларуси направили ноты протеста правительству Польши и с предложением решить все спорные вопросы путем создания смешанной комиссии для «установления государственной границы между созданной ЛитБел ССР и Польшей», решить все территориальные споры «с полной готовностью, полюбовно и миролюбиво» [78, с. 38–39]. Также руководство ЛитБел ССР положительно высказалось за проведение и международной конференции на Принцевых островах (1 марта 1919 г.) [78, с. 85–87]. Кроме этого, члены ЦК КП (б) ЛиБ активно выступали за допуск представителей ЛитБел ССР к переговорам Г. В. Чичерина и А. И. Венцковского [208, л. 52–54]. Эта независимая внешнеполитическая деятельность новосозданного государства активно поддерживалась со стороны Советской России. Так, в конце февраля-начале марта 1919 г. в Москве была создана дипломатическая миссия ЛитБел ССР в РСФСР,

во главе которой находился К. Ю. Гедрис [20, л. 1–6]. Практически во всех дипломатических документах, направленных в адрес Польского государства, советское руководство выставляет ЛитБел ССР в качестве самостоятельной международной единицы. Предлагалось решить все спорные территориальные и другие вопросы непосредственно путем переговоров с представителями этой республики. Действия способствовали международному авторитету молодого государства.

Окончание Первой мировой войны и иностранная интервенция стран Антанты и США против Советской России скорректировали политику большевиков: концепция мировой революции трансформировалась в революционную геополитику, в которой революционная составляющая выступала доминантой восприятия пространственно-политических изменений. Однако, все чаще руководство внешнеполитического ведомства РСФСР склонялось к осуществлению реальной политики, направленной на установление миролюбивых взаимоотношений с соседними странами и другими государствами европейского континента. Основным идеяным вдохновителем этого курса Советской России был народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин, который пробовал противопоставить военной альтернативе дипломатические средства решения спорных вопросов (мирные договоры с Эстонией, Латвией, Литвой и Финляндией). Именно по его инициативе делались попытки по признанию ВНР де-юре и де-факто, велись переговоры РСФСР с представителями белорусского национального движения [87, с. 336–337, 412]. Однако, этот план не получил поддержки среди других членов Политбюро ЦК РКП (б).

В конце 1917 г. В. И. Ленин заявлял: «Нам говорят, что Россия разделится на отдельные республики, однако этого не нужно бояться... Для нас не важно, где проходит государственная граница, важно то, чтобы сохранился союз между рабочими всех наций для борьбы с буржуазией, любых наций» [267, с. 143]. Однако вскоре, советское руководство начало интерпретировать право наций на самоопределение, как право на «самоопределение рабочих», которому можно придать любую форму, делать национальную политику более гибкой, позволяя признать независимость новых государств с учетом политической конъюнктуры.

Решение о провозглашении БССР было отрицательно воспринято партийными и советскими работниками в Смоленской, Витебской и Могилевской губерниях. Витебский комитет РКП (б) направил в ЦК РКП (б) письмо с требованиями распустить Временное рабоче-крестьянское правительство Беларуси. Витебские коммунисты утверждали, что «край уже давно русифицирован, языка и национальной культуры нет», «белорусских тенденций в широких пролетарских и крестьянских массах не было и не будет», называли провозглашение республики «интеллигентной задумкой товарищей с Белорусского комиссариата,

которые заразились национализмом». Такая же точка зрения была и у коммунистов из Могилева [267, с. 168].

18 января на совещании Особой комиссии Наркомата госконтроля и Наркомата финансов РСФСР был заслушан доклад «К вопросу создания Белорусской республики», подготовленный Е. Н. Вороновым. Основное внимание обращалось на экономическое положение Беларуси. В нем делался вывод, что не существует «никаких обоснований для создания не только самостоятельной Белорусской республики, но даже штата как части федеративного организма из сильно развитой автономии» [76].

16 января 1919 г. на заседании Президиума ЦК РКП (б) был рассмотрен так называемый «вопрос о Белоруссии». В итоге было принято решение, утвержденное Постановлением ЦК РКП (б), о направлении в БССР «для общего политического руководства» уполномоченного ЦК РКП(б) А. А. Иоффе [18, л. 3]^[1]. Ему поручалось провести через местные советы, а позже и через съезд Советов БССР, выделение Витебской, Смоленской и Могилевской губерний, «оставляя в составе БССР только Минскую и Гродненскую губернии». Следующим шагом А. А. Иоффе в Беларуси стало бы объединение выделенных белорусских губерний с РСФСР. И заключительным этапом – съезд Советов БССР должен был инициировать переговоры с руководством Латвийской, Литовской и Эстонской ССР, РСФСР с целью их будущего объединения в единый государственный организм.

О решении ЦК РКП(б) по вопросу трех белорусских губерний и о его причинах членам ЦБ КП(б) Б было сообщено 22 января 1919 г. Отмечая внешнеполитический аспект вопроса, представитель ЦК РКП(б) А. А. Иоффе сконцентрировал основное внимание на спорных моментах существования национальных республик – оно давало возможность «развития в значительной мере национально-шовинистических стремлений». Чтобы избежать данной угрозы представитель ЦК РКП (б) предложил: 1) ограничить размеры Белорусской республики географически необходимыми границами, это значит Минской и Гродненской губерниями; 2) обратится к РСФСР с предложением о федерации; 3) предложить Литве и Латвии вступить в переговоры с Россией о федерации. По первому пункту А. А. Иоффе высказался следующим образом: «ограничение территории должно стать средством ликвидации сепаратизма. Первоначально планировалось вообще включить всю территорию Беларуси целиком в состав РСФСР». Однако, «в условиях создания федеративной республики мы не имели бы буферов, в итоге все вопросы пришлось бы решать центральному правительству, это значит, ему пришлось бы вести бы непосредственную борьбу» [220, с. 82].

Не могли ли быть связаны обвинения в «национально-шовинистических намерениях» с вероятностью ведения переговоров между представителями БНР и отдельными членами правительства БССР. 15 января 1919 г. А. И. Луцкевич в «Дневнике» [178, с. 173] отмечал:

«Приехал курьер из Киева. Целый пакет писем! Особенно интересен доклад Смолича. Оказывается, провозглашение независимости Советской Беларуси в союзе с Россией это факт. А рефлексии Смолича на эту тему как будто подслушаны из нашей беседы!». Накануне, 10 января 1919 г. [178, с. 169] находим: «2.1.1919 советские власти провозгласили независимость Советской Белорусской Республики. Это всех наших так наэлектризировало, что все как один готовы ехать в Минск и работать вместе с большевиками. Это же настроение выявилось и на заседании Рады». Тем более сближение членов БНР с советскими представителями имело свои исторические корни. Так, 20 ноября 1918 г. Рада Народных Министров БНР приняла постановление о посыпке делегации в Москву [2, с. 305]. В Москву была направлена делегация во главе с Т. Т. Грибом, которая вела переговоры с председателем ВЦИК Я. М. Свердловым и поставила вопрос о признании независимости Беларуси в ее этнических границах. Поэтому нельзя целиком отрицать вероятность встреч в начале января 1919 г. одного из членов БПС-Р с Д. Ф. Жилуновичем, или с другим представителем Временного рабоче-крестьянского правительства БССР.

Что касается второго и третьего пунктов, то А. А. Иоффе объяснил присутствующим, что срочное включение Белорусской республики в Советскую Россию на правах федерации уничтожить все преимущества существования буферов-республик, так как тогда все переговоры будет вести центральное правительство, это значит, самой России придется непосредственно принимать в их участие. Поэтому ЦК признал наилучшим в данной ситуации принять метод долговременных переговоров о федерации. Кроме этого, создание ЛитБел ССР давало возможность создать «действенный барьер, который выдержит первый написк на империалистов», также «отгородить от польского и петлюровского империализма» [220, с. 76].

В отечественной историографии нет единой точки зрения о причинах выделения трех губерний из состава БССР. Общепринятым мнением является отождествление явления сокращения территории БССР с фактом создания ЛитБел ССР. Еще в начале 1960-х гг. украинский историк М. И. Куличенко выделяет среди основной причины сокращения территории БССР военную угрозу, которая исходила со стороны Польши [137, с. 249]. Также этот исследователь среди других факторов приводит желание советского руководства к установлению тесного федеративного союза Беларуси с РСФСР и другими советскими республиками. Почти аналогичное мнение у белорусского историка В. А. Круталевича [124]. В. Ф. Ладысев в монографиях и статьях отстаивает тезис о причинах экономического характера. «Выпадение из хозяйственного расчета Витебской, Могилёвской и Смоленской губерний создало дополнительные сложности для функционирования традиционно состоявшихся хозяйственных связей западных губерний с Центром [142, с. 159]. Р. П. Платонов и Н. С. Сташкевич также выделяли среди причин внешнюю угрозу захвата земель польскими войсками: «включение в

состав РСФСР Могилёвской и Витебской губерний, если бы другие территории захватило Польское государство, в перспективе стали бы основой возрождения белорусской государственности» [223, с. 128–143]. При этом, С. Н. Хомич приводит среди причин выделения Витебской, Могилевской и Смоленской губерний из состава БССР международные факторы, в первую очередь угроза со стороны Польши: «имея возможность пожертвования белорусскими землями, большевики не хотели рисковать всеми территориями, преждевременно включая большую их часть в состав РСФСР» [266, с. 45].

Идея ограничения территории республики не была принята ни группой А. Ф. Мясникова, ни сторонниками Д. Ф. Жилуновича. Доказательства бывших сотрудников Облисполкомзапа свидетельствуют, что они как и ранее охраняли не территориальную целостность Белорусской республики, а Западную область. В своем выступлении на заседании ЦБ КП(б)Б 22 января 1919 г. И. И. Рейнгольд отмечал нецелесообразность решения, считал, что выделение Витебской, Могилевской и Смоленской губерний из состава БССР наоборот укрепит «националистические тенденции». Кроме того, этот шаг может быть использован на благо представителями БНР в получении поддержки той части населения, которая будет несогласна с данным решением. Также им была приведена общность экономических интересов всех белорусских губерний [220, с. 83]. А. А. Иоффе в письмах к членам Политбюро РКП(б) неоднократно вспоминал о «сепаратизме» и «национализме» двух групп руководства БССР. Рекомендовал подробно изучить партийный личный состав, выделить наиболее «ценных», остальных уволить и заменить на того, кого «направит ЦК, частично поляками, частично местными рабочими» [16, л. 1].

Столкнувшись с сильной оппозицией в рядах руководства БССР, 26 января 1919 г. А. А. Иоффе очередной раз обратился к Я. М. Свердлову, Г. В. Чичерину с просьбой об уточнении целесообразности выделения Витебской, Могилевской и Смоленской губерний из состава БССР. Он квалифицировал уменьшение территории как «средство борьбы с сепаратизмом новой республики, с областничеством». Однако указывал, что этот шаг негативным образом скажется на международном статусе БССР: «хоть она существует и в переходном, формальном виде, она не может существовать в таком чрезвычайно сокращенном состоянии» [32, л. 4]. При этом А. А. Иоффе обратил внимание на существующие территориальные претензии Литвы на Гродненскую губернию. Даже гипотетически допускал: «в случае присоединения отмеченной губернии к Литовскому государству, БССР останется только в границах одной Минской губернии». В итоге он рекомендовал еще раз пересмотреть решение и найти так называемый «территориальный компромисс, это значит оторвать не все $\frac{3}{4}$ » [32, л. 4].

В этой связи возникла спорная ситуация с выделением Могилёвской губернии. Так, на заседании Президиума Могилёвского губернского

комитета КП(б)Б 28 января 1919 г. была заслушана телеграмма В. Г. Кнорина об оставлении Могилевской губернии в составе Беларуси в связи «с заявлением т. Иоффе, что губерния останется в составе Беларуси». Было принято решение «принять к сведению и руководства». На следующий день, 29 января, на заседании Президиума Могилевского губернского комитета совместно с представителями Климовичской, Чаусской, Копысской, Сенненской и Оршанской партийных организаций было единогласно принято постановление, в основу которого была положена телеграмма Я. М. Свердлова, что «Могилевская губерния не входит в состав Беларуси». Кроме того, на заседании третьей Невельской уездной партконференции 29 января также в соответствии с докладом И. И. Рейнгольда большинством голосов (21 – за, против – 2) была принята резолюция против выделения Витебской губернии из состава Белорусской республики [142, с. 160].

В конце января 1919 г. в Москву была направлена делегация ЦБ КП (б)Б в составе И. И. Рейнгольда и Р. В. Пикеля. Представители Компартии Беларуси пробовали убедить руководителей РСФСР в целесообразности территориального раздела Беларуси. Однако руководители Советской России с аргументами белорусских коммунистов не согласились. Я. М. Свердлов трижды (26, 29 и 30 января 1919 г.) подтверждал позицию А. А. Иоффе. В. И. Ленин на встрече с белорусской делегацией заметил, что Советская Беларусь необходима только в качестве буфера, который отделял бы Советскую Россию от других государств. Поэтому выделение из её состава восточных земель, которые не примыкали к другим государствам, вероятно, хоть на практике необходимо проявить максимум либерализма. В итоге руководство КП(б)Б решило подчиниться требованию ЦК РКП(б), но заставить за ЦБ КП(б)Б право добиться пересмотра вопроса о границах в случае улучшения ситуации на Западном фронте.

30 января 1919 г. белорусские власти получили телефонограмму от Я. М. Свердлова, в которой указывалось: «Делегатам ЦБ самым решительным образом было отказано в отмене решения ЦК. Подтверждаю: Витебская, Смоленская, Могилёвская отходят, остаются Беларуси губернии Минская и Гродненская. Прилагаю решение ЦК: провести на съезде Беларуси объединение с Литвой». Идея объединения советских Беларуси и Литвы была распространена среди партийных и советских руководителей уже в декабре 1918 г. Совещание крестьянских депутатов Минской губернии 12 декабря 1918 г. «высказалось за необходимость братского объединения Советской Беларуси с Советской Литвой и установление федеративных связей с РСФСР». Желание «тесного объединения рабочих Литвы и Беларуси для успешной борьбы с белорусско-литовской буржуазией» высказал в конце декабря 1918 г. и Минский Совет рабочих и солдатских депутатов в своем обращении к рабоче-крестьянскому правительству Литвы» [181, с. 159].

В тот же день А. А. Иоффе в письме к Г. В. Чicherину отмечал, что линия по созданию ЛитБел ССР достаточно удачная, так как «белорусский и литовский национализм будут в значительной степени один другого нейтрализовать» [16, л. 13]. Кроме этого, этот план станет действенным средством решения всех территориальных споров, которые существовали между ЛССР и БССР.

В январе 1919 г. НКИД РСФСР выступил с инициативой созыва представителей советских республик для решения спорных территориальных вопросов. При этом окончательное решение, как отмечал народный комиссар иностранных дел Г. В. Чicherин, принадлежало ЦК партии. Итогом заседания 25 февраля 1919 г., в котором принимали участие уполномоченные РСФСР, УССР, ЛитБел ССР, стало единогласное решение о передаче части украинских и белорусских территорий в состав Гомельской губернии РСФСР. ЛитБел ССР передавала Речицкий уезд Минской губернии и Дисненский уезд Виленской губернии. Руководство ЛитБел ССР также согласилось с временным (до выяснения позиции Советской Украины) подчинением органам власти РСФСР Мозырьского уезда Минской губернии и Пинского уезда Гродненской губернии [267, с. 168].

В ЦК РКП(б) существовал план созыва конференции, которая должна была бы решить все спорные территориальные вопросы, которые существовали между Беларусью, Литвой, Латвией, Украиной и Польшей. Первоначально планировалось ее созвать в Москве, затем местонахождение было изменено на Минск. Однако, данная конференция могла начать свою работу только после того, как все заинтересованные стороны высажут свои территориальные претензии и представят необходимую доказательную базу. 25 января 1919 г. А. А. Иоффе рекомендовал срочно созвать отмеченную конференцию. Такое решение стало итогом существующих территориальных претензий Польши к Беларуси (Белостокский и Бельский уезды Гродненской губернии), Литвы (часть Виленской, Гродненской и Ковенской губерний), существующей ситуации на границе, которая в «любой момент может создать *casus belli*» [16, л. 3–5]. Планировалось, что в конференции примут участие представители Польши, а также советских республик Латвии, Литвы, Беларуси и Украины, члены ЦК КРПП.

Согласно донесению полномочного представителя РСФСР в Литве и Беларуси Д. Ю. Гопнера от 17 января 1919 г., накануне произошла его встреча с А. Ф. Мясниковым по вопросу решения территориальных споров, которые существовали между ЛССР и БССР. Итогом этих переговоров должна стать конференция, созыв которой полномочный представитель РСФСР советовал провести в Минске или Двинске под его присмотром. На нее планировалось пригласить представителей от Литвы, Латвии, Беларуси, Украины. Среди территорий, которые могут вызвать «огромные разногласия» указывались Ошмянский, Лидский, Гродненский, Белостокский уезды [31, л. 35].

Проект созыва отдельной конференции (смешанной комиссии), которая бы решила все спорные территориальные вопросы находит свое отражение и в ноте Временного революционного рабоче-крестьянского правительства Литвы и ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Беларуси от 16 февраля 1919 г., направленной правительству Польши [78, с. 74–76]. В ней, кроме желания мирным путем решить все разногласия, указывалось о существовании «неразрывной связи между советскими социалистическими республиками (Россией, Латвией, Эстонией (Эстляндии), Украиной, Литвой и Беларусью), которые решили создать со всех этих Республик единую федеративную социалистическую советскую республику».

26 января 1919 г. на адрес Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, и лично для Г. В. Чичерина, В. И. Ленина, Я. М. Свердлова, И. В. Сталина поступила докладная записка от представителей Временного рабоче-крестьянского правительства – Д. Ф. Жилуновича, А. Г. Червякова, В. С. Фальского, В. Л. Дылы, Ф. Г. Шантыра, И. И. Пузырёва,

А. И. Квачанюка, Герушевича. В ней представители БССР выступили открыто против выделения, со следующим присоединением Витебской, Смоленской и Могилевской губерний к РСФСР. Данный шаг «коренным образом изменяет политическую ситуацию и не позволяет благоприятно решить белорусский вопрос». Кроме этого, указывалось, что существование сильной Белорусской Советской Республики «уничтожит все анексионистско-империалистические стремления Польши, Литвы и Украины, которые находятся под опекой Антанты» [18]. Также обращалось внимание, что отмеченное решение РСФСР нарушит «объявленные принципы независимости и суверенности республики, негативным образом скажется на жизненных интересах белорусского пролетариата и крестьянства» [18].

В конце января 1919 г. на Минской губернской партийной конференции была принята резолюция за подписями членов Бюро И. И. Рейнгольда, Р. П. Найдёнкова, В. Г. Кнорина, где высказывалось недоверие представителю ЦК РКП(б) А. А. Иоффе, размещалось требование отзыва его из Беларуси. Серьезные упреки в администрировании были сделаны и в адрес Я. М. Свердлова. В ответ на это решение через несколько дней на адрес ЦБ КП(б) от ЦК РКП(б) за подписью И. В. Сталина поступила телеграмма, в которой отмечалось, что ЦК партии выказывает полное недоверие деятельности Иоффе, а от Рейнгольда, Найдёнкова и Кнорина, которые подписали резолюцию, принятую Минской губернской конференцией, требовалось «подтверждение доказательствами обвинения в национализме Иоффе, так как иначе «будут притянуты к ответу за клевету» [235]. Однако ЦК РКП(б) вынужден был учитывать негативное отношение советско-партийного руководства Беларуси и Литвы к деятельности А. А. Иоффе. Поэтому позже, при формировании руководящих органов ЛитБел ССР, И. В. Сталин в телеграмме в Вильно, адресованной советскому правительству

Литвы и Беларуси, сообщал о позиции ЦК РКП(б), что «на кандидатуре Иоффе не настаиваем, пусть будет Циховский» (имелась в виду должность председателя президиума ЦИК ЛитБел ССР).

2-3 февраля 1919 г. в Минске прошел I Всебелорусский съезд Советов. Большая часть делегатов приехала на съезд из Минской губернии (121 человек). 25 делегатов направила в Минск Виленская губерния, 11 – Гродненская, 10 – Могилевская. 7 человек представляли на съезде организации беженцев. Представители Витебской и Смоленской губерний выехать в Минск отказались, что вызвало недовольство у Председателя ВЦИК РСФСР Я. М. Свердлова, который представлял на съезде ЦК РКП (б). Под его принуждением Смоленская губерния направила в Минск 49 человек, однако представители Витебской губернии на съезд выехать отказались. I Всебелорусский съезд Советов подтвердил акт самоопределения Беларуси на советской основе, принял Конституцию БССР. Делегаты съезда высказали желание находится в тесном союзе с РСФСР и обратились ко всем советским республикам с предложением срочно начать переговоры об установлении федеративной связи между ними и Советской Россией. Съезд также санкционировал передачу в состав РСФСР Витебской, Смоленской и Могилевской губерний и юридически оформил объединение Советской Беларуси с Советской Литвой, ссылаясь на необходимость организации сопротивления контрреволюции и общность экономических интересов республик.

Протоколы заседаний ЦК РКП(б), переписка большевистских лидеров, директивы и указания, которые поступали из Москвы руководству ССРБ и ЛССР, свидетельствуют, что в ЦК РКП (б) были более значительные причины (кроме внешнеполитических) для объединения Литовской и Белорусской советских республик. Исходя из документов, которые стали известны историкам совсем недавно, не последнюю роль в создании ЛитБел ССР имел территориальный вопрос. Создавая ЛитБел ССР, ЦК РКП (б) решил и ряд других достаточно близких проблем. Председатель ЦИК РСФСР Я. М. Свердлов, раскрывая белорусским коммунистам ночью перед I Всебелорусским съездом Советов мотивы объединения республик, отмечал, что важным «мотивом создания единой Белорусско-Литовской республики является стремление ЦК сохранить эти республики от проявления в них националистическо-шовинистических стремлений». Создавая ЛитБел ССР, большевистское руководство рассчитывало уничтожить так называемый региональный сепаратизм, как в форме Западной области, или в виде ССРБ. Так как ни руководство области в лице Облисполкомзапа, ни белорусские коммунисты, которые входили в состав правительства ССРБ, не пользовались полным доверием ЦК РКП (б).

После объединения ЛССР и БССР, А. А. Иоffe, согласно его переписки с Г. В. Чичериным, сосредоточил свое внимание на так называемой «местной работе», планировал наладить «правительственную работу»,

«заняться налаживанием границы». 22 февраля 1919 г. он сообщал членам Политбюро РКП (б) о необходимости срочного создания военного округа, который бы совпадал с границами республики. Этот шаг являлся целесообразным из-за быстрого передвижения польских войск с Юго-Западного (направление Львова) на Северо-Западный фронт (направление Гродно-Вильно) [16, л. 24]. Кроме этого Иоффе обратил пристальное внимание на распространение агитационной литературы на территорию Польши.

Формирование государственных органов ЛитБел ССР находилось под пристальным контролем ЦК РКП (б). Назначение на все ключевые должности в правительстве ЛитБел в обязательном порядке проводилось после подтверждения кандидатуры в ЦК РКП (б) или с санкции представителя ЦК. Подробные отчеты об организационных мероприятиях в связи с формированием государственных органов власти ЛитБел ССР помещались в сообщениях представителя ЦК РКП (б) А. А. Иоффе, который регулярно передавал их в Москву.

Основываясь на этих сообщениях, ЦК РКП(б) утвердил кандидатуру К. Г. Циховского в качестве председателя ЦИК ЛитБел и В. С. Мицкевича-Капсукаса – председателем СНК республики. Ключевые комиссариаты возглавляли: наркомат по иностранным делам – В. С. Мицкевич-Капсукас, внутренних дел – З. И. Алекса-Ангаретис, государственного контроля – С. И. Берсан, образования – Ю. Ю. Лещинский, военных дел – И. С. Уншлихт. В процессе формирования государственного аппарата, центральных и местных органов власти руководство ЛитБел столкнулось с острой кадровой проблемой. Частично кадровый дефицит был вызван тем, что представитель ЦК РКП (б) А. А. Иоффе не желал включить в состав литовско-белорусского правительства на высокие должности бывших деятелей Облисполкомзапа. Как сообщал в письме В. И. Ленину и в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР Я. С. Милецкий, также представитель ЦК РКП (б) в Литве и Беларуси, виленские коммунисты с желанием приглашали в правительство ЛитБел представителей интеллигенции. Такие действия вызвали сильное недовольство среди областных представителей, и стали причиной резкой резолюции, которая была вынесена Минской губернской партийной конференцией 2 апреля 1919 г. [198, л. 36].

В помощь А. А. Иоффе из Москвы в Вильно был направлен С. С. Пестковский. Кроме этого, еще к приезду А. А. Иоффе для организации работы на территории Литвы и Беларуси был направлен Д. Ю. Гопнер. Он, как полномочный представитель РСФСР в Литве и Беларуси (скорей всего имел полномочия от Народного комиссариата национальностей) находился на этой должности с декабря 1918 г. В начале февраля 1919 г. А. А. Иоффе поставил вопрос о целесообразности нахождения Д. Ю. Гопнера в Вильно. В ответ, Г. В. Чicherin объяснил функции последнего: «так как Иоффе должен оставаться в тени, Гопнер может связываться с некоторыми элементами белорусского общества, с которыми контакт Иоффе нежелателен. Он посвятит себя всем видам

агитации». Также народный комиссар иностранных дел РСФСР напомнил о функции Д. Ю. Гопнера по информированию ЦК РКП (б) о ситуации в белорусском правительстве [30, л. 8]. Именно поэтому предложение о выдвижении А. А. Иоффе на пост главы ЛитБел ССР, которое было озвучено на заседании ЦБ КП(б)Б 1–2 февраля 1919 г. Я. М. Свердловым, И. И. Найденковым, не было поддержано центральным руководством. Кроме того, срочно в Вильно был направлен К. А. Машицкий, который присутствовал на заседании ЦБ КП(б) Б 2–3 февраля 1919 г., в качестве представителя так называемого «дипломатического корпуса» [220, с. 93].

Ключевой причиной командирования А. А. Иоффе в Вильно стала вероятность начала советско-польских переговоров. Так, на встрече Р. В. Пикеля и И. И. Рейнгольда с Я. М. Свердловым в Москве, кроме решения вопроса выделения Витебской, Могилевской и Смоленской губерний из состава БССР, были затронуты и взаимоотношения БССР (ЛитБел ССР) с Польшей. В итоге Я. М. Свердлов настаивал на заключении с польским руководством соглашения, которое решит все спорные территориальные вопросы между сторонами. Председатель ВЦИК РСФСР рекомендовал «для дипломатии использовать Иоффе» [220, с. 92].

А. А. Иоффе должен был представлять ЛитБел ССР на этих переговорах. Центральное советское руководство всеми возможными и невозможными средствами стремилось к выставлению ЛитБел ССР в качестве самостоятельной международной единицы, настаивало на решении всех спорных территориальных вопросов, которые существовали между Польшей, Литвой и Беларусью, непосредственно через переговоры с представителями объединенной советской республики.

На заседании ЦБ КП (б) Б 22 января 1919 г. А. А. Иоффе отмечал, что «претензии Польши могут быть решены частично дипломатическим путем. Поэтому удобней, чтобы она столкнулась с буферами – Литвой и Беларусью» [220, с. 81]. В ноте народного комиссара иностранных дел РСФСР к министру иностранных дел Польши, направленной 10 февраля 1919 г. как ответ на ноту от 7 февраля 1919 г., указывалось, что «вопросы, касающиеся территориальных соглашений, должны будут решаться путём переговоров с правительствами Советских Республик Литвы и Беларуси, касающиеся их непосредственно, и к которым мы собираемся обратиться с предложением наших услуг» [78, с. 69].

Дипломатическая переписка была начата задолго до первых военных столкновений (февраль 1919 г.). Продвижение войск Красной Армии вглубь литовско-белорусских территорий вызвали протесты со стороны польского правительства. 22 декабря 1918 г. была направлена нота Министерства иностранных дел Польши, в которой министр Л. Василевский в категорической форме обвинил советскую сторону в

незаконном захвате земель, которые не принадлежат ей по закону. Это дало толчок к продолжительной переписке между сторонами.

На основе принятого 13 ноября 1918 г. постановления ВЦИК об аннулировании Брест-Литовского мирного договора Красная Армия начала постепенно продвигаться на запад, занимая следом за германскими войсками белорусские земли. Командующий Западной армией А. Е. Снесерёв отдал приказы от 9 и 13 декабря 1918 г., в которых Красной Армии ставилась задача выйти на линию Вильно – Гродно – Мосты – Лунинец – Пинск и врываться в этнографические границы Польши [267, с. 78]. Руководство РСФСР считало, что, если советские войска остановятся на данной линии, то не нарушают этническую границу Польского государства. В феврале 1919 г. А. А. Иоффе настойчиво рекомендовал Г. В. Чичерину принять все меры против вторжения в бесспорно польские области («Конгрессувка»), что может быть расценено польской стороной как непосредственная причина для военного конфликта [32, л. 11–11 об.].

Польские же власти видели ситуацию с другой стороны. Установление советской власти в Беларуси и размещение на ее территории частей Красной Армии уже были расценены польской стороной как оккупация польских территорий. В ноте Министерства иностранных дел Польши от 30 декабря 1918 г. польское правительство обвинило большевиков в проведении «агрессивной и империалистической политики». Министр иностранных дел Л. Василевский заявил, что нахождение Красной Армии на белорусских землях затрагивает жизненные интересы поляков и в связи с этим, предупреждал о готовности польского правительства «охранять вооруженным путём неприкосновенность территорий, населённых польской нацией, против вторжения войск русского Советского правительства» [78, с. 17]. Польские власти отказывались установить дипломатические отношения с РСФСР и признать национальные советские республики, которые были созданы в конце 1918 г. – начале 1919 г. в Беларуси, Украине и Прибалтике.

2-5 января 1919 г. в Варшаве находилась дипломатическая миссия В. Ястребского с целью установления товарооборота между РСФСР и Польшей. Неофициальные встречи с министром работы и социальной защиты Ю. Ивановским и министром иностранных дел Л. Василевским не дали желанных результатов. Предложения Я. Ястребского об обмене каменного угля на кокс, покупке цинка и металлической посуды оказались не выгодными для польской стороны по причинам внешнеполитического характера. Занятие Красной Армией Вильно, ее столкновение с отделениями Самообороны Литвы и Беларуси стали основой для выставления польской стороной обвинения в агрессивных намерениях Советской России и в ведении «неофициальной войны» [438, с. 19]. Но в итоге неформальных переговоров с представителями ЦК ППС В. Ястребскому было поручено передать народному комиссару иностранных дел Г. В. Чичерину о своей готовности вести

неофициальные переговоры с советской стороной, однако, при условии «признания СНК РСФСР независимости Польши, созыва Учредительного Собрания при Съезде Советов рабочих депутатов в Литве для самоопределения Литвы; обещания не вторжения Красной Армии в границы Польши» [438, с. 20].

Напряженность отношений между сторонами вылилась в агрессивные действия против членов российской делегации общества Красного Креста. На территории Высоко-Мазовецкого уезда в январе 1919 г. часть этой делегации была убита польскими солдатами. Дело приобрело огромное общественное и международное звучание, на страницах периодической печати неоднократно обращалось внимание на этот вопрос. Однако, несмотря на незавершенность процесса расследования, вся ответственность возлагалась на польскую сторону. Советское же руководство в ответ на эти противоправные действия, интернировала членов делегаций Регентского Совета и Комиссии по делам военнопленных [216, с. 13–14]. Именно по этим причинам в рядах польского руководства появилась идея по направлению специальной миссии, что будет действовать под прикрытием решения вопросов общества Красного Креста (обмен военнопленными, решение дела миссии Российского общества Красного Креста). В Министерстве иностранных дел Польши не было больших споров по вопросу кандидатуры руководителя этой миссии. Во главе ее был поставлен А. И. Венцковский, который имел неплохие связи среди советской политической элиты, был хорошо знаком с российским социалистическим движением. Внешнеполитическое ведомство Польши предписывало руководителю «вступить в отношения с советским правительством по различным вопросам, поднятых последним, которые находятся в интересах двух правительств и которые необходимо в скором времени решить» [78, с. 68–70]. В свою очередь, вместе с официальными полномочиями А. И. Венцковскому было вручено письмо-предложение ЦРК ППС в адрес ЦК РКП (б), в котором рассматривалась в качестве вероятной плебисцитарная альтернатива. Именно проведение голосования среди местного населения спорных территорий, в том числе и белорусских земель, станет возможным средством предотвратить военный конфликт и стать мирным способом решения территориальных споров между сторонами.

Согласно мнению Ю. Ю. Мархлевского, истинной причиной миссии А. И. Венцковского была «необходимость реабилитировать себя перед мировой общественной мыслью в связи с инцидентом с миссией Красного Креста» и «замаскировать свои захватнические планы, возбудить надежды на мирное решение конфликта» [283, с. 129–130]. Хотя в польской историографии существует противоположная точка зрения, согласно которой миссия А. И. Венцковского имела своей целью «достигнуть компромисс между сторонами и таким образом способствовать мирному решению спорных вопросов» [420, с. 127–128]. Основой для строительства последнего тезиса выступают предложения

ЦРК ППС к ЦК РКП (б), которые были представлены советскому руководству А. И. Венцковским, об «установлении границы на основе самоопределения населения спорных территорий путём полного вывода посторонних войск и проведения голосования на условиях полной свободы» [438, с. 33]. Советское руководство накануне переговоров имело надежды решить мирным путем все спорные вопросы, в том числе «территориальные споры» с правительствами советских республик Литвы и Беларуси, «к которым мы имеем намерение обратиться с предложением наших услуг с целью помочь решать эти вопросы» [420, с. 127–128] и создать смешанную комиссию из представителей Литвы, Беларуси и Польши [438, с. 114–115]. В качестве спорных территорий между Польшей и Беларусью советское руководство признавало только пограничные земли: Белостокский и Бельский уезды Гродненской губернии [15, л. 4]. Руководство же ЛитБел ССР, предлагая мирно решить вопросы путем организации голосования, в качестве спорных территорий называло только Белостокский уезд Гродненской губернии.

Специальная миссия А. И. Венцковского через Гродно – Меречь – Вильно прибыла 15 марта 1919 г. в Москву и представила правительству РСФСР материалы следственной комиссии по вопросу убийства членов Российского общества Красного Креста. К делу встречи польской делегации советское руководство отнеслось чрезвычайно серьезно, для ее сопровождения был представлен эскор特 во главе с С. С. Пестковским и И. М. Митюровым, возникло опасение, что «повстанцы не застрелят её из-за мести по причине расстрелов в Польше» [13, л. 6–7]. Таким образом советская сторона ликвидировала любую возможность сбора А. И. Венцковским и другими членами миссии какой-либо информации о Советском государстве, которую можно использовать против нее в военных целях. Так, народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чicherin в письме к В. С. Мицкевичу-Капсукасу от 11 февраля 1919 г., обращая внимание на хорошую осведомленность польского представителя («личность, которая долгое время проживала в России»), приказал создать во время его проезда через литовские и белорусские земли условия «исключительной возможности сообщения о нашем военно-политическом положении» [13, л. 8].

13 марта 1919 г. Г. В. Чicherin «под большим секретом» сообщал А. А. Иоффе о том, что он на несколько дней отъезжал в Петроград, где произошла его встреча с начальником политического отдела американской мирной делегации в Париже У. Буллитом. Он являлся поверенным представителем В. Вильсона и Д. Ллойд-Джорджа, которые без согласия со стороны Франции желали обсудить с советским руководством территориальный вопрос и заключить соглашение, которое было бы приемлемым для двух сторон. У. Буллит передал требование об остановке военных действий и желание созвать конференцию. При этом «правительства продолжают владеть той территорией, которая им подчинялась на момент провозглашения перемирия, до того времени, до

того момента пока не изменят путём голосования или восстания» [32, л. 27]. В ответ Г. В. Чicherin требовал, чтобы на конференции было отдельно выделено, какими землями и полномочиями будет владеть каждое правительство. Антанта согласилась вывести свои войска с территории бывшей Российской империи при условии уменьшения количества советских войск. В итоге, 12 марта 1919 г., после принятия У. Буллитом некоторых изменений, был выработан проект окончательного соглашения, которое советское правительство было обязано принять, если оно будет предложено до 10 апреля 1919 г. Согласно проекту, предусматривался созыв специальной конференции для заключения договора на основе установленных ранее условий, а именно: стороны, которые воюют на территории бывшей Российской империи, отказываются от идеи полной ликвидации один одного, сохраняют в своем распоряжении земли, которые в данный момент им подчиняются. При этом население этих территорий имеет право изменить политический строй. С Советской России будет снята экономическая и политическая блокада, между сторонами должны быть установлены дипломатические отношения. Антанта брала на себя обязательство не оказывать какой-нибудь помощи сторонам, которые воюют против Красной Армии. Предусматривалось проведение политической амнистии [32, л. 28].

Однако, данный проект так и остался на бумаге. Изменения военно-оперативного положения на фронтах Гражданской войны: успешное продвижение войск А. В. Колчака на Восточном фронте стало причиной отказа руководствам Великобритании и США от реализации на практике условий выше указанного соглашения.

15 марта 1919 г. от А. А. Иоффе на адрес Г. В. Чичерина поступило письмо, в котором представитель НКИД РСФСР в Литве и Беларуси советовал срочно «принять указанное Вами соглашение (предложенное У. Буллитом), так как «фактически» территории быстро теряются: вчера был взят Слоним, угрожают Барановичам, взяты Шавли, угрожают Поневежу... Если начать, то нам было бы очень важно, чтобы занимаемая нами сейчас часть Литвы и Беларуси оставалась за нами. Я бы советовал форсировать это». Несмотря на начало польского наступления, советское руководство стремилось удержать за собой хоть и небольшую часть литовско-белорусских земель, до того момента, пока не будет установлен так называемый статус-кво, предложенный У. Буллитом. Самостоятельный статус ЛитБел ССР должен был при этом решить вопрос о судьбе этих территорий, и передать их в подчинение Советской России. Именно поэтому во время встречи в Москве с А. И. Венцковским советское руководство любыми способами стремилось выставить ЛитБел ССР в качестве самостоятельного государственного образования, которое станет проводить переговоры с Польшей по спорным территориям. Это становится ясным и из письма А. А. Иоффе к Г. В. Чичерину 8 февраля 1919 г., где упоминалось о его встрече с комиссаром по делам искусства и польских древностей при

Ликвидационной комиссии Регентского Совета профессором С. Дыбычинским. Последний должен стать посланником к польскому руководству с целью решения многочисленных вопросов, которые лежат в сфере советско-польских интересов, в том числе «передать о нашем желании по соглашению с непосредственными соседями Польши – Беларусью и Литвой, чтобы избежать кровопролития» [32, л. 11—11об.].

Далее в этом письме А. А. Иоффе к Г. В. Чичерину читаем: «Надеемся, что в переговорах с Венцковским вы будете отвергать любые переговоры о Литве и Беларуси, ссылаясь на самостоятельность этой республики. В противном случае не имело смысла играть всю эту комедию» [16, л. 29]. Снова возникает много вопросов. Какую «комедию» имел в виду А. А. Иоффе? Скорее всего, тут речь шла о создании ЛитБел ССР.

Получается, что советское руководство планировало заключение договора между Польшей и ЛитБел ССР, который решал все спорные территориальные вопросы между сторонами. Наиболее вероятно, что заключение предварительного соглашения должно было произойти во время встреч Чичерина-Венцковского в конце марта – начале апреля 1919 г. в Москве. Однако, имел ли польский уполномоченный необходимые полномочия? Во всех официальных документах указывалось о полномочиях А. И. Венцковского на решение вопросов, которые лежали в сфере интересов Красного Креста, а также «по делу освобождения арестованных членов Регентского Совета и убийства членов Российского общества Красного Креста» [438, с. 27]. Вообще, миссия А. И. Венцковского воспринималась советским руководством как средство предотвращения начала военных действий с Польшей, «чтобы не создать себе еще одного нового фронта», с целью «передышки с польской стороной» [32, л. 18].

После ознакомления с представленными документами, советское руководство освободило часть интернированных лиц, была создана смешанная советско-польская комиссия по решению дела заложников, в состав которой входили по три представителя от каждой стороны. Однако, А. И. Венцковский высказался категорически против привлечения прямо или косвенно к делу советско-польских переговоров представителей ЛитБел ССР. Во время встречи с Г. В. Чичериным он высказал сомнение относительно легитимности советской власти на территории Литвы и Беларуси («нашествие московских коммунистов», «самочинное правительство») [32, л. 33]. Народный комиссар иностранных дел всячески стремился убедить польского представителя, что ЛитБел ССР – это самостоятельное государство, связанное федеративными связями с РСФСР. При этом отмечал о наличии «провинциальной местной власти с широкими полномочиями» в Минске, которая не является «частью правительства» [32, л. 33]. Тем самым подчеркивалась некоторая самостоятельность Минского губернского комитета, его неподконтрольность СНК ЛитБел ССР. Так, по словам В. Г.

Кнорина Минский губернский комитет «плохо связывался с руководящими органами республики в Вильно, часто оглядывался на Москву, предпринимая сепаратные от своего центра шаги» [112, с. 54]. При этом литовские политики в правительстве ЛитБел ССР достаточно либерально смотрели на эти проявления сепаратизма. Таким образом, признавая отличия Минчины от остальных регионов республики и соглашаясь с ее «независимостью», литовские деятели в правительстве ЛитБел ССР по существу ставили точку в дискуссии о принадлежности территорий, которые лежали на запад от границ Минской губернии. Эти земли они считали исключительно литовскими.

В итоге А. И. Венцковский отмечал, что «если мы стоим за Литвой, то Антанта стоит за Польшей, и будет необходимым участие представителя Антанты». Тем самым польский представитель показал, что руководство Польского государства знает о факте ведения переговоров Советской России и представителем стран Антанты (У. Буллитом), рекомендовал продолжить «контакты между Вами и Антантой» [32, л. 31]. При этом А. И. Венцковский отмечал особенную заинтересованность целями своей поездки в Москву со стороны Междусоюзнической миссии во главе с Ю. Нулансом.

Во время переговоров Г. В. Чичерина с А. И. Венцковским предложения ЦРК ППС советским руководством были приняты, но в них были внесены некоторые дополнения: 25 марта 1919 г. было высказано согласие на проведение плебисцита «трудящихся масс» на территории Литвы и Беларуси при условии вывода «чужих войск» [78, с. 76]. Категория «чужие войска» распространялась исключительно на польские военные части, которые до середины марта 1919 г. овладели Слонимом и Пинском, Волковыском, Брестом, Скидлем, вилейско-молодечненским районом. Военные единицы Красной Армии, представленные частями Западного фронта, признавались в качестве вооруженных сил новосозданной ЛитБел ССР и поэтому не подпадали под категорию «чужих войск». При этом с территории Беларуси было предложено войска не выводить, а определить границу по линии фронта, что фактически означало раздел белорусских земель на две части [224, с. 8].

Позиция советской стороны 27 марта 1919 г. была сообщена через курьера польскому руководству [13, л. 36]. 3 апреля 1919 г. Комиссия по иностранным делам при польском сейме рассмотрела дело переговоров А. И. Венцковского и констатировала: 1) советская сторона стремится использовать их «для получения официального признания ЛитБел ССР»; 2) руководство РСФСР не проявило «достаточного желания к миру»; 3) заключение каких-либо международных договоров с Советской Россией без участия стран Антанты и США является небезопасным для Польши. Кажется, последний третий пункт решения Комиссии и стал ключевым для польского руководства, чтобы заявить, что полномочия А. И. Венцковского ограничиваются исключительно решением дел общества Красного Креста [425, с. 40–41]. 4 апреля 1919 г. польский сейм утвердил

резолюцию по вопросу проведения восточной политики Польши, в которой было подтверждено право польского, литовского и белорусского народов, что проживают на землях бывшего Великого княжества Литовского, на самостоятельное волеизъявление. Провозглашалось, что польский сейм не может принять в качестве такого волеизъявления ни Литовско-Белорусскую ССР, зависимую от Советской России, ни образований, которые появились во время немецкой оккупации и без участия большинства местного населения [425, с. 44].

Предложения о начале переговоров по территориальным вопросам, а также принятие предложения о проведении плебисцита на территории Литвы и Беларуси остались без ответа. Советское руководство не до конца было готово на реальную, практическую реализацию плебисцитарной идеи и выведение всех иноземных войск. Так, А. А. Иоффе в письме к Г. В. Чicherину 15 марта 1919 г. советовал обходить вопросы о переговорах в отношении территории Литвы и Беларуси, ссылаясь на самостоятельность этой республики [16, л. 29]. Однако нельзя отрицать стремления руководства Советской России по нормализации отношений с Польшей, хоть и временной, что объяснялось нежеланием «создать себе еще нового фронта» [32, л. 18].

На заседании ЦК КП ЛиБ, которое проходило 5 апреля 1919 г. в Вильно, присутствовал, кроме руководящего состава ЛитБел ССР, представитель НКИД РСФСР А. А. Иоффе. На этом заседании обсуждался вопрос советско-польских переговоров между Г. В. Чичериным и А. И. Венцковским. Так, представители ЛитБел ССР желали их присоединения к переговорному процессу. Как аргумент против претензий стали планы о подключении К. Ю. Гедриса – полномочного представителя ЛитБел ССР в Москве. Однако из-за его отсутствия в дипломатическом представительстве и невозможности с ним связаться, эти расчеты не осуществились.

На этом заседании И. С. Уншлихт заявил, что «интересы международного пролетариата стоят выше национальных вопросов, именно поэтому за мир с Антантой можно смело отдать даже целую территорию Литвы и Беларуси» [208, л. 53]. Кроме этого, он как бывший председатель Центральной коллегии по делам военнопленных и беженцев (апрель 1918 г. – январь 1919 г.) напомнил о нерешенности во время встреч Чичерина-Венцковского вопроса беженцев, была затронута только проблема освобождения заложников.

Общий тон выступлений И. С. Уншлихта перекликается с письмом А. А. Иоффе к Г. В. Чичерику от 1 апреля 1919 г. Представитель НКИД РСФСР в Литве и Беларуси сообщал об общих настроениях среди руководства ЛитБел ССР, что «ни местные поляки, ни литовцы не готовы отдать Польше Литву и Беларусь, однако, если бы это было постановлено партией, они бы подчинились» [32, л. 32–35]. Исходя из этого, можно сделать вывод, что среди советского руководства обсуждалась идея передачи целиком литовско-белорусских территорий в состав Польши.

Последнее слово оставалось за польской стороной. В случае если бы они приняли такое чрезвычайно выгодное предложение Советской России, то военные действия можно было предотвратить. Однако, нельзя забывать, что внешнеполитическая линия Польши находилась в зависимости от позиций стран Антанты.

В это же время, в рамках Комиссии по польским делам под председательством Ж. Камбона как постоянного органа при Совете десяти Парижской мирной конференции, было принято решение о передаче Польше права административного управления «теми белорусскими землями, которые не должны войти в состав России» [217, с. 76]. В части, которая касалась Беларуси, граница должна была пройти по пунктам Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовский. Предложенные границы в основном совпадали с этнографическим расселением польского населения, и были закреплены решением от 8 декабря 1919 г.

В марте-апреле 1919 г. польские войска, получив военную и политическую поддержку стран Антанты, начали быстрое продвижение на территории Беларуси. К осени 1919 г. поляки оккупировали большую часть белорусских земель, вышли на линию Двинск – р. Западная Двина – Лепель – р. Березина – р. Припять [273, с. 75–76]. Начало военных действий польской стороной замедлило проведение и осуществление мирных инициатив. Взаимоотношения свелись к направлению протестов на адрес Польши о незаконном захвате пограничных территорий. Несмотря на продвижение польских войск в глубь территории ЛитБел ССР, окончательная приостановка переговоров между сторонами через посредничество А. И. Венцковского произошло только после направления 25 апреля 1919 г. письма НКИД РСФСР, в котором он определил дату отъезда в Варшаву польского делегата. При этом ответственность перекладывалась на Польшу за «невозможность достижения договора» [438, с. 151–152]. Аналогично содержание радиограммы НКИД РСФСР Министерству иностранных дел Польши от 2 мая 1919 г. о «готовности советского руководства приступить к переговорам с целью достигнуть договорённости с Польшей, как только будут остановлены вражеские действия против советских республик» [78, с. 151–152].

Столкновение двух различных геополитических моделей существования восточноевропейского региона – польской и советской, стало причиной военного конфликта. При этом попытки использования дипломатических средств не дали успешного результата. Специальная миссия А. И. Венцковского марта-апреля 1919 г., инициатором которой выступила польская сторона, не привела к достижению компромисса между сторонами. Намерение польского руководства решить спорные вопросы военным путем категорически расходилось с усилиями Советской России через определенные уступки достигнуть мирного урегулирования проблем. Предложение о проведении плебисцита на спорных

белорусско-украинско-литовских территориях исходило исключительно от ЦРК ППС и представляло мнения всех польских политических кругов. ЛитБел ССР было средством для установления равновесия с польской политикой объединения вокруг себя всех новых республик, которые граничили с Советской Россией, на основе федерации. Однако, советское руководство решило создать такую федерацию раньше, чем Польша, предложив проект соединения федеративными связями БССР, УССР, ЛССР, ЛатССР.

2.2. Белорусский вопрос на беловежско-микошевичском этапе советско-польских переговоров (июнь-ноябрь 1919 г.)

Переговорный процесс – неотъемлемая часть военного конфликта между РСФСР и Польшей 1919–1920 гг. Встречи в Беловеже и Микошевичах стали начальным этапом на пути мирного решения спорных вопросов между сторонами, однако из-за внешних и внутренних обстоятельств вынуждены были проводиться в неофициальном (тайном) формате. Белорусская проблематика на данных переговорах не была выделена в самостоятельный блок. Но, несмотря на это, присутствовала среди вопросов, которые рассматривались представителями советской и польской делегаций.

Причины, основное содержание, итоги встреч в Беловеже и Микошевичах были предопределены ходом Гражданской войны в России, отношениями стран Антанты и США к «польскому» и «русскому» вопросам, ходом польско-советской войны 1919–1920 гг. Советско-польское сближение через ведение неофициальных (тайных) переговоров в июле, октябре-декабре 1919 г. было вызвано непосредственными успехами «белых» войск на Восточном и Южном фронтах Гражданской войны. Незаинтересованность руководителей антибольшевистских сил в создании самостоятельного Польского государства вызвало стремление польского руководства к заключению временного перемирия на Западном фронте, чтобы таким образом изменить равновесие сил на отмеченных фронтах Гражданской войны в пользу Советской России. Организация советско-польского диалога происходила в тайне от стран Антанты и США, сам факт скрывался сам факт ведения каких-либо политических переговоров. Неофициальный (тайный) характер миссии Ю. Ю. Мархлевского подчеркивал важность вопросов, которые обсуждались во время встреч. Включение вопросов гуманитарного направления в список проблематики служило только прикрытием, своеобразной ширмой для обсуждения политических проблем.

Выбор польским руководством военного пути решения существующих территориальных споров между сторонами привел к занятию польскими войсками значительной части территории Беларуси. На начало июня 1919 г. линия фронта выглядела следующим образом: Шарковщина – Воропаево – оз. Нарач – ст. Залесье – Воложин – Ивенец – Налибоки – Колядино – Клецк – Ганцевичи – р. Ясельда и Припять [104, с. 19]. Неоднократные предложения РСФСР и ЛитБел ССР о мирном решении спорных вопросов

не брались в расчет польской стороной. Непосредственной причиной мирных мероприятий советского и польского правительства стало решение Совета четырех Парижской мирной конференции 26 мая 1919 г. о признании правительства А. В. Колчака, согласно которому все спорные территориальные вопросы между Россией и Польшей должны были решаться через третейский суд Лиги Наций. Решение национальных вопросов должно происходить путем предоставления автономных прав в составе будущего Российского государства, но только при рассмотрении этих проблематик через Учредительное собрание [41, с. 312–313]. Руководитель польской делегации на Парижской мирной конференции И. Падеревский в ответ на эти действия стран Антанты заявил, что «под влиянием этого решения Польша вынуждена будет рассматривать выгодные условия мира, предложенные советским руководством» [289, с. 284–285]. Это в свою очередь подтолкнуло польское руководство принять предложение Ю. Ю. Мархлевского по ведению мирных переговоров с Советской Россией и первыми выступить с инициативой организации специальной встречи советского и польского делегатов. В отечественной историографии распространено мнение, что непосредственным инициатором начала переговоров в Беловеже являлось советское правительство [273, с. 108–109], что не совсем соответствует действительности. Ю. Ю. Мархлевский не имел официально подтвержденных полномочий со стороны руководящих структур РСФСР, вел переговоры с польскими политическими деятелями в качестве частного лица. По утверждению Ю. Ю. Мархлевского, в середине июня 1919 г. произошла его встреча с Ю. Пилсудским, во время которой шло обсуждение основных условий планируемых переговоров, было решено, что миссия Мархлевского должна носить неофициальный характер. После этого, 18 июня 1919 г. Ю. Ю. Мархлевский был откомандирован в сопровождении специально назначенного офицера для беспрепятственного перехода линии фронта [182, с. 33–35].

Ю. Ю. Мархлевский приехал в Москву 22 июня 1919 г. Советское правительство поддержало его инициативу и 30 июня 1919 г. своим решением ЦК РКП(б) поручил продолжить работу в этом направлении «с миссией посредничества по возобновлению мирных переговоров между Советской Россией и Польшей, для решения спорных вопросов между сторонами» [438, с. 48–50]. Основные тезисы советской делегации во время переговоров в Беловеже отражены в проекте коллегии

Народного комисариата иностранных дел РСФСР от 27 июня 1919 г. Некоторые пункты были дополнены во время заседания ЦИК КРИП 9 июля 1919 г. в Минске, на котором присутствовали представители руководства ЛитБел ССР (К. Г. Циховский), деятели РВС Западного фронта (И. С. Уншлихт, А. С. Славинский), а также Ю. Ю. Мархлевский [438, с. 54–55, 58–61].

Согласно проекту коллегии НКИД РСФСР, переговоры должны были проходить в два этапа: официальные переговоры по решению дела военнопленных, заложников, беженцев («равнозначный обмен польских заложников на членов КП ЛиБ, взятых в плен с февраля по июнь 1919 г. польскими войсками»); неофициальные (тайные) переговоры по вопросу заключения перемирия между сторонами [438, с. 57].

Предусматривались значительные территориальные уступки польской стороне – «передача Минска за обещание Польши не продвигать свои войска далее на восток, при условии двустороннего освобождения литовских земель с целью проведения на этой территории плебисцита. Голосование всего литовского населения с 18 лет должно было решить будущее этих земель. Спорные территориальные вопросы между Польшей и Литвой, Литвой и Беларусью должны быть рассмотрены на отдельных плебисцитах» [438, с. 74–75]. После голосования управление территорией Литвы передавалось польско-российской комиссии.

Во время встречи в Беловеже был озвучен временный проект территориального разграничения, предложенный советской стороной: переход территорий Литвы и Беларуси в сферу влияния Польши, а территории Украины к Советской России [234, л. 3–4]. Но он был настолько рискованным и неприемлемым для стран Антанты и США, что не мог быть реализован на практике, поэтому и не стал даже рассматриваться польским руководством. Нельзя преувеличивать самостоятельность новосозданного Польского государства. Она ощущала внешнеполитическую, экономическую и военную зависимость. Решения Парижской мирной конференции по «польскому» и «русскому» вопросу были не однозначными, линия 8 декабря 1919 г. была только рекомендована, не закреплена окончательно. Кроме того, польская сторона не могла не понимать, что этот проект территориального и политического разграничения являлся исключительно времененным решением вопроса, никто не мог дать гарантию, что завтра советское руководство не выскажет желания его пересмотреть, и начнет новую военную кампанию. Тем более, включая литовско-белорусское пространство в состав Польши, Ю. Пилсудский вынужден был решать и литовский и белорусский вопросы.

Территория Беларуси оставалась разделенной между советской и польской сторонами. Советское руководство, как видно из предыдущих инструкций, во время переговоров не планировало рассматривать вопрос будущего белорусских земель, показало свою незаинтересованность в этой проблеме. Идея проведения плебисцита не

распространялась на территорию Беларуси и ограничивалась исключительно литовскими землями. Неблагоприятное военно-оперативное положение, которое стало итогом неудач частей Красной Армии на фронтах Гражданской войны, вынуждало советское правительство к выбору «меньшего зла», что заключалось в установлении временного перемирия на Западном фронте, даже путем отказа от значительной части белорусских земель («границы, далеко продвинутые на восток») [438, с. 73].

Руководитель советской делегации Ю. Ю. Мархлевский, как видно из содержания его писем к жене Брониславе, рассчитывал, что будет принят вместе с миссией в Варшаве и после быстрого предварительного обсуждения (примерно через 4–6 недель) добьется перехода к официальным политическим переговорам. Расчёты Ю. Ю. Мархлевского опирались на «определенные изменения в тылу», которые должны произойти в скором времени [438, с. 54–55]. Возможно, имелись в виду изменения, которые должны были произойти в общем ходе Гражданской войны, а именно изменения на Восточном фронте, где шла борьба с войсками А. В. Колчака [254, с. 178]. Согласно воспоминаниям Ю. Ю. Мархлевского, переход советской делегации через линию фронта сопровождался определенными сложностями. Неопределенность с местом и временем перехода, долгое ожидание польского парламентера, непредсказуемость польских действий вызвали недовольство у руководителя советской делегации, который наконец (19 июля 1919 г.) с завязанными глазами был доставлен в Барановичи [438, с. 72–73], где 20–21 июля 1919 г. произошла его встреча с Ю. Осмоловским. Содержание отмеченной встречи возобновить сложно. Ю. Ю. Мархлевский в своих воспоминаниях упоминает о переговорах про заложников, военнопленных, беженцев [438, с. 76]. Ю. Осмоловский, второй непосредственный участник встречи, вообще обходит в своих воспоминаниях этот вопрос [358, с. 37]. М. С. Коссаковский, ссылаясь на «чрезвычайную секретность», опускает подробности встречи [438, с. 79]. Сразу возникает вопрос: могла ли подпадать под категорию «чрезвычайной секретности» проблематика заложников, беженцев, интернированных лиц? Однозначно нет – во время встречи в Барановичах обсуждались более важные вопросы.

По нашему мнению, одним из них мог быть вопрос организации плебисцита на литовско-белорусско-украинских территориях [323, 324]. Еще во время специальной миссии А. И. Венцковского в марте-апреле 1919 г. в Москву, польской стороной было высказано предложение (в письме ЦРК ППС к ЦК РКП(б) об «установлении границы на основе самоопределения населения спорных территорий путем полного вывода посторонних войск и проведения голосования в условиях полной свободы» [420, с. 127–128].

Однако тогда компромисс не был достигнут. В конце июня 1919 г. советское руководство в лице В. И. Ленина в инструкции Ю. Ю.

Мархлевскому снова затронуло вопрос проведения плебисцита на белорусских землях, и рекомендовала выступать резко против отмеченного мероприятия [357, с. 37]. Уже накануне отъезда Ю. Осмоловского из Варшавы в Барановичи (18 июля 1919 г.), на заседании комиссии Конституционного Сейма, был рассмотрен вопрос организации «всеобщих, равных, тайных, пропорциональных выборов среди местного населения на восточных землях для выявления их отношения к Польше», но отмеченного решения не было принято [438, с. 78]. Вопрос проведения плебисцита на литовско-белорусско-украинских территориях неоднократно поднимался как советским, так и польским руководством и имел все шансы быть рассмотренным во время диалога Ю. Осмоловский – Ю. Ю. Мархлевский. Однако нехватка информации в источниках про советско-польскую встречу в Барановичах не позволяет утверждать это однозначно.

Анализ воспоминаний Ю. Ю. Мархлевского позволяет прийти к выводу об умышленной задержке советского делегата в Барановичах^[2]. Со стороны Варшавы продолжительное время не было согласия на принятие советского делегата, вместе с тем А. И. Венцковский (как представитель МИД Польши) задерживался в дороге по причине «крушения поезда». Возможно, имел место специально обдуманный план польского руководства о затягивании времени переговоров (на 12 дней) из-за неопределенности военно-оперативного положения на Восточном фронте Гражданской войны, где уже в конце июля 1919 г. войска А. В. Колчака были разгромлены и вынуждены были отойти на 300 километров. Первоначальный план Польши начать мирные переговоры с Советской Россией с целью заключения временного перемирия на Западном фронте, чтобы таким образом помочь советской стороне разгромить войска А. В. Колчака на Восточном фронте, был изменен на план переговоров по вопросу заложников, военнопленных, беженцев и на продолжение военного наступления.

Таким образом, однозначно можно утверждать, что одним из вопросов, которые стороны обсуждали во время встречи в Барановичах, была проблема заложников, беженцев, военнопленных времен Первой мировой войны. Но из-за сложностей технического характера (отсутствие телеграфной связи с Варшавой), переговоры продолжились в Беловеже. С 22 по 30 июля 1919 г. проходила встреча Польского и Российского обществ Красного Креста. Польская сторона была представлена А. И. Венцковским (22–30 июля 1919 г.) и М. С. Коссаковским (29–30 июля 1919 г.), советская – Ю. Ю. Мархлевским.

Вопросы, которые обсуждались во время этой встречи, можно разделить на две части: вопросы по решению дел заложников, военнопленных, работы Красного Креста (гуманитарное направление); вопросы, связанные с установлением временного перемирия (политическое направление). Относительно вопросов гуманитарного направления советская сторона предлагала отказаться от практики использования

заложничества в дальнейших взаимоотношениях; окончательно решить вопрос военнопленных путем равнозначного обмена; осуществить двустороннее признание прав обществ Красного Креста. По вопросам политического характера через Ю. Ю. Мархлевского было сообщено о возможности пойти на территориальные уступки и закрепить за польской стороной территории, занятые ее войсками [438, с. 80–81]. Эти предложения были переданы вице-министру иностранных дел Польши А. Скшиньскому через руководителя польской делегации А. И. Венцковского во время перерыва в переговорах в Беловеже (23–29 июля 1919 г.), когда члены польской делегации выехали в Варшаву [438, с. 92–93].

В итоге было решено перенести рассмотрение этих вопросов на отдельно организованную конференцию, время и место созыва которой будет сообщено по радио. Остальная часть встречи свелась к определению условий будущей конференции, во время которой проявились расхождения между сторонами по вопросу термина заложничества. Польская сторона отрицала факт использования данной практики, поэтому для нее вопрос отказа от заложничества как явления в будущем, был неактуальным. В ответ Ю. Ю. Мархлевский, чтобы не усложнять дело мирного урегулирования спорными моментами вокруг этого вопроса, принял польскую формулу односторонней ответственности за практику заложничества. В дальнейшем польские представители использовали эту уступку как инструмент политического влияния на партнера, не признавая факт использования аналогичной практики польской стороной.

Обсуждение вопроса временного перемирия и установления демаркационной линии польской стороной было воспринято негативно, нахождение компромисса по данной проблеме являлось невозможным из-за намерений польского командования продолжать наступательные действия. Как видно из содержания встречи М. С. Коссаковского и Ю. Пилсудского, во время которой обсуждалась возможность остановки военных действий между сторонами, Ю. Пилсудский отнесся к этому предложению негативно, так как считал, «что заключение перемирия с Советской Россией будет временным, будет нарушено советской стороной» [438, с. 99–101]. Польская делегация отказалась от официальных переговоров по вопросу установления демаркационной линии и предложила вести их только по делам Красного Креста. В итоге была достигнута договоренность об организации следующей встречи, во время которой планировалось окончательное решение дела заложников, беженцев, военнопленных.

Переговоры в Барановичах и Беловежи в июле 1919 г. являлись подготовительным этапом к планируемым переговорам в Микошевичах, стали итогом международного и военно-оперативного положения, в котором находились стороны на момент начала переговоров. Они продемонстрировали возможность получения территориальных уступок

от советского руководства для достижения взаимопонимания между сторонами. После отъезда двух делегаций, советской и польской стороной началась подготовка по организации очередной встречи. 12 августа 1919 г. была направлена нота НКИД РСФСР к МИД Польши с предложением начать переговоры между Российским и Польским обществами Красного Креста. В этот же день по инициативе Польского бюро ЦК РКП(б) во главе делегации был поставлен Ю. Ю. Мархлевский. 4 сентября 1919 г. польская сторона положительно ответила на предложение Советской России о начале мирных переговоров. 4 октября 1919 г. НКИД (22 октября и СНК РСФСР) уполномочили Ю. Ю. Мархлевского на ведение переговоров с представителями Польского общества Красного Креста [438, с. 138].

Перед началом мирных переговоров в Микошевичах был определен состав советской и польской делегаций. Советскую сторону (делегация Российского общества Красного Креста) представляли: Ю. Ю. Мархлевский и его жена Бронислава в качестве секретаря, три эксперта и два курьера. Польская сторона (Польского общества Красного Креста) была представлена делегацией из 10 человек во главе с М. С. Коссаковским, кроме этого в состав ее входили представители Министерства военных дел Польши в качестве непосредственных участников переговоров (М. Бирнбаум, И. Бернер), и в качестве сопровождения (С. Сикорский, А. Бачиньский). Переговоры по линии обществ Красного Креста начались 10 октября 1919 г. на польской территории, на станции Микошевичи и продолжались до 22 декабря 1919 г.

Непосредственно перед началом переговоров произошли встречи польских участников с Ю. Пилсудским, во время которых были получены инструкции, уточнены их функции. По утверждению М. С. Коссаковского, в его функции входило «ведение переговоров с Российским обществом Красного Креста о взаимной договоренности по делам военнопленных, а также заложников, захваченных советскими властями» [438, с. 140–141]. М. Бирнбауму, а позже И. Бернеру поручалось вести переговоры об остановке военных действий и по другим политическим вопросам.

Встреча на железнодорожной станции Микошевичи прошла в строгой секретности, без составления официальных протоколов, путём ведения конфиденциальных разговоров между участниками делегаций.

Стремление к сохранению максимальной степени секретности стало итогом общей внутриполитической и внешнеполитической ситуации, в которой оказались обе стороны. Неофициальный характер переговоров был вызван позицией Антанты, от которой Польша ощущала острую зависимость: «не только в финансовой части, но и по вопросу южных границ (с Чехословакией)» [224, с. 33]. Ведение официальных сепаратных переговоров с Советской Россией означало ее фактическое признание. Несмотря на поддержку А. И. Деникина со стороны Великобритании и Франции, Польша отказалась от координации своих

военных операций с силами Добровольческой армии, пошла по пути переговоров с Советской Россией о временном перемирии.

Начало успешной наступательной операции войск А. И. Деникина в московском направлении и на территории украинских земель заставил Польшу и РСФСР принимать экстренные меры по нормализации своего положения. В сентябре 1919 г. войска А. И. Деникина, благодаря успешному продвижению вдоль западного берега Днепра, подошли к району Гомель – Мозырь – Коростень и находились на стыке с польским фронтом [63, с. 193–194]. Делегация во главе с генералом А. Карницким во второй половине сентября 1919 г. направилась к военной миссии А. И. Деникина, чтобы узнать его позицию по делу занятия польской стороной восточных земель, не пришла к пониманию по совместным действиям. Советское руководство под влиянием успешного наступления войск А. И. Деникина стремилось к установлению временного перемирия на Западном фронте.

Во время встречи в Микошевичах, как и на переговорах в Беловеже, обсуждение проходило по двум основным направлениям: политическом (временная остановка военных действий) и гуманитарном (решение проблемы обмена заложниками, интернированными лицами). В отношении первого направления польской делегацией через М. Бирнбаума был организован диалог с Ю. Ю. Мархлевским, в рамках которого были продемонстрированы позиции сторон, было дано устное обещание остановки наступления польских войск на определенной им демаркационной линии. Это решение было уточнено 6 ноября 1919 г. через представление И. Бернером основных пунктов польской позиции во время ведения переговоров. Предусматривалась остановка военных действий между сторонами по линии фронта (линия «немецких окопов»): Новгород-Во-Лынский (Звягель) – Олевск (по линии Сарны – Ковель) – р. Птич – Бобруйск с опорой на р. Березину – Березинский канал – р. Двина с созданием нейтральной десятикилометровой зоны [416, с. 54]. Поднимались вопросы о принадлежности Динабурга, который являлся спорным пунктом между Латвией и Советской Россией; ненападения на войска С. В. Петлюры, остановки любой агитации Советской Россией в польском войске, сохранения тайны переговоров. 10 ноября 1919 г. приведенные условия были сообщены через Ю. Ю. Мархлевского руководству Советской России с заверением мирных настроений Польши.

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 14 ноября 1919 г. было принято «решение считать переданные через Ю. Ю. Мархлевского условия приемлемыми» [385, с. 28]. Но через два дня поляки получили отказ: советская сторона скорректировала основные пункты польской позиции. Незначительно была изменена линия разграничения между войсками в районе Березинского канала в пользу советской стороны, кроме этого оговаривалось создание советского плацдарма в районе р. Березина – Бобруйск и польского, размером в пять верст, на восточном берегу р.

Березины. Некоторым образом корректировалась нейтральная зона, которая должна была создаваться только в районе железной дороги Молодечно – Полоцк – Двинск размером в десять верст. Предлагалось исключить вопрос о Двинске для непосредственного его решения в переговорах с Латвией, а также снять требование в отношении С. В. Петлюры. Объявлялось об отказе от агитации государственными средствами, о сохранении секретности. Согласно утверждению И. Бернера, ответ советской стороны был воспринят Польшей очень негативно, представленные условия не подвергались обсуждению, считалось, что это был «акт доброй воли», а «не предмет торговли» [438, с. 104].

Польская сторона была вынуждена окончить переговоры, «все прежние намерения о создании определенной линии разграничения между советскими и польскими войсками были аннулированы» [438, с. 234]. И. Бернер в своем дневнике аргументирует остановку переговоров некорректным поведением Советской России, которая «желает любой ценой втянуть Начальника Государства в далеко идущие переговоры, даже путем заключения соответствующих договоров» [386, с. 30]. На самом деле, настоящей причиной негативной реакции польской стороны было изменение общей расстановки сил на Южном фронте, где советские войска перешли в контрнаступление, значительно оттеснив войска А. И. Деникина на юг [63, с. 287–288].

Более противоречивым пунктом переговоров был вопрос обмена заложников, интернированных лиц и другие вопросы о двустороннем признании прав обществ Красного Креста. На заседании 23 октября 1919 г. Ю. Ю. Мархлевский от имени советского правительства в «Декларации о заложниках» заявил о готовности отказаться на основе взаимной договоренности от системы заложничества, указывая, «что эта система была использована из-за беспорядочных отношений польских властей при следствии по делу убийства в Высоко-Мазовецком уезде в январе 1919 г. миссии Российского общества Красного Креста, а также как ответ на многочисленные расстрелы польскими военными советских служащих на занятой территории» [121, с. 72]. Кроме этого, Ю. Ю. Мархлевский выказал готовность «решить окончательно, путем переговоров с представителями Польского общества Красного Креста дела всех польских заложников, которые находятся на территории Советской России» [121, с. 72–75]. Эти заявления стали основой для заключения 2 ноября 1919 г. договора, по которому советская сторона обязывалась освободить и наладить переход через демаркационную линию (железная дорога Лунинец – Калинковичи) «граждан Польской Республики и областей, оккупированных польскими войсками, и вообще всех поляков, зарегистрированных и вывезенных в качестве заложников, которые находятся на территории РСФСР» [121, с. 75–80]. Их списки должны были быть согласованы совместно с представителями Польского общества Красного Креста. Польская сторона по данному договору практически никаких обязательств на себя не брала, только

ограничивалась заявлением «о неиспользовании в будущем системы заложничества» [228, с. 11].

По договору от 9 ноября 1919 г., который конкретизировал договор от 2 ноября, представитель Российского общества Красного Креста от имени правительства РСФСР и представитель Польского общества на основе своих полномочий дали обещание осуществить обмен гражданскими пленными, «арестованных или задержанных правительствами РСФСР или Польской Республикой» [325; 438, с. 214–215]. Для его реализации должны были быть составлены списки: № 1 и № 3, № 5, касающиеся военнопленных, заключенных, интернированных лиц на территории Польши, а № 2 и № 4 касались польских гражданских пленных на территории России [428, с. 34]. В соответствии заключенному в Микошевичах договору, в Западном отделе НКИД РСФСР были составлены списки, в которые были включены «гражданские пленные, поляки по национальности и жители областей, занятых польскими войсками и интернированные ими, которые подлежали скорейшей передаче Польской республике» [228, с. 12]. Список № 2 насчитывал 113 фамилий, а список № 4 состоял из 1018 фамилий заложников, гражданских пленных и поляков, желающих вернуться на Родину Список № 1 насчитывал 172 фамилии военнопленных, которые были «вывезены из территории РСФСР», список № 5 – 99 фамилий интернированных членов РКП (б) [117, с. 80].

На заседаниях в Микошевичах были достигнуты некоторые успехи в решении дела заложников, гражданских пленных и интернированных лиц. Сторонами были выработаны проекты договоров о взаимоотношениях обществ Красного Креста двух стран. Поднимались вопросы о принятии декларации об исполнении законов и норм сухопутной войны, по обмену военнопленными, инвалидами войны и о реэмиграции населения двух стран. И хотя обсуждение носило предварительный характер, в дальнейшем они были учтены на переговорах, в том числе и на мирной конференции в Риге.

Расхождения между сторонами возникли во время определения места перехода заложников. Руководитель советской делегации высказал предложение об осуществлении прямого обмена заложниками (практическое исполнение договора от 2 ноября 1919 г.) сразу на трех участках линии фронта, где планировалось остановить военные действия: Мозырь – Пинск, Рогачёв – Минск, Полоцк – Молодечно. Руководитель польской делегации М. С. Коссаковский не высказывался открыто против данного предложения, но рекомендовал ограничиться проведением обмена заложниками только в районе мозырьско-калинковичского участка фронта. Разные подходы сторон по этому вопросу непосредственно исходили из стратегических расчетов поляков, которые ограничивались только южным участком линии фронта, так как там планировалось осуществить будущее весенне-наступление 1920 г. Эти военно-стратегические расчеты польского командования были

сообщены руководителю польской делегации М. С. Коссаковскому во время его встречи с Ю. Пилсудским 13 ноября 1919 г., в перерыве встречи в Микошевичах (11–22 ноября 1919 г.). Ю. Пилсудский советовал не выходить за рамки договоренностей по делу обмена заложников и высказался за остановку любых переговоров с советским правительством [438, с. 193].

После этого разговора переговоры в Микошевичах продолжились, но общее их содержание изменилось. По сообщениям М. С. Коссаковского, более детально начало рассматриваться дело обмена заложниками. С 22 ноября 1919 г. началось возвращение заложников на участке фронта в районе Лунинец – Калинковичи, но переход через демаркационную линию удалось осуществить всего нескольким заложникам [438, с. 317]. По утверждению М. С. Коссаковского, произошли встречи с представителями польского (капитан генерального штаба А. Владарский, подпоручик М. Роговинский) и советского (представители РВС Западного фронта А. С. Славинский, М. А. Шиманский) командований, итогом которых стал переход через линию фронта заложников и гражданских пленных [438, с. 317]. Это решение было реализовано в районе Борисовского участка линии фронта путём непосредственных встреч представителей двух командований в Борисове 31 декабря 1919 г. – 1 января 1920 г. [212, л. 23]. В итоге сложных переговоров были подписаны условия временной остановки военных действий с 2 января 1920 г. «с 7 часов утра на участке, который ограничен следующими линиями: на севере – хутор Теляки – железнодорожная станция Прияmino; на севере – железнодорожная станция Борисов – Большие Негновичи – Сморки», после чего произошел обмен двумя вагонами гражданских пленных [194, л. 87].

Беловежско-микошевичские переговоры (июнь – ноябрь 1919 г.) продемонстрировали стремление двух сторон к принятию компромиссного решения. Проект территориального разграничения, предложенный в Беловеже советской стороной: переход территории Литвы и Беларуси в сферу влияния Польши, а территории Украины к Советской России, был настолько рискованным и неприемлемым для стран Антанты и США, что не мог быть реализован на практике. Причины, основное содержание, итоги беловежско-микошевичских переговоров находились в тесной зависимости с существующим международным положением и военно-оперативной ситуацией. На отмеченном этапе советско-польских переговоров стороны стремились определенным образом стабилизировать ситуацию на фронте через временную остановку военных действий и установление разграничительной линии, основные пункты которой находились на белорусских землях.

2.3. Попытка нормализации взаимоотношений между Советской Россией и Польшей на борисовском и баравовичско- минском этапах переговоров (декабрь 1919 г. – сентябрь 1920 г.)

Борисовский этап советско-польских переговоров характеризуется постепенным переходом от неофициальных форм дипломатических контактов к официальным средствам решения спорных вопросов. Изменение общего формата взаимоотношений происходило под влиянием непосредственных трансформаций внутриполитической жизни Советского государства (разгром войск А. В. Колчака, А. И. Деникина и других политических соперников) и одновременной трансформацией отношений европейских стран к «русскому вопросу» (снятие экономической блокады 16 января 1920 г., попытка налаживания торговых советско-английских взаимоотношений). Координирование общей линии поведения советского и польского руководства с существующей международной ситуацией влияла на выбор тех или иных средств, в том числе и дипломатических, для достижения поставленной цели. Переговорный процесс с переходом в официальный формат одновременно становится средством прикрытия истинных намерений двух сторон, прообразом дипломатической игры.

Белорусский вопрос был представлен в рамках отдельных переговоров представителей БНР и руководящих кругов Польши (март 1920 г.), встреч белорусских национальных деятелей и представителей РСФСР как часть польских мирных условий февраля-марта 1920 г., как часть советской тактики «мирного наступления», в которой территории Беларуси отводилась роль плацдарма для организации революционной борьбы на оккупированных белорусских землях и территории Польши. Советское и польское руководство оспаривало между собой приоритетное право представления белорусских интересов на планируемых переговорах, чтобы иметь возможность решить белорусский вопрос в рамках полезной для себя альтернативы.

Итогом встречи в Микошевичах (октябрь-декабрь 1919 г.) стала временная договоренность об остановке военных действий и установлении демаркационной линии. Изменение общей расстановки сил на Южном фронте, где советские войска перешли в контрнаступление, значительно оттеснив войска А. И. Деникина на юг, изменили общую ситуацию в регионе. Сам факт ведения советско-польских переговоров в неофициальном формате, существование надежд в советском руководстве на продолжение микошевичских встреч, нахождение Ю. Ю. Мархлевского на станции Микошевичи до 22 декабря 1919 г. вынуждали Народный комиссариат иностранных дел РСФСР

обождать с направлением к Польше очередной ноты с мирными предложениями. 21 декабря 1919 г. в телеграмме Г. В. Чичерина к А. А. Иоффе было подтверждено намерение советского руководства осуществить переход от неофициальных способов переговоров к официальным формам: путем направления ноты польскому правительству. По мнению Г. В. Чичерина, этот шаг очень положительно мог повлиять «на рост выступлений рабочих организаций и левых элементов в поддержку мира и Советской России» [25].

СНК РСФСР 22 декабря 1919 г. направил правительству Польши ноту с предложением начать переговоры с целью заключения мирного договора между республиками и приостановить военные действия, которые ведутся исключительно для удовлетворения иностранных интересов [78, с. 312–313]. Непосредственной причиной направления ноты, как утверждалось в документе, было высказывание статс-секретаря Министерства иностранных дел Польши А. Скшиньского на заседании сейма. В нем Советское государство обвинялась в ведении вражеской политики в отношении Польши, до этого времени не предлагало начать переговоры и мирным путем решить все спорные вопросы. Непосредственного официального ответа от польского правительства или министерства иностранных дел не поступило, однако на страницах польской периодической печати начали появляться статьи, которые затрагивали вопрос нормализации отношений с Советской Россией. Так, печатный орган Польской социалистической партии “Robotnik” в номерах от 2 и 6 января 1920 г. поднимал проблему мирных переговоров, считал целесообразным их начать в ближайшее время, так как дальнейшее продолжение военных действий негативно сказывалось на экономическом положении страны. В противовес этому “Gazeta Poranna”, орган партии народных демократов, отстаивала оборонительные позиции (в статье «Польша стоит на страже» от 31 декабря 1919 г.) [344, с. 533–534]. Тем временем, в постановлениях, принятых на заседаниях в январе–феврале 1920 г., ЦРК ППС высказал протест против продолжения военных действий [424, с. 90–95].

Ситуация на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах не отличалась стабильностью, ожидалось начало военного наступления как польских военных формирований, так и войск Красной Армии. В связи с этим советское руководство вынуждено было объявить установление демаркационной линии, которой должны были придерживаться в первую очередь войска Красной Армии, чтобы предотвратить возможность случайных столкновений, вызванных провокацией одной из сторон [28]. Сообщение с желанием установить демаркационную линию на польско-советском фронте и с очередным предложением начать мирные переговоры и решить все спорные вопросы путем подписания договора было обнародовано 28 января 1920 г. СНК РСФСР в «Заявлении об основах советской политики в отношении Польши» [78, с. 331–333].

2 февраля 1920 г. было направлено обращение ВЦИК РСФСР к польскому народу. Предлагалось ликвидировать враждебность «польского народа к русскому народу», подтвердить миролюбивый характер своей внешней политики, доказывалось отсутствие враждебных стремлений в отношении к Польше, нежелание закрепить коммунистические идеалы военными средствами [78, с. 355–357]. В аналогичном ключе было написано обращение НКИД РСФСР к трудающимся массам государств Антанты от 10 февраля 1920 г. с призывом остановить враждебные стремления к Советской России.

9 февраля на восьмом заседании президиума ЦК КП(б) ЛиБ была принята «Декларация ЦК КП(б) ЛиБ по заявлению РСФСР Польше», в которой провозглашалась всесторонняя поддержка действий, внешнеполитических акций РСФСР, содержащихся в нотах СНК к правительству Польши от 28 января 1920 г. Провозглашался «добровольный отказ от части белорусских земель от Западной Двины до Березины во имя осуществления идей мировой пролетарской революции» [202, л. 1–2].

В связи с возможным польским наступлением Л. Д. Троцкий советовал Н. Н. Крестинскому, Г. Е. Зиновьеву принять неотложные меры по мобилизации польских коммунистов и направлении их на Западный фронт, по распространению печатных изданий на польском языке [224, с. 43]. При этом принятие определенных мер по непосредственному укреплению Западного фронта не предусматривалось. В тайной записке Г. В. Чичерина от 14 февраля 1920 г. сообщаются основные принципы политики в отношении к Польше. Народный комиссар иностранных дел настойчиво рекомендовал воздерживаться от любого наступления советской стороны. Согласно размышлению, лучше предоставить инициативу в начале военных действий польской стороне. Факт агрессивных действий польских войск, по мнению Г. В. Чичерина, даст действенное средство воздействия на психику определенных польских элементов [224, с. 45–46]. Ставка советского руководства была сделана не на военные средства, а исключительно на расширение агитационных методов, на осуществление так называемого «мирного наступления».

Тактика мирного наступления – комплекс стратегических мероприятий, направленных на реализацию идеи мировой революции путем проведения агитационно-пропагандистских акций, как противовес военным средствам достижения поставленной цели. Ключевыми формами выступали мирные переговоры со странами Прибалтики (Тартусский мирный договор с Эстонией 2 февраля 1920 г., Московский мирный договор с Литвой 12 июля 1920 г., Рижский мирный договор с Латвией 11 августа 1920 г.), Финляндией (Тартуский мирный договор 14 октября 1920 г.), многоразовые мирные предложения Польше, ведение широкой нелегальной работы в прифронтовой зоне, на оккупированных белорусских землях, через Бюро нелегальной работы путем организации польской комиссии при политическом отделе Западного фронта для

ведения организационной и политической работы. Как итог – организация широкого забастовочного движения в некоторых европейских странах: создание Комитета действия в Великобритании, выступления рабочих в Лодзи, Скерневице, Сосновце и других городов Польши за быстрейшее заключение мира с Советской Россией, против продолжения военных действий.

Под влиянием советских нот 4 февраля 1920 г. на адрес НКИД РСФСР поступила нота МИД Польши, в которой сообщалось, что обращение советского правительства получено и будет рассмотрено, ответ будет сообщен советской стороне в ближайшее время. 29 января 1920 г. было создано Бюро подготовительных работ для мирной конференции под руководством министра иностранных дел Польши С. Патека. Была поставлена задача выработки проекта мирного трактата к 3 апреля 1920 г. В итоге работы бюро уже 11 февраля 1920 г. были выработаны первоначальные условия мирного трактата. Предусматривалось признание со стороны Советской России независимости созданных государственных образований на территории бывшей Российской империи как суверенных субъектов международного права; категорический отказ советской стороны от территории в границах 1772 г., запрет советской пропаганды общественных и политических теорий вне своей территории; освобождение от войск Красной Армии земель в границах 1772 г. через создание смешанной комиссии; передача временного управления отмеченной территории польской стороне и четырем внешним наблюдателям, выбор которых осуществляли обе стороны – по две страны каждая; выплата советской стороной компенсации за уничтожение имущества жителей Польши с 1914 г. по 1920 г.; возвращение архивов, библиотек, произведений искусства; обеспечение польским гражданам свободного торгового перемещения. 22 марта 1920 г. Ю. Пилсудский во время встречи с Л. Скульским и С. Патеком, рассматривая дело мирных переговоров с советской стороной, настаивал на скорейшем начале встреч, желая их закончить до 20 апреля 1920 г. Для ускорения этого дела он советовал не включать в состав мирной делегации представителей польского сейма, потому что это могло замедлить ход переговоров [437, с. 42].

Благодаря отличной работе разведывательных структур Польши по перехвату и дешифровке сообщений Красной Армии, польская сторона имела информацию о перемещении значительных военных сил на Западный фронт с января 1920 г., о советских планах по организации удара в районе Петриков – Лунинец [413, с. 163–199]. Это переводило советско-польские переговоры в разряд прикрытия планируемой военной кампании. В письме к Л. Скульскому 6 мая 1920 г., перед непосредственным занятием польскими войсками Киева, Ю. Пилсудский настаивал на продолжении нотной переписки с Советской Россией, придерживаясь тех же самых условий, что озвучивались в предыдущих сообщениях [452, с. 83].

Реализация идеи самоопределения наций бывшей Российской империи происходила путем признания советской стороной независимости национальных государственных образований и вывода войск Красной Армии с этих территорий. Под эгидой польской стороны осуществлялось временное управление земель в границах 1772 г. и организация процесса самоопределения (путем плебисцита). Также предусматривалась компенсация Польше всех потерь, со времен разделов Речи Посполитой, и нанесенных имуществу польских граждан с 1914 г. Немаловажным являлось требование остановки любой агитации и пропаганды с советской стороны [344, с. 583–585]. Условия отображали максимальные требования польской стороны, принятие которых РСФСР автоматически переводили ее в разряд побежденной страны, означало окончательный отказ от идеи мировой пролетарской революции. Диктат неприемлемых условий для советской стороны отражал намерение польского руководства продолжать военные действия, и при этом не выглядеть агрессором в глазах европейской общественности.

Содержание «Основ первоначальных условий» несколько расходилось с итогами встреч Ю. Пилсудского с Б. В. Савинковым (председатель Русского политического комитета в Варшаве) и Н. В. Чайковским (представитель Южного правительства А. И. Деникина) 16–20 января 1920 г. Согласно условиям Варшавского договора от 18 января 1920 г. Польша взяла на себя обязательство поддерживать борьбу антисоветских сил в России и должна была отказаться от стремлений возобновления Речи Посполитой в границах 1772 г. Российские политики, в свою очередь, отказались от желаний воссоздания Российской империи в границах 1 августа 1914 г. и соглашались признать независимость Финляндии, Украины, Латвии, Эстонии, а также провести плебисцит по вопросу государственной принадлежности земель Беларуси и Литвы [423, с. 80].

В конце февраля 1920 г. председатель Комиссии сейма по иностранным делам С. Грабский передал в печать коммюнике об итогах совместных заседаний 23–25 февраля по обсуждению вопроса об условиях договора с Советской Россией. На них С. Грабский стремился точно определить линию территориального разграничения между Советской Россией и Польшей, однако большинство участников высказывалось резко против этого мероприятия. 8 марта 1920 г. на заседании Совета Министров Польши мирные условия были определенным образом редактированы: кроме определения линии 1772 г. в качестве максимальной, была назначена минимальная линия разграничения: Збруч – Стырь – Горынь – на север от бывшей границы с Волынской губернией – Днепр – Ула – Западная Двина – Двинск. У случае принятия советской стороной максимальной линии предусматривалось проведение под эгидой Польши свободного волеизъявления местного населения на спорных территориях, в случае минимальной линии каждая из сторон самостоятельно решала вопрос самоопределения наций [344, с. 638–641].

К делу организации и проведения советско-польских переговоров в Борисове попробовали подключиться и представители местных «краевых» организаций. Польская национальная рада белорусских земель и Инфлянтов направила обращение 12 января 1920 г. к премьер-министру Польши Л. Скульскому, в котором точно продемонстрировала свои основные требования и программу сотрудничества с Польским государством [307]. Рада настаивала на автономном существовании территории Беларуси в составе Польши, требовала провести плебисцит на белорусских землях, занятых польскими войсками, при этом финансирование предвыборной кампании возлагалось на польскую казну, и предлагалось включить представителя рады в состав Министерства иностранных дел и допустить к решению дел по нормализации отношений с Советской Россией. Она желала таким образом использовать дипломатическую площадку для реализации своих идей. В итоге, во время борисовского этапа советско-польских переговоров в феврале 1920 г., от Польской национальной рады белорусских земель и Инфлянтов в состав польской делегации вошел В. Рачкевич, заместитель генерального комиссара восточных земель и комиссар Минского округа [414, с. 3]. Этот шаг был своего рода компромиссом между желаниями рады и стремлениями польского руководства по созданию «Белорусского Пьемонта».

Широко пропагандированный принцип волеизъявления местного населения (путем проведения плебисцита) не был распространен на белорусские земли. Белорусский вопрос предусматривалось решить путем самоуправления и свободного культурного развития в рамках территории Минской губернии, земли Виленской и Гродненской губерний предусматривалось присоединить к Польскому государству. Пункты мирных условий по белорусскому вопросу не расходились с содержанием письма Ю. Пилсудского к Ю. Осмоловскому от 21 ноября 1919 г. В нем он отчетливо, без оговорок определил отношение к белорусскому вопросу, советовал генеральному комиссару восточных земель не придавать значительного внимания белорусскому вопросу, а заняться организацией так называемого «Белорусского Пьемонта», который в будущем станет возможной основой для формирования местного управления [419].

27 марта 1920 г. на адрес Народного комиссариата иностранных дел РСФСР от Министерства иностранных дел Польши поступила нота с согласием начать мирные переговоры с 10 апреля 1920 г. в Борисове. Польское руководство предложило остановить военные действия исключительно в секторе предмостового укрепления Борисове за 24 часа до прибытия советских уполномоченных [78, с. 428]. На следующий день от советской стороны была получена нота, которая содержала просьбу о распространении перемирия на весь отрезок фронта. Дальнейшая дипломатическая советско-польская переписка (1, 2, 23 апреля 1920 г.) сводилась к уточнению места переговоров (Петроград, Москва, Варшава, город в Эстонии, Белосток, Гродно) и установлению перемирия на всем

отрезке фронта или на конкретном его участке. Согласно записке И. С. Уншлихта в ЦК РКП(б) от 25 апреля 1920 г., сообщалось, что факт ведения советско-польских переговоров в населенном пункте, размещённом на территории Литвы или Беларуси положительно повлияет на общую революционность масс [224, с. 66–68].

Безрезультатность отмеченной переписки отчетливо отображала нежелание сторон начать переговорный процесс, осуществление выбора в пользу военной альтернативы. Так, в начале марта 1920 г. польские войска начали продвижение вглубь украинских земель; заняли также Калинковичи и Мозырь, Овруч, Коростень. К военной кампании готовилась и советская сторона, не только путём укрепления Западного фронта (7-я армия и часть 45 дивизии), но и через ведение широкой агитационно-пропагандистской кампании среди польского войска. В телеграмме Л. Д. Троцкого Э. М. Склянскому от 9 марта 1920 г. отмечалось, что продвижение польских войск необходимо интерпретировать двояко: или как желание начать переговоры, но после достижения определенной линии, или как провокацию советской стороны на военные действия, чтобы выставить Советскую Россию в качестве агрессора [224, с. 57]. Поэтому позиция советского руководства о начале военного наступления характеризовалась чрезвычайной осторожностью, направлена была на продолжение реализации тактики «мирного наступления».

Согласно записке Политбюро ЦК РКП(б) о ситуации в Польше от 21 апреля 1920 г., политика советского правительства сильно влияла на трудящиеся массы, а также на многочисленные прослойки общества, которые стали более поверхностно относиться к большевикам, что возможно повлияет на общее настроение в польском войске и на ход мирных переговоров [224, с. 56, 61–65]. В ответ на советскую тактику «мирного наступления», ведения широкой агитационной работы, польская сторона также активизировала свою пропагандистскую работу среди частей Красной Армии путем распространения листовок «Мирные условия Польши!», в которых размещалось воззвание о начале мирной работы, демобилизации, обвинения руководства Советской России в умолчании основных условий перемирия, предложенные польской стороной. Пропагандировался «мир без аннексий и контрибуций», кроме этого направлялось воззвание к правительству РСФСР признать право самоопределения для всех народов, отказаться от территорий, «которые были захвачены императрицей Екатериной в 1772 г.» [197, л. 88].

Агитационная борьба сторон приводила к использованию чрезвычайных методов, в том числе намерения советского руководства озвучить текст секретного договора между сторонами, заключенного в ходе переговоров в Микошевичах, и таким образом повлиять на внутриполитическую ситуацию в Польшу. Однако непосредственный участник встречи Ю. Ю. Мархлевский высказался решительно против этих действий, его поддержали В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин [224,

с. 86–87]. Безрезультатность мирных инициатив обеих сторон, нежелание идти на уступки одна другой, выбор в пользу военных методов решения спорных вопросов вызвали следом за военной кампанией польских войск на украинских землях планомерные военные акции войск Красной Армии в мае-июне 1920 г. на Северо-Западном фронте (р. Западная Двина в районе Дисна – Полоцк – Ула – р. Березина) и в июле 1920 г. на всем Западном фронте.

Белорусский вопрос сторонами рассматривался в рамках разработанных стратегических линий советского и польского руководств. Направленность всех средств советской стороны для осуществления идеи мировой пролетарской революции, в том числе и тактики «мирного наступления», приводила к своеобразной интерпретации белорусской проблематики на борисовском этапе советско-польских переговоров. Территория Беларуси выступала исключительно в качестве плацдарма революционной борьбы. Польское руководство, которое более склонялось к военным средствам решения спорных вопросов, отчетливо представило свою позицию по белорусскому вопросу в рамках варианта польских мирных условий 8 марта 1920 г., которая предусматривала раздел белорусских земель путем включения территорий Гродненской и Виленской губерний в состав Польши, создания на территории Минской губернии так называемого «Белорусского Пьемонта», подчиненного центральному польскому руководству.

Сущность и основное содержание баравичско-минского этапа советско-польских переговоров (июль-начало сентября 1920 г.) стали итогом общей расстановки сил на Западном фронте, условий договора 10 июля 1920 г., подписанного польской стороной во время конференции в Спа, необходимостью установления советско-английских торговых отношений. Влияние английского фактора на ход переговоров стало решающим, предопределило формы, содержание, итоги встреч.

Негласное присутствие Великобритании на переговорах заставляло обе стороны проводить официальные заседания мирной конференции в Минске и вести неофициальные встречи между сторонами обеих делегаций. С переносом в начале августа 1920 г. боевых действий на территорию Польши отчетливо простили политические мотивы и цели войны со стороны советского правительства. Из оборонительной она превратилась в средство экспорта мировой революции. В условиях, которые создались, возможность мирного решения польско-советского противостояния была минимальной.

В конце июля – начале августа 1920 г. Польское государство в итоге наступления Красной Армии и выхода ее к Висле, оказалось в очень сложном положении. Значительное превосходство военных сил советской стороны на Северо-Западном и Юго-Западном фронтах не могло не волновать польское руководство, которое не было в состоянии оказать сопротивление. Созыв Совета обороны государства 1 июля 1920 г. должен был служить повышению обороноспособности страны, но

рассматривать при этом и дипломатические средства. Польское руководство было вынуждено, взамен за дипломатическую и военную помощь Великобритании и Франции, согласиться с жесткими постановлениями конференции государств Антанты в бельгийском городе Спа (5-16 июля 1920 г.). Польское правительство приняло восточную границу по этническим критериям так называемой «линии Керзона», а также невыгодное для Польши урегулирование вопроса о территориальной принадлежности Тешинской Силезии, Спиша и Оравы, Гданьска. Кроме этого, в срочном порядке Польша получила от Франции значительную военную помощь, что позволило создать Добровольную армию. В этих условиях для Польского государства был важен каждый день передышки, чтобы собрать силы и подготовиться к дальнейшим военным действиям.

На восьмом заседании Совета обороны государства Польши 20 июля 1920 г. основным вопросом стала проблема направления ноты с мирными предложениями на адрес Советской России. Большинством голосов было решено направить обращение к советской стороне. Значительная часть участников высказалась исключительно только на временную остановку военных действий, без заключения прочного мира. 22 июля 1920 г. польское правительство предложило РСФСР «безотлагательно заключить перемирие и начать мирные переговоры». В тот же день Генеральный штаб Войска Польского сообщал советскому командованию: «Предлагаю немедленное прекращение военных действий на фронте и посыпку военных представителей для установления перемирия. Мы ожидаем ответа до 30 июля 3 час. 00 мин. и полагаем, что встреча должна состояться на шоссе Москва – Варшава между Барановичами и Брест-Литовском на линии фронта» [79, с. 64]. В ноте Народного комиссариата иностранных дел РСФСР от 23 июля 1920 г. указывалось, что правительство РСФСР «приказывало Главному командованию Красной Армии немедленно начать с Польским военным командованием переговоры в целях заключения перемирия и подготовки к миру между обеими странами» [79, с. 64–65]. Однако 23 июля 1920 г. была дана директива войскам Юго-Западного фронта наступать в направлении Львова, а Западного фронта – к Варшаве с целью овладения ею не позже 12 августа 1920 г. [287, с. 165].

Встреча польской делегации во главе с вице-министром иностранных дел В. Врублевским, с уполномоченным Западного фронта К. И. Шутко и уполномоченным Генерального штаба Лбовым, которая произошла 1 августа 1920 г. в Барановичах, окончилась безрезультатно. Формальным поводом для срыва переговоров явилось то, что полномочия польской делегации были подписаны Главным командованием, а не польским правительством, поэтому польская делегация, по мнению советского руководства, не имела полномочий на заключение перемирия.

В выработанных инструкциях польской делегации были определены пограничные пункты для назначения линии разграничения, которая

совпадала с тогдашней позицией польских войск. Указывалось, что польская делегация имеет законное право остановить переговоры в случае, если советские делегаты предложат линию разграничения, находящуюся на запад от передовых позиций польских войск, выставят требования полного или частичного разоружения, или в случае попыток вмешательства во внутренние дела Польши. Делегация должна была добиться остановки военных действий на всем фронте не позже 12 часов 2 августа 1920 г. В случае затягивания переговоров по вине советской делегации она имела полномочия остановить встречу и выехать в Варшаву. Предусматривалось, что польская делегация могла высказать согласие на заключение «малого перемирия», не меньшего, чем на 8 дней, с возможностью возобновления военных действий через 3 дня. Совет Министров Польши настойчиво рекомендовал, в случае требования советской делегации одновременного подписания перемирия и прелиминарного мира, остановить переговоры. Этот факт прямо указывал на стремление польской стороны получить временное перемирие для улучшения материального положения Польского государства и возобновления военных сил, чтобы в дальнейшем продолжить военные действия [369, с. 647; 370, с. 129–139].

На заседании Совета обороны государства 4 августа 1920 г. были рассмотрены вопросы дальнейшей судьбы советско-польских переговоров. Высказывались мнения об очередном направлении ноты вместо мирной делегации (marshalok сейма В. Тромпчинский, депутаты К. Возницкий, А. Дубанович, В. Федорович, Е. Скарбек) [81, с. 253–258]. Вице-министр И. Дашиньский и большинство членов Совета обороны государства высказались за вариант направления мирной делегации на встречу в Минск. Польская делегация, по мнению членов Совета обороны государства, должна владеть более полными инструкциями и полномочиями для заключения мира, владеть полной свободой в отношениях делегации с польским правительством. Народному комиссариату иностранных дел РСФСР 5 августа 1920 г. была направлена нота от Министерства иностранных дел Польши, которая из-за метеорологических сложностей поступила советскому руководству только 7 августа 1920 г. [79, с. 262–263]. В этой ноте возлагалась вся ответственность за продолжение войны между странами на советскую сторону. Требовалось остановить военные наступательные действия с момента начала переговоров. Высказывалась готовность заключить мир на основе взаимного признания несомненных прав национальностей. 12 августа 1920 г. в ответ советское правительство предложило, чтобы польские делегаты перешли фронт по шоссе Седлец – Межречье – Брест-Литовский 9 августа 1920 г. в 20 часов с целью начать переговоры в Минске 11 августа. Для этого произошла остановка военных действий обеими сторонами сроком в три дня (10–13 августа 1920 г.). Но польская делегация не перешла линию фронта в определенном времени и месте. При взятии Седльце советскими войсками были выявлены члены польской делегации, которые не имели необходимых полномочий.

Только в ночь с 11 на 12 августа в Седльце произошла официальная встреча польских парламентариев З. Окенцкого и майора К. Стамировского с представителями Красной Армии, членом Реввоенсовета 16-й армии В. М. Милютиным. В подписанном соглашении предусматривалось принятие польской мирной делегации представителями Красной Армии на участке Седлец – Варшава 14 августа 1920 г. Советская делегация предлагала польским представителям продолжить дальнейшие переговоры в Минске и для этого перейти линию советского фронта по шоссе Седлец – Межречье – Брест-Литовск.

Польская сторона стремилась использовать мирные переговоры как средство улучшения внутреннего и внешнего положения государства. Так, на заседаниях Совета обороны государства неоднократно высказывались мнения о начале мирных переговоров исключительно с целью повышения обороноспособности страны (проведение мобилизации, привлечение внешней военной помощи), которые могут быть досрочно закончены в случае улучшения ситуации [389, с. 103]. Советская сторона рассматривала баановичско-минский этап советско-польских переговоров исключительно как дипломатическое средство подготовки к новой военной кампании. Фиктивность переговоров отмечалось руководством обеих сторон, однако ни польская, ни советская сторона не собирались брать на себя ответственность перед международным сообществом за срыв мирных переговоров.

21 августа 1920 г. министр иностранных дел Польши Я. Сапего направил ноту протеста на адрес Народного комиссариата иностранных дел РСФСР с требованием дать свободный доступ членам польской делегации во время советско-польских переговоров в Минске к передаче радиотелеграфных сообщений в Варшаву, или, в случае невозможности этого, перенесения заседаний мирной конференции в Варшаву [12, л. 23]. В ноте, которая поступила в ответ 22 августа 1920 г., народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин объяснил факт возникновения проблем с радиотелеграфными отношениями плохой работой варшавской станции, постоянными отказами принять сообщения [79, с. 142–143]. Хотя, как отмечено в донесении английского дипломатического представителя Г. Румбольда в Польше 19 августа 1920 г. телеграфная связь между Минском и Варшавой была на высоком уровне. Получается, что радиосвязь присутствовала, а польская сторона начала проводить официальную акцию по поиску непосредственных причин для срыва мирных переговоров с возложением ответственности на советскую сторону. Следующие отношения между польской делегацией в Минске и Варшавой происходили путем направления специальных дипломатических курьеров [303].

Российско-украинская сторона также использовала многочисленные приемы для срыва мирной конференции, но таким образом, чтобы перед международным сообществом ответственность была бы возложена на

польскую сторону. Как отмечалось в телеграмме К. Б. Радека к Г. В. Чичерину, В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому от 23 августа 1920 г., основной дипломатической задачей барановичско-минского этапа советско-польских переговоров являлась не только подготовка к новой военной кампании, но и стремление по компрометации польской стороны перед странами Антанты. Даже предлагалось передать С. Грабскому или другому представителю партии эндеков письма Ю. Ю. Мархлевского («отредактированные») к жене об общем ходе беловежских и микошевичских переговоров, которые происходили в неофициальном формате, содержание которых не было известно членам партии эндеков [30]. Кроме этого, в августе 1920 г., через посредничество Л. Б. Каменева английскому руководству было сообщено о «переговорах Ю. Ю. Мархлевского с И. Бернером», что вызвало заинтересованность Великобритании. Английское руководство рекомендовало использовать этот факт против завышенных требований Польши [11]. 14 августа 1920 г. в письме В. И. Ленина к Г. В. Чичерину высказывалась просьба о направлении Л. Б. Каменеву «всех фактов, которые доказывают, что Франция и Дашиньский срывают встречу в Минске» [345, с. 320–321].

Достаточно отметить случай расклеивания официального приказа РВС Западного фронта, подписанного Л. Д. Троцким, в котором польская делегация обвинялась в проведении шпионской и диверсионной работы, обосновав это наличием в ее рядах членов разведки и контрразведки. Кроме того, по специальному поручению народного комиссара иностранных дел РСФСР польская делегация, лишенная радиостанции по причине неисправности, была вынуждена любые отношения с Варшавой осуществлять через советскую станцию в конкретно определенные часы, что давало возможность контроля над процессом радиотелеграфной связи, ликвидировало вероятность «использования радио в разведывательных целях» [27]. Эти действия советской стороны вызвали протест министра иностранных дел Польши, поставили под угрозу срыва заседания мирной конференции.

Специфику советско-польских переговоров на барановичско-минском этапе (июль – начало сентября 1920 г.) составляли ряд неофициальных встреч польских и советских дипломатических представителей как накануне открытия Минской мирной конференции (17 августа – 2 сентября 1920 г.), так и во время ее работы. 24 июля 1920 г. поступило неофициальное предложение от А. А. Иоффе, на тот момент руководителя советской делегации на советско-латышских переговорах и сотрудника Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, польскому послу в Латвии В. Каменецкому о налаживании тайных встреч между представителями обеих сторон. Советский представитель прислал телеграмму с предложением и текстом ноты РСФСР к Великобритании, в которой находились советские условия заключения перемирия и мира с Польшей. Одновременно М. М. Литвинов, советский представитель в Дании по делам заключения советско-английского договора по обмену военнопленными, также обратился к польскому

Министерству иностранных дел с целью организации встреч по делам общества Красного Креста. В итоге на отдельном совещании Я. Сапего с В. Каменецким и М. С. Коссаковским было принято решение о направлении польских представителей: М. С. Коссаковского и Э. Залесского в Копенгаген, а В. Каменецкого с К. Петрушевским – в Ригу. Но польская миссия в Копенгаген не удалось по причине сложностей, что возникли при отправке М. С. Коссаковского и Э. Залесского через Гданьск из-за отсутствия необходимых дипломатических документов. Поэтому, чтобы не тратить время, М. С. Коссаковский был направлен в Ригу 31 июля 1920 г. вместе с В. Каменецким, К. Петрушевским [419].

С 2 по 9 августа 1920 г. в Риге проходили встречи торгового представителя РСФСР в Латвии Я. С. Ганецкого и члена советской делегации на советско-латышских переговорах И. Л. Лоренца с М. С. Коссаковским и В. Каменецким. На самом деле, на отмеченных переговорах Коссаковского – Ганецкого в августе 1920 г., кроме главного вопроса обмена заложников, гражданских военнопленных, поднятого еще на беловежско-микошевичском этапе советско-польских переговоров в июле-ноябре 1919 г., советской стороне было предложено обсудить «другие» спорные вопросы. Однако положительных результатов эти встречи не имели [5].

Советское руководство стремилось через налаживание рижских встреч М. С. Коссаковского с Я. С. Ганецким 2–9 августа 1920 г. достигнуть непосредственного взаимопонимания с Польшей, обходя английское посредничество и вероятность созыва Лондонской конференции. Кроме этого, встречи послужили действенным средством сообщения польской стороне основных пунктов мирной советской программы, которая была предложена Великобритании через посредничество Л. Б. Каменева и М. М. Литвинова. Также, неофициально, обе стороны озвучили проект разграничения интересов: Польша должна высказать свою заинтересованность по отношению территории и дальнейшей судьбы Украины, а Советская Россия в свою очередь – территориями Литвы и Беларуси. Эта формула разграничения была повторена на неофициальных встречах К. Х. Данишевского и К. Б. Радека с Н. Барлицким и Л. Альтбергом во время барановичско-минского этапа советско-польских переговоров (июль-сентябрь 1920 г.), и первоначально рассматривалась как возможный вариант мирного урегулирования на секретных встречах А. А. Иоффе с Я. Домбским в начале октября 1920 г. в Риге.

Когда 17 августа 1920 г. в Минске начались мирные переговоры между РСФСР и Польшей, ситуация на фронте уже изменилась в пользу Польши (16 августа 1920 г. польскими войсками был прорван участок фронта, который удерживался Мозырской группой). Советская делегация не сразу поняла масштабы трагедии. На втором заседании мирной конференции советская делегация, которая выступила от имени РСФСР и УССР, заявила о признании советскими республиками

независимости и самостоятельности Польской республики, праве польского народа самостоятельно определять форму государственной власти и отказе от каких-либо контрибуций с Польши. Одновременно, польской делегации были предъявлены самые невыгодные условия мира, подготовленные во время успешного наступления: разоружение польской армии, сокращение ее количественного состава до 50 000 человек, создание вооруженной рабочей милиции. Польская делегация хорошо знала ситуацию на фронте, поэтому принимать такие условия мира не собиралась, объявила их «условиями капитуляции».

Белорусский вопрос возник на конференции в связи с предложением советской делегации провести восточную границу по линии Керзона, с отступлением в пользу Польши в районе Белостока и Холма. В ответ польская делегация обратила внимание на то, что «польский элемент простирается далеко за линию, предложенную советской делегацией», и что она практически полностью совпадает с линией раздела Речи Посполитой в 1795 г., поэтому оскорбляет национальные чувства поляков [313, с. 15]. В развитии дискуссии о судьбе восточных кресов, Я. Домбский, руководитель польской делегации, подчеркнул факт признания польским руководством в лице Ю. Пилсудского права на самоопределение народов Литвы, Украины и Беларуси, и это при том факте, что Польша владела «несомненными историческими правами» на эти территории и могла бы «их присоединить без проблем» [414, с. 5].

На это председатель российско-украинской делегации К. Х. Данишевский заметил, что ссылка польской делегации на «исторические права» означает, что Польша считает себя «наследницей грабежей» шляхетской Польши XV–XVIII вв. и желает снова надеть кандалы на рабочих Украины, Беларуси, Литвы и Латгалии, где польское население представлено исключительно помещичьим классом. Тем не менее, Я. Домбский настаивал на том, чтобы интересы польского населения учитывались при решении судьбы этих территорий, также напомнил о январских обещаниях советской стороны не переходить линии Дрисса – Дисна – Полоцк – Борисов [80, с. 308–311].

23 августа 1920 г. на третьем заседании мирной конференции в Минске была озвучена польская декларация, которая стала своеобразным ответом на мирную программу, представленную российско-украинской делегацией. В ней польская сторона обвинила советское руководство в нежелании признать независимость и суверенность Польского государства, в проведении агрессивных действий, которые были направлены на установление протектората России над Польшей, как во времена Петра I и Екатерины II. Намерения советской стороны осуществить редукцию военных единиц польской армии характеризуются как проявления империализма, так как следом не происходит сокращение количества Красной Армии. Советские мирные предложения называются «условиями победителя, который не имеет право осуществлять диктат» [80, с. 319]. Кроме этого польская делегация

предложила отказаться от взаимной выплаты расходов по польско-советской войне 1919–1920 гг. В качестве линии разграничения между сторонами была предложена линия, которая является исторически обоснованной, при учете интересов польского элемента, а не та, которая почти полностью совпадает с линией третьего раздела Речи Посполитой. Народам, проживающим между Польшей и Россией, предусматривалось предоставить право на демократическое самоопределение, правда, не указывалось каким образом оно будет реализовано. Наставала исключительно на двусторонней демобилизации, против создания рабочей милиции и передачи части своего вооружения советской стороне.

Со стороны польской мирной делегации 24 августа 1920 г. поступило предложение обсудить наиболее спорные вопросы на отдельных неофициальных встречах, вне заседаний конференции. В итоге, 25 августа 1920 г. произошла встреча К. Б. Радека, Г. П. Штыкгольда (секретарь делегации), П. Г. Смидовича с Н. Барлицким (ППС), В. Керником (ПСЛ – «Пяст»), Ф. Перлем (ППС), Л. Альтбергом. Была продемонстрирована готовность обеих сторон идти на уступки: отказ польской стороны от федералистической концепции решения «восточного вопроса», вероятность получения территориальных уступок со стороны советского руководства за счет белорусских земель, отказ от пунктов о разоружении и демобилизации польских войск [238].

Из письма К. Х. Данишевского к Г. В. Чичерину от 25 августа 1920 г. отчетливо видна изменчивость и конъюнктурность политической линии поведения центрального советского руководства в отношении Польши. Вероятность освобождения территории Беларуси от иноземных войск, рассмотренная в письме Г. В. Чичерина к В. И. Ленину, возможная только в случае выставления польской стороной «неприемлемых условий», была полностью отброшена советским руководством [225, с. 4–5]. Альтернатива заключения перемирия или продолжения военных действий существовала до 1 сентября 1920 г., когда произошел поворот в советской линии поведения на переговорах с Польшей от «диктата с позиции силы» к «политике соглашательского мира». Решение о нем с соответствующей формулировкой Политбюро ЦК РКП(б) приняло 1 сентября 1920 г. под влиянием тягостного поражения Красной Армии под Варшавой и неудач в военных действий против войск П. Н. Врангеля. Такой поворот предусматривал уступку в пользу Польши части территории Беларуси до линии рек Щара и Ясельда [148, с. 325–337]. В телеграммах Г. В. Чичерина к Политбюро ЦК РКП(б) начала сентября 1920 г. неоднократно высказывалось готовность советской стороны «отказаться от неприемлемых условий, как разоружение Польши и сокращения ее армии». При этом, указывалось, что необходимо подчеркнуть «неприемлемость создания буферных государств, неприкосновенность Советской Украины и Беларуси, но согласиться на определенные территориальные уступки» [231].

Я. Домбский в телеграмме из Минска к министру иностранных дел Я. Сапего от 26 августа 1920 г. отмечал готовность советской стороны идти на уступки по территориальным требованиям, общую смену настроений в рядах российско-украинской делегации, которая изменила резкий, ультимативный тон; согласилась отказаться от пункта по разоружению польских военных частей, поддержала предложение по переносу места переговоров из Минска в Ригу. Однако советская сторона категорическим образом высказалась за признание независимости советских украинской и белорусской республик [303]. Уже 29 августа 1920 г. А. А. Иоффе был вызван из Риги в Москву по «делу переговоров с Польшей». Согласно его доклада ЦК РКП(б), основной целью приезда в российскую столицу стало направление его в Минск «для проведения неофициальных переговоров с представителями польских левых партий и осуществления действий по замедлению хода официальных переговоров» [24].

В докладной записке А. А. Иоффе на имя В. И. Ленина, И. И. Крестинского, Л. Д. Троцкого, Г. В. Чичерина от 31 августа 1920 г. были изложены основы тактики будущих переговоров с Польшей. В первую очередь обращалось внимание на необходимость откладывания на неопределенный срок вопроса советизации Польского государства. Во-вторых, отмечалась необходимость улучшения дипломатических отношений с Польшей «в связи с невозможностью её быстрого военного разгрома». Также А. А. Иоффе советовал приложить усилия по затягиванию переговорного процесса, чтобы таким образом дать возможность войскам Красной Армии перевести единицы в боевую готовность. Кроме этого подробным образом анализировался состав польской делегации, указывались ее слабые стороны. Так, внутренний разлом и партийную дифференцированность польского дипломатического корпуса можно было бы, при необходимости, использовать в свою пользу [14]. В этой записке А. А. Иоффе определил желаемый состав советской мирной делегации: К. Х. Данишевский как заместитель председателя, Д. З. Мануильский, как представитель от УССР (вместо Н. А. Скрыпника), но выступал категорически против включения П. Г. Смидовича. Однако, по решению Народного комиссариата иностранных дел, К. Х. Данишевский был исключен из состава делегации, как бывший руководитель Военного революционного трибунала Латвийской Советской Республики. 1 сентября 1920 г. решением Политбюро ЦК РКП(б) в составе В. И. Ленина, Н. Н. Крестинского, Н. И. Бухарина, М. И. Калинина, И. В. Сталина была утверждена кандидатура А. А. Иоффе как руководителя российско-украинской мирной делегации для переговоров с Польшей.

Характерной особенностью барановичско-минского этапа советско-польских переговоров стало включение украинской стороны в счет стран-участниц. Инициатива принадлежала РСФСР, которая стремилась дать право представительства УССР на международной арене, и таким образом не дать возможности польской стороне привлечь к участию в переговорах представителей правительства С. В. Петлюры. Белорусское

представительство обеими сторонами не предусматривалось. Польша заявляла, что белорусские представители отказались от своих прав на самостоятельное существование после подписания договора белорусских национальных деятелей и руководящих кругов Польши в марте 1920 г. и согласились на культурно-национальную автономию в составе Польского государства. Поэтому претензии Рады Народных Министров БНР к странам Антанты, РСФСР, Польше не брались в расчет. Провозглашение БССР 31 июля 1920 г. в принципе давало возможность советской стороне привлечь к участию в переговорах (прямо или косвенно через передачу мандата) белорусских представителей. Советское руководство, отталкивалось от линии Керзона, как границы между сторонами, не рассматривало дело белорусского участия в переговорах в качестве необходимого. Действия советской стороны по белорусскому вопросу ограничивались декларацией намерений предоставления права на самоопределение белорусскому народу путём создания советской республики (на отмеченном этапе пока в абстрактном виде временных органов управления), попытками формирования многопартийного управленческого центра с представителями БПС-Р, КП(б) ЛиБ, БКА, Бунда. Однако вопрос территориальной целостности советской республики не являлся той фундаментальной единицей, которая не может подвергаться изменениям. Уже во время неофициальных встреч членов польской и российско-украинской делегаций 25 августа 1920 г. стало понятно, что достижение компромисса между сторонами возможно только путем предоставления территориальных уступок советским руководством за счет белорусских земель. Тактика раздела территории Беларуси между советской и польской сторонами, хотя первоначально не была предусмотрена польской инструкцией для мирной делегации (рекомендовалось признать независимость Беларуси, но без ведения переговоров о ее границах) [81, с. 281–283]), стала основой для достижения компромиссного решения.

2.4. Дипломатические акции БНР во время советско-польских переговоров (ноябрь 1918 г. – сентябрь 1920 г.)

Деятельность руководящих органов БНР необходимо рассмотреть в совокупности всех сложных геополитических, социально-экономических и международно-правовых аспектов, в контексте политики соседних стран, которые имели свои интересы на белорусской этнической территории.

Первоначальными формами дипломатической деятельности БНР стали чрезвычайные делегации и консульские учреждения за границей. С

ноября 1918 г. по сентябрь 1920 г. предпринимались меры по адаптации своей дипломатической деятельности к международным нормам дипломатии. Представителями БНР на имя Председателя Парижской мирной конференции, руководителей правительств Франции, Великобритании, США был направлен целый ряд нот, меморандумов, заявлений. Однако, дипломатия БНР имела односторонний характер, направленная на установление дипломатических отношений с соседями, а также со странами Западной Европы и США.

Разъединенность белорусского национального движения еще со времен немецкой оккупации в Перову мировую войну, существование левого (революционного) и национально-демократического направлений в итоге привели к формированию различных государственно-политических образований (ВНР и БССР, ЛитБел ССР). Но существовала вероятность объединения этих двух направлений. Факт провозглашения 1 января 1919 г. БССР положительным образом был воспринят в белорусских национально-демократических кругах [185, с. 217]. В рядах БНР возможность сотрудничества с БССР однозначно рассматривалась. Доказательством тому служат свидетельства А. И. Луцкевича и А. А. Смолича начала 1919 г. Так называемые «рефлексии» А. А. Смолича, касающиеся вопроса организации совместной работы БНР и БССР, были высказаны в письме В. Ю. Ластовскому 13 января 1919 г., оригинал которого находится в библиотеке Академии наук Литвы [47, л. 23–24.]. Автор письма рассматривает вероятность сотрудничества только при исполнении определенных условий: признание независимости Беларуси в ее этнографических границах, сохранение территориальной целостности белорусских земель, ведение широкой культурной работы. Среди основных причин, толкающих к объединению намерений с БССР, А. А. Смолич отмечает плохое материальное положение и отсутствие поддержки среди местного населения.

Немаловажным фактором, влияющим на изменение с положительного отношения к белорусской советской государственности деятелей БНР к резким, отрицательным, антибольшевистским тенденциям, стал факт присоединения к РСФСР земель бывших Витебской, Могилевской, Смоленской губерний. Таким образом, идея неделимости белорусских земель была бы подорвана. Поэтому и переговоры А. И. Луцкевича с Х. Г. Раковским в Киеве в промежутке 22 сентября – 5 ноября 1918 г., усилия руководства

БНР по направлению дипломатической миссии во главе с Т. Т. Грибом в Москву в ноябре-декабре 1918 г. окончились безрезультатно. [169]. А. А. Овсяник среди основных причин невозможности сближения представителей БНР с РСФСР называл идейные расхождения между сторонами. «Интернациональные установки Советской России и стремление к осуществлению идеалов мировой революции и коммунизма» делали реализацию сближения между сторонами невозможной [193].

Неофициальный формат переговоров в Москве (март-май 1919 г.), Беловежи (июнь-август 1919 г.) и Микошевичах (сентябрь-ноябрь 1919 г.) исключал любую возможность получения какой-нибудь информации об их ходе, а тем более принятия соответствующих действий. Поэтому дипломатические акции руководящих кругов БНР, касающиеся дела ведения советско-польских переговоров впервые отмечены только на борисовском этапе (декабрь 1919 г. – июнь 1920 г.). Условно дипломатию БНР можно разделить на два основных направления: первый заключался в направлении официальных писем, нот, меморандумов на адрес стран-участниц переговоров, стран Антанты и США; второй включал в себя дипломатические мероприятия БНР по сближению с руководящими кругами Советской России и Польши.

При определении влияния дипломатических акций БНР на ход советско-польских переговоров ноября 1918 г. – сентября 1920 г. нельзя не учитывать факт идейной и организационной разъединенности белорусского национального движения. Раскол белорусских политических сил давал возможность советскому и польскому руководству путем перетягивания на свою сторону той или иной национальной группировки, апелировать к белорусским интересам, пробовать демонстрировать себя в виде протектора белорусских земель. Наличие в белорусских политических рядах острой партийной и идейной дифференциации, стремление БПС-Р к включению группы эсеровских местных представителей в состав рады, запоздалый приезд «польских представителей» из Вильно в Минск привели к организационному расколу Рады Народных Министров БНР на чрезвычайном собрании 12–13 декабря 1919 г. и, как итог к выделению Народной Рады (В. Ю. Ластовский, П. А. Бодунова, П. А. Кречевский, А. И. Цвикевич) и Наивысшей Рады (А. И. Луцкевич, С. А. Рак-Михайловский, И. М. Середа, В. Л. Ивановский) [165, 166].

Накануне заседания Рады Народных Министров БНР, 20 ноября 1919 г., произошла встреча А. И. Луцкевича и Ю. Пилсудского. На ней польский руководитель рассказал, какое будущее ждет белорусов. Он посоветовал А. И. Луцкевичу отказаться от государственных амбиций и реорганизовать Раду БНР в Белорусскую национальную раду, это значит изменить статус с государственного представительства на национальное. Белорусские национальные деятели должны были отказаться от претензий не только на независимость, но даже и на политическую автономию [177, с. 17–18]. Ю. Пилсудский в очередной раз предложил начать работу над созданием культурной автономии и так называемого белорусского «Пьемонта». Таким образом, это лишило белорусов надежды на независимость Беларуси. Начальник Государства предложил начать борьбу за реализацию идеи «неделимости и независимости» только после того, как решится вопрос взаимоотношений поляков с прибалтийскими государствами и Украиной. Для улучшения аграрной ситуации Ю. Пилсудский советовал достигнуть соглашения с крестьянами землевладельцами [393, с. 78–82]. 31 декабря

1919 г. Ю. Пилсудский на встрече с Л. Василевским негативным образом оценивал подготовленность белорусов к политической жизни, высказывался за то, чтобы белорусский «Пьемонт» был создан и существовал на территории Польши до наступления благоприятной для Беларуси конъюнктуры [446, с. 216]. В понимании Начальника Государства своеобразным решением должно было стать согласие на политическое и культурное «воспитание» под патронатом Польши, без получения Беларусью территориальной автономии. Изменение политической конъюнктуры могло наступить после победы поляков над Советской Россией и укрепления белорусского правительства в Восточной Беларуси – на территории Могилевской, Витебской, Минской, и частично Смоленской губерний. Таким образом, вхождение Гродненской и Виленской губерний в состав Польши даже не обсуждалось.

Подробно рассматривая вопрос раздела Рады Народных Министров БНР, нельзя не заметить явного польского влияния. Польская политическая линия по белорусскому вопросу с конца 1919 г. исходила из стремления уничтожить или уменьшить влияние белорусского самостоятельного политического фактора для получения монопольного права распоряжения белорусскими интересами. Рассматривалось несколько возможных путей: 1) полная ликвидация белорусского правительства через передачу политических полномочий от А. И. Луцкевича (премьер-министр БНР) к В. Л. Ивановскому и официального провозглашения о роспуске и политической несостоятельности так называемой «фактивной белорусской рады» [407]; 2) получение непосредственного контроля над деятельностью правительственные структур через структурную трансформацию и введение в состав Рады Народных Министров БНР «польских представителей – «людовцев» (ППС) [326; 393, с. 72–93].

Раздел белорусского движения не только в идейном, а также в организационном плане (фактический раскол на заседании 13 декабря 1919 г. и как итог – создание Наивысшей Рады БНР и Народной Рады БНР) значительно ослабил позиции белорусского представительства на международной арене. 17 декабря 1919 г. П. А. Кречевский и В. И. Захарко выслали от имени Рады Народных Министров БНР ноту, направленную в Совет пяти в Париже с информацией о том, что новым премьером правительства БНР является

В. Ю. Ластовский [2, с. 546]. Представитель БНР во Франции Е. М. Ладнов в письме к А. И. Луцкевичу негативным образом охарактеризовал итоги заседания 13 декабря 1919 г., называя их провокацией польских властей, которая должна «снизить значение протesta БНР против заключения мира между Советской Россией и Польшей» [2, с. 657]. От имени правительства БНР Е. М. Ладнов 24 февраля 1920 г. обратился к участникам Парижской мирной конференции с меморандумом, в котором он требовал участия представителей БНР в мирных переговорах,

касающихся судьбы белорусских земель, в связи с неофициальным установлением восточной границы Польши. Кроме этого, Е. М. Ладнов просил признать независимость Беларуси и начать военные действия, целью которых было бы освобождение от Советской России территории Смоленской, Могилевской и Витебской губерний [2, с. 678]. На следующий день им было представлено заявление, в котором Е. М. Ладнов охарактеризовал действия польской оккупационной администрации на белорусских землях, приводил негативные проявления в образовательной сфере, попытки закрытия белорусскоязычных школ, примеры эксплуатации народных богатств.

Однако это выступление не имело никакого влияния на ход мирной конференции. Да и сам А. И. Луцкевич хорошо понимал нелепость дела раздела белорусского национального движения. В письме к Е. М. Ладнову 9 февраля 1920 г. он сообщал о нецелесообразности выступлений в печати двух политических образований (деятелей Народной рады и Наивысшей рады) с взаимными обвинениями. Это могло негативным образом сказаться на международном авторитете белорусов. «В том случае, если мир Польши с большевиками будет заключен, то Виленская и Гродненская губернии будут включены в состав Польского государства. Тогда Рада Народных Министров БНР будет иметь право опротестовать этот дипломатический акт» – утверждал А. И. Луцкевич [2, с. 656].

Несмотря на сложность внутриполитической ситуации, деятели БНР 10 апреля 1920 г. направили ноты протеста в адрес РСФСР, Польши, стран Антанты с требованием допустить белорусских представителей на советско-польские переговоры [2, с. 716]. Протестные решения были приняты на очередных заседаниях Временного белорусского национального комитета, созданного в Минске в сентябре 1919 г., Центральной рады Виленщины и Гродненщины [203].

Требования о допуске делегации Рады Народных Министров БНР к участию в советско-польских переговорах начали поступать на адрес правительства РСФСР и Польши с апреля 1920 г., во время подготовки сторон к мирным переговорам в Борисове [195, л. 37]. Нота протеста была направлена 10 апреля 1920 г. Совету послов в Париже, где высказывался протест против присоединения белорусских земель к Польскому государству, содержалась просьба о предотвращении несправедливого решения будущей судьбы белорусских земель. Высказывалась просьба о допуске представителей «заинтересованных народов» к переговорам [195, л. 39–40]. Копии этого послания были направлены также министру иностранных дел Польши и народному комиссару иностранных дел РСФСР. В тот же день была направлена отдельная нота непосредственно Г. В. Чичерину, с официальным заявлением, что «белорусский народ никогда не признает постановлений, принятых без участия белорусских представителей» [2, с. 717].

Другой формой дипломатической деятельности белорусского национального движения были действия по сближению с Советской Россией и Польшей. В конце марта 1920 г. в Вильно прошла встреча белорусских представителей А. А. Смолича, И. И. Лёсика, С. А. Рак-Михайловского с представителями польской демократии, во время которой была обсуждена вероятность реализации федерации Беларуси с Польшей. 1 марта 1920 г. по личному поручению министра иностранных дел Польши С. Патека, была создана Комиссия по разработке проекта урегулирования польско-белорусских отношений. Основной целью отмеченной комиссии была организация и проведение переговоров Польши и правительственные кругов БНР. В состав комиссии входили: В. Рачкевич, заместитель генерального комиссара восточных земель, начальник Минского округа, С. Воевудский, референт II отдела главного командования Литовско-Белорусского фронта; Л. Василевский, В. Л. Ивановский. В итоге первоначальной работы комиссии, при активном участии «белорусских представителей» (вероятно, В. Л. Ивановского) был разработан «Мемориал по белорусским делам», после рассмотрения которого С. Патеком и Ю. Пилсудским принято решение о переносе работы комиссии в Минск [319, с. 167].

Польская позиция по белорусскому вопросу была созвучна с решениями переговоров БИР и Польши, которые проходили в Минске 20–24 марта 1920 г. Из 25 требований белорусских представителей (В. Л. Ивановский, И. И. Лёсик, кс. А. Станкевич, А. А. Смолич, А. М. Власов, С. А. Рак-Михайловский, И. М. Середа, К. Ю. Терещенко) только 10 были приняты польскими деятелями (Л. Василевским, В. Рачкевичем, С. Воевудским, К. Стамировским). Представительство БИР выставило требования: отстаивание принципов единства и неделимости белорусских земель; равноправие белорусского и польского языков на территории Беларуси; участие белорусских представителей в работе мирной советско-польской конференции, введение белорусского языка в делопроизводство, и как обязательного предмета для преподавания в начальных школах; срочная организация учительских курсов (удовлетворено частично); декларация об автономии белорусской школы, создание польско-белорусской следственной комиссии по вопросу «ликвидации большевизма», генерального комиссариата по белорусским делам; создание в Вильно литовско-белорусского правительства; объявление государственным с последующим ассигнованием Белорусского педагогического института в Минске; перевод в разряд государственных трех учительских семинарий, четырех гимназий. Отвергнуты были важные для развития белорусского дела вопросы, связанные с защитой целостности, неделимости территории Беларуси, с более широким распространением белорусского языка и созданием местного самоуправления [354, с. 3-13]. Как отмечал Л. Василевский в отчете о переговорах представителей БНР и Польши, итогом отмеченных встреч

была поддержка белорусских деятелей, что можно было использовать на планируемых советско-польских переговорах [314].

Итоги переговоров белорусских национальных кругов и польских представителей 20–24 марта 1920 г. давали фактическое право польским представителям официально провозглашать о согласии белорусских деятелей на присоединение Беларуси к Польше как автономной провинции, и одновременного отказа их от принципов независимости и суверенности [48]. Согласно утверждениям Л. Васильевского, непосредственного идеолога и участника переговоров, договор с белорусскими деятелями установил своеобразный *modus vivendi* [446, с. 213]. Пункты договора не должны были сообщаться широкой общественности, сохраняться в тайне («для двустороннего использования») [425, с. 90–95]. Непосредственным итогом переговоров 20–24 марта 1920 г. стала передача Польше права дипломатического представительства белорусских интересов на советско-польских переговорах, в первую очередь на этапе борисовских двусторонних встреч. Польская сторона брала на себя обязательство «охраны целостности белорусских земель, решения судьбы в соответствии с желанием населения», должна была стремиться к полному отказу со стороны Советской России от претензий на территории Беларуси. Таким образом, польская сторона желала получить приоритетное право представления белорусского вопроса.

Противоположной тенденцией являлось сближение РСФСР с деятелями левой направленности БПС-Р. Так, 1–8 апреля 1920 г. в Москве произошли встречи с участием П. А. Бодуновой, а 15–28 апреля 1920 г. – М. А. Маркевича, В. Ю. Ластовского, И. А. Черепука в Ревеле [185, с. 325–337]. На вышеперечисленные встречи в апреле 1920 г. в Москву из Смоленска был командирован А. Г. Червяков «как человек, который наиболее информирован в белорусских делах», но он должен был получить необходимые поручения от НКИД РСФСР [212, л. 58].

Переговоры деятелей БНР с представителями РСФСР каждая из сторон использовала ради достижения своих целей. Так, белорусские представители рассматривали встречи только как средство признания БНР в ее этнографических границах, получения допуска к планируемым советско-польским переговорам в Борисове. Эти встречи для советской стороны служили своеобразным разведывательным плацдармом, с помощью которого необходимо было узнать о реальной силе белорусского национального движения, его участии в новом витке польско-советского противостояния. Во время этих встреч был обсужден и проект формирования белорусских отделений в составе Красной Армии, а также план оказания помощи белорусскими силами в деле ведения коммунистической пропаганды на территории Беларуси, занятой польскими войсками [326]. Возможность признания БНР в ее этнографических границах советским правительством ставилась в прямую зависимость от позиции Польши: независимость территории

Беларуси могла быть противопоставлена требованию проведения разграничения по линии 1772 г. [2, с. 767, 775].

На этапе минских мирных переговоров Рада Народных Министров БНР от имени Е. М. Ладнова направила обращение к премьер-министру Великобритании Д. Ллойд Джорджу с просьбой о допуске к участию в работе мирной конференции, ссылаясь на провозглашенное право наций на самоопределение [195, л. 56–57]. Аналогичный этому обращению, 14 августа 1920 г. был направлен «Меморандум и обращение к президентам и послам великих государств» [195, л. 58–60], где высказывался протест против раздела территории Беларуси по линии железной дороги Граево – Белосток. 20 августа 1920 г., в ноте Рады Народных Министров БНР к правительствам РСФСР и Польши указывалось, что советско-польские переговоры в Минске, которые проходили без участия белорусских политических представителей, являются «незаконными, происходящими через голову белорусского народа, его законного правительства» [2, с. 850; 191, л. 97]. Однако ноты протesta и обращения Рады Народных Министров БНР остались без ответа. На пленарном заседании советско-польских переговоров в августе 1920 г. председатель российско-украинской делегации К. Х. Данишевский даже не поставил вопрос об участии представителей от белорусских земель, как это было сделано в отношении на территории Украины.

Белорусские национальные круги делали попытки определенным образом повлиять на ход переговоров путем воздействия на дипломатические круги стран Антанты. 25 августа 1920 г. Е. М. Ладнов в письме к В. Ю. Ластовскому отмечал факт ведения переговоров с французскими правительственныеими кругами, даже вероятность заключения определенного договора. Но перед этим настойчиво рекомендовалось: 1) ликвидировать разъединенность белорусских политических сил путем объединения Наивысшей и Народной Рад; 2) осуществить подготовку делегации для переговоров и выдать ей необходимые полномочия («по защите белорусского народа на мировой конференции, заключать экономические и политические договоры»); 3) провести сбор информации, которая доказывала бы факт борьбы белорусов против Советской России [(например, в составе Литовско-Белорусской дивизии (1-я литовско-белорусская дивизия под командованием Л. Желиговского, состоящая из поляков и белорусов-католиков)] [171]. Исходя с точки зрения французских правительственныеемых кругов на белорусский вопрос, это могло быть реализовано только в виде автономной единицы будущего российского федеративного демократического государства; переговоры между представителями дипломатического ведомства Франции (Quai d'Orsay) и членами дипломатической миссии в Париже (Е. М. Ладнов) имели целью узнать о возможности использования белорусских военных формирований в качестве антибольшевистской силы. 24 февраля 1920 г. от имени правительства БНР к членам мирной конференции был направлен

меморандум с целью допуска белорусских представителей к участию в мирных переговорах по делам, касающихся белорусских земель. Он добивался признания независимости БНР, побуждал к началу военных действий, итогом которых стало бы освобождение территории Витебской, Могилевской, Смоленской губерний; в нем высказывался протест против польской оккупационной политики [2, с. 679–684].

Таким образом, дипломатическая деятельность БНР оказывала значительное влияние на ход советско-польских переговоров 1918–1921 гг. Основными ее формами были: направление чрезвычайных делегаций, официальных нот и меморандумов, создание консульских учреждений, организация и проведение двусторонних встреч с Советской Россией, Польшей, странами Антанты и США. Несмотря на многочисленные усилия правительства БНР, белорусские представители так и не были допущены к участию в переговорном процессе. Оказывала влияние идейная и организационная разъединенность белорусского национального движения, которая только укрепилась в годы польско-советской войны 1919–1920 гг. Тем не менее, факт существования белорусского национального движения и структур БНР, осуществления ими активных внешнеполитических акций учитывался советским руководством во время решения вопроса второго провозглашения ССРБ в июле 1920 г. Нельзя не признать и того факта, что включение А. Г. Червякова в состав российско-украинской делегации во время переговоров в Риге, стало итогом и определенных стратегических расчетов советской стороны, и дипломатических мероприятий БНР.

Документы свидетельствуют

№ 1

ПИСЬМО ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ВЦИК Я. М. СВЕРДЛОВУ, КОПИИ В. И. ЛЕНИНУ, Л. Д. ТРОЦКОМУ, Г. В. ЧИЧЕРИНУ ОТ А. А. ИОФФЕ

24 января 1919 г.

В телеграмме уже сообщал о здешних затруднениях. Идиотское решение здешнего ЦБ просить ЦК пересмотреть ваше решение вероятно уже известно. Оригинальнее всего, что сегодня на заседании с белорусской частью «правительства» они пожелали принять то же самое решение. Конечно, ЦК категорически откажет и тем и другим в пересмотре вопроса о белорусской территории. Пока что Витебская губерния уже постановила не входить в белорусскую республику, а если даже Смоленская и Могилевская примут половинчатые решения вроде решения ЦБ, придется дать им бой на областном съезде и там провести вопрос о территории в нашем смысле. Белорусам я это категорически заявил и они продолжают хныкать о своей отставке. Вероятно, кое-кого действительно придется оставить. Хуже то, что и наши, по-видимому, очень мало деятельности и столько же страдают сепаратизмом, сколько

белорусы заражены национализмом. По-видимому, наши это спевшаяся компания, резко выражаются областники, которые друг друга покрывают, друг друга двигают и совершенно по-домашнему управляют. Факт тот, что из поляков они в работу не допускают. После проведения «раздела Белоруссии» они непременно, даже подчинившись постановлению ЦК, будут скрыто саботировать.

Я полагаю, что, ознакомившись с местными рабочими, нужно будет выделить тех из них, кто действительно ценен и полезен, а остальных убрать и заменить их частью, теми, кого Вы пришлете, частью поляками, частью местными рабочими.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55001. Л. 1. Подлинник.

№ 2

ПИСЬМО А. А. ИОФФЕ К Г. В. ЧИЧЕРИНУ

26 января 1919 г.

Я получил копию Вашего письма от 24.01., адресованное Свердлову. Я знаю, что в некоторой части территории, включенной в Белорусскую Республику, имеется против этого серьезная оппозиция и притом деловым образом обоснованная. Но отделение трех губерний, после которого фактически в распоряжении Белоруссии осталось только одна Минская губерния. Не идет ли слишком далеко? Вряд ли Белорусская Республика даже в том переходящем и скорей формальном виде, который ей предназначен, может существовать в таком крайне сокращенном составе. Само отделение сейчас же после включения ставит наших товарищ в неудобное положение. Если бы дело шло о некоторых частях Витебской и Смоленской губерний, то ошибка на известную пропорцию, конечно допустима, но ошибка на $\frac{3}{4}$, исправление которой означает отделение $\frac{3}{4}$ только что созданного организма есть ошибка недопустимая. С самого начала не следовало давать так много, дав эти области крайне неудобно сразу отнимать $\frac{3}{4}$. Я потому не упоминаю Гродненской губернии, что ее принадлежность еще находится под сомнением. Только что у меня был член литовского правительства Норвид, который заявил, что Литва самым решительным образом претендует на Гродненскую губернию или по крайней мере на значительную ее часть, как населенную литовцами и экономически тянувшуюся к Литве. Самый город Гродно с его округом важным в промышленном отношении, экономически необходим Вильне, и без него не может существовать Литовская Республика даже в кратковременном и формальном виде. Так или иначе Литва будет областью с известным внутренним единством и по словам литовских товарищ эта область не может обходится без связи Гродно с Вильно. Это один из тех вопросов, который надо будет рассмотреть на нашей предстоящей конференции о территориальных спорах. От т. Норвида я также слышал, что какая-то

конференция предстоит в Минске. Повторяю, что мы к этой конференции никакого отношения не имеем и никогда ее не предлагали, наше предложение относительно той конференции, которую мы созываем здесь в Москве после того, как территориальные требования нам будут представлены. Конечно, территориальные требования должны быть подкреплены аргументами и всеми необходимыми материалами и этот вопрос придется изучать серьезно. Необходимо получить постановление местных советов по этим вопросам, поскольку спорные территории не находятся еще во власти белогвардейцев, что касается уменьшения Белоруссии на $\frac{3}{4}$, то я сам вполне поддерживаю необходимость борьбы как против сепаратизма новой республики, так и против обласничества, но в данном случае пошли несколько поспешно и слишком далеко. Я думаю, что нужно найти какой-нибудь территориальный компромисс, т. е. отнять не все $\frac{3}{4}$.

Наши же части в Литве и Белоруссии во многих случаях не только держались прекрасно, но играли агитационную роль. В Вильно наша Красная Армия пользуется большой популярностью среди широких масс, чем само литовское правительство, которое литовских рабочих и беднейших крестьян не особенно интересует. Наши части появляются в каком-либо новом месте, сейчас же устраивали митинги, отдельными красноармейцами произносятся речи и результат был в агитационном отношении самый блестящий. Противодействовать этому вряд ли целесообразно. Польские же части до сих пор себя показывают с очень не важной стороны.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55002. Л. 4. Подлинник

№ 3

ПИСЬМО А. А. ИОФФЕ К Г. В. ЧИЧЕРИНУ

30 января 1919 г.

Я не был большим сторонником этого решения (отделения Витебской и Могилевской губернии) и как Вам, известно, на заседании ЦК выступал даже против, но здесь, я убедился в том, что обе части нынешнего белорусского правительства по разным причинам, но в одинаковой мере опасно настроены, ни в коем случае им нельзя давать повода почувствовать себя настоящим правительством настоящей республики. Чем больше будут размеры территории, тем больше также станут размеры их собственного величия в их собственных глазах. Поэтому хотя принципиально Вы совершенно правы, но на практике приходится особенно стараться избегать тех опасностей, которые создадутся при проведении в жизнь этой быть может все же весьма удачной политики создания буферных государств. Если удастся устроить унию, белорусский и литовский национализм будут в значительной степени друг друга нейтрализовать и потому считаю, это наиболее счастливое

решение вопроса. Литовцы в восторге от этого плана и пока оставляют этот вопрос открытым. Что касается их претензий на Гродненскую губернию, то их претензии вообще достаточно велики. С этой точки зрения уния точно также была бы очень полезна.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55001. Л. 13. Подлинник

№ 4

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ЦК РКП(Б). ВОПРОС О БЕЛАРУСИ

- 1) Для обще политического руководства командируется в Белоруссию А. А. Иоффе.
- 2) Поручить ему провести через местные советы, а затем через съезд советов Белоруссии выделение из Белорусской Республики губерний Витебской, Смоленской и Могилевской, оставляя в составе Белоруссии две губернии Минскую и Гродненскую.
- 3) На съезде Советов Белоруссии 2 февраля провести предложение о начале переговоров об объединении с Советской Российской Республикой, для чего на съезде избрать комиссию. Съезд же должен взять на себя инициативу о начале таких же переговоров с Советской Российской Республикой о соединении с недавно образованными советскими республиками (Латвией, Эстонией, Литвой и т. д.) с таковым предложением съезд должен обратиться к указанным Республикам.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55003. Л. 3. Подлинник

№ 5

ПИСЬМО Г.В. ЧИЧЕРИНА К А. А. ИОФФЕ О Д. Ю. ГОПНЕРЕ.

1 февраля 1919 г.

По существу он может принести Вам громадную пользу, так как Ваше положение заставляет Вас оставаться несколько в тени, он же, наоборот, может посвятить себя всем видам агитации и может сноситься с элементами белорусского общества, с которыми для Вас контакт нецелесообразен, как Вы помните его полномочия включают в себя контакт с белорусским правительством в целях информирования и связи с нами, при чем официальные сообщения к нам идут непременно через его посредство.

Вы окружены областниками или явными или тайными самостийниками, и он, как приверженец тесной связи с мировым революционным центром Российской советским правительством будет опорой в Вашей акции. Он особенно близко и хорошо знает Литву. Свердлов сказал, что инструкции

ему будут даны Вами. Я в качестве инструкции указал только на способствование соединения Белоруссии и Литвы. Всякие детальные руководящие указания т. Гопнер должен получить от Вас.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55002. Л. 8. Подлинник

№ 6

ПИСЬМО Г. В. ЧИЧЕРИНА К А. А. ИОФФЕ

15 февраля 1919 г.

Уже почти неделю не удается добиться ни от Вас, ни от Пестковского ответа относительно маршрута Венцковского и гарантии его безопасности. Получается международный скандал. Нельзя оставлять Падеревского так долго без сообщения маршрута для его делегата. Не интриги ли это польских коммунистов? Эти узкие люди с приходскими интересами, они готовы втянуть нас в войну с Польшей.

Решено было принять Венцковского, чтобы не создавать себе еще нового фронта. Уншлихт требовал, чтобы мы приняли Венцковского только в случае принятия поляками ряда предварительных условий. И теперь польские коммунисты нами недовольны. Его план неприемлем для нас, мы ищем передышки с польской стороной. Владимир Ильич говорит, если польские коммунисты не будут пропускать Венцковского, мы пошлем отряд, чтобы открыть ему путь к нам.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55002. Л. 18. Подлинник

№ 7

ПИСЬМО Г.В. ЧИЧЕРИНА К А.А. ИОФФЕ

13 марта 1919 г.

Под величайшим секретом сообщаю Вам, что приехало доверенное лицо Вильсона с согласия Ллойд-Джорджа, но без ведома Франции, чтобы с нами установить то предложение, которое Вильсон сделает комитету десяти. Ультимативно требуют, чтобы были приостановлены военные действия, но он согласен, чтобы конференция продолжилась определенно короткое время. Вместо Принцевых согласен на Аландские острова. Они хотят, чтобы все *de facto* правительства продолжали владеть тем, где они фактически владеют в момент перемирия. Пока само население не сменит их голосованием или восстанием. Мы хотим, чтобы было специально установлено на конференции, чем каждое правительство в такой форме будет продолжать владеть. Они уведут войска, при условии уменьшения нашей армии, мы это отвергаем – идут переговоры, чем это заменить.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55002. Л. 28. Подлинник

№ 8

ПИСЬМО Г. В. ЧИЧЕРИНА К А. А. ИОФФЕ

21 декабря 1919 г.

По совещанию с Мархлевским, мы решили обратиться к Польше с формальным мирным предложением. До сих пор мы этого не делали, потому что опасались этим повредить переговорам Мархлевского, а раз эти переговоры прерваны и значительно уменьшились шансы на соглашение прежним путем, лучше нам выступить с публичным шагом, который может дать лишнее оружие рабочим организациям и левым элементам и может затруднить действия сторонников активной политики против нас и соглашения с Деникиным. Лионские радио сообщают будто бы Деникин подписал соглашение с Польшей, представленной Карницким. О занятии поляками Волыни и западной части Минской губернии. Конечно, возможно, что эти известия распространяются, чтобы бросать пыль в глаза Антанте. По только что полученному радио, польская печать стала бить тревогу по поводу якобы ожидаемого нашего наступления весной на Польшу, и она старается изобразить Юрьевские переговоры, как попытку получить передышку для приготовления нового удара. Все это тенденциозное вранье, заставляющее подозревать, не готовит ли Антанта именно с той стороны что-либо против нас. Мы все время желали соглашения с Польшей, только раньше мы надеялись достигнуть этого при помощи Мархлевского. Если Вы будете в контакте с каким-нибудь польским представителем, указывайте на нашу готовность к соглашению с Польшей.

АВП РФ. Ф. 151. Оп. 3. Папка 5. Д. 37. Л. 34. Подлинник.

№ 9

ПИСЬМО А.А. ИОФФЕ К Г. В. ЧИЧЕРИНУ

26 декабря 1919 г.

Правительство Скульского по своему составу чисто эндекское. Падеревский должен был уйти, потому что Англия не дала Польше Восточную Галицию, создав из нее особую областную автономию с сеймом, подчиненную Польше на 25 лет. Скульский есть дублером Падеревского и его министерство однородно партийное. Фраки стали подвергаться почти таким же репрессиям как и коммунисты. Торжественная реакция есть носительница линии соглашения с Деникиным. Мархлевский вернулся, переговоры с ним прерваны, якобы временно, впредь до доведения до конца обмена заложников и гражданскими пленными. В то же время мы имеем сведения об усилении нажима Антанты на Финляндию.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 52412. Л. 32. Подлинник.

ТЕЛЕГРАММА В. С. МИЦКЕВИЧА-КАПСУКАСА Г. В. ЧИЧЕРИНУ

7 августа 1920 г.

В сегодняшней печати сообщается о протесте так называемого белорусского правительства Ластовского против нашего договора с Литвой и отдачи последней якобы белорусских земель и лесов. Так называемый заместитель белорусского консула в Латвии Казачий ставит следующие вопросы: 1) о судьбе белорусской делегации в Москве: Маркевича, Захарко, 2) о положении белорусского вопроса в связи с изгнанием поляков, 3) о составе белорусско-литовского правительства, причем они таковое признают, но считают нужным, чтобы туда входили один поляк, один еврей, а все остальные белорусы. Очевидно во имя обеспечения себя вашими портфелями, 4) о государственном языке в Белоруссии, каковым они признают белорусский, 5) издан ли теперь акт о признании независимой Советской Белоруссии, 6) возможно ли было бы начатые в Москве переговоры перенести в Ригу, 7) заявление о нежелательности иметь сношения со своей московской делегацией.

АВП РФ. Ф. 151. Оп. 3. Папка 5. Д. 37. Л. 3. Подлинник.

Глава 3

Белорусский вопрос в политике стран Антанты и США в 1918–1921 гг

3.1. Белорусский вопрос на Парижской мирной конференции: январь–декабрь 1919 г

Парижская мирная конференция подвела черту под событиями Первой мировой войны, выработала мирные договоры с Германией, Австрией, Венгрией, Болгарией и Турцией, принципиально решила вопрос создания Лиги наций и Международной организации труда. В основу программы послевоенного территориально-политического устройства были заложены принципы, которые содержались в текстах «Четырнадцати пунктов» и «Четырех пунктов мирных условий» президента США В. Вильсона, озвученных перед конгрессом в Вашингтоне в январе и феврале 1918 г. [111, с. 114–115].

Американская интерпретация послевоенного устройства мира основывалась на идее установления долговременного мира через создание соответствующего «инструмента», механизма решения спорных вопросов – Лиги наций. Этот орган должен был стать «гарантом политической независимости и территориальной целостности как

великих, так и малых государств» [148, с. 239]. Вопрос самоопределения наций предусматривалось решать путем «удовлетворения всех хорошо обоснованных национальных желаний», но при условии, что это «не нарушит мир Европы, не создаст новых антагонизмов» [289, с. 127–128]. В ситуации с белорусским вопросом проведение самоопределения наталкивалось на множество преград, которые были итогом существующих претензий на белорусские земли со стороны Польши, Литвы и российских политических кругов.

В «Четырнадцати пунктах» В. Вильсона белорусский вопрос присутствовал косвенно, вытекал из содержания шестого и тринадцатого пунктов [54, с. 25, 32]. Пункт шестой был посвящен вопросам бывшей Российской империи. Предусматривалось освобождение этих земель от немецких войск и принятие мер по устройству этих территорий [438, с. 27–28]. Более детальная конкретизация этого и других пунктов дана в комментариях секретаря американской делегации Э. Хауза [265, с. 272].

Планировалось, что произойдет «признание де-факто прав малых государств, которые откололись от Российской империи, при условии созыва ими национальных собраний и создания правительства де-юре» [265, с. 345]. Но при этом автор комментариев среди наций, которые имеют права на создание самостоятельной территориальной единицы, «кроме поляков, называет финнов, литовцев, латышей, а возможно и украинцев» [265, с. 151] и обходит своим вниманием белорусов. На территории Беларуси не планировалось создавать самостоятельную (независимую) государственную единицу, белорусские земли должны были войти в состав будущего Российского государства в качестве автономной части.

Согласно тринадцатому пункту предусматривалось создание самостоятельного Польского государства с бесспорно польским населением, с предоставлением ему права выхода к морю, но пути достижения этой идеи не оговаривались [243, с. 27–28]. Э. Хауз в комментариях обращает внимание на возможность «возникновения конфликтов между латышами и немцами в Курляндии, поляками и литовцами на северо-востоке, между поляками и белорусами на востоке, между поляками и украинцами на юго-востоке (и в Восточной Галиции)» [265, с. 362–363]. Решение этих проблем должно было осуществить «путем проведения плебисцита среди основной национальности», после окончания Парижской мирной конференции [265, с. 367]. Территория бывшей Российской империи по утверждению Э. Хауза, после вывода немецких войск из этих земель, будет представлять собой «чистый лист бумаги, на котором можно будет определять политику для всех народов бывшей империи» [265, с. 369].

Английская интерпретация послевоенного устройства мира радикально не расходилась с представленными принципами США. Д. Ллойд Джордж высказался за «поддержку мероприятий великих государств по решению судьбы молодых государств» и оказание им поддержки для обороны от

иноzemного вмешательства, но при условии их «самостоятельного существования» [120, с. 304]. В меморандуме Ф. Керра в отношении положения «русских» земель от 17 февраля 1919 г. оговаривается возможность оказания помощи малым или новым государствам в их сопротивлении большевистской угрозе, чтобы таким образом создать «антибольшевистский барьер» [289, с. 162; 214, с. 322–326]. Но среди государств барьера упоминаются только Эстония, Латвия, Литва, Польша, Румыния, тем самым обходится белорусский вопрос, вариант самостоятельного существования которого не рассматривался. Не была поддержана идея руководителей ВНР о создании Балтийско-Черноморского оборонительного союза как своеобразной формы так называемого «антибольшевистского барьера», в состав которого планировалось включить Чехию, Словакию, Беларусь, Литву, Латвию, Эстонию, Украину, возможно Югославию [147, с. 54–81; 204, л. 48]^[3]. В рапорте Т. Филипповича в апреле 1919 г. сообщалось отношение Великобритании к белорусскому вопросу. Первоочередное право на территорию Беларуси передавалось правительству нововозрожденного демократического Российского государства, тем самым, отвергая польские претензии на эти земли, выступая против федералистической государственно творческой концепции [316, с. 93]. Вопрос белорусской государственности, согласно мнению Д. Ллойд Джорджа, находился в эмбриональном, зачаточном состоянии, которое на данном этапе будет невозможно решить [172, с. 278; 214, с. 178].

Принято считать, что Франция являлась единственным политическим и военным союзником Польши в ее борьбе с Советской Россией [329, с. 8–17]. Эта страна, учитывая ее непосредственную заинтересованность против распространения идей большевизма на европейском континенте, укрепления Германии и одновременно заключения экономического и оборонительного советско-немецкого союза, направляла значительные материальные ресурсы, оказывала Польше военно-техническую помощь. Именно на территории Франции начала формироваться польская армия, тут нашел себе убежище Польский национальный комитет. 25 апреля 1919 г. была направлена Французская военная миссия в Польшу. Однако вместе с тем, Франция как одна из стран-участниц «сердечного согласия» не могла строить свою внешнеполитическую линию вразрез решениям Парижской мирной конференции, а тем более не учитывать позиции руководства Великобритании и США по польско-советскому конфликту. Именно поэтому премьер-министр Франции Ж. Клемансо, предлагая в декабре 1919 г. проект создания «санитарного кордона» или «колючей проволоки», одновременно согласовывал его с английским желанием уменьшить расходы на интервенцию в Советскую Россию, стремлением США сохранить целостность бывшей Российской империи (за исключением Польши и Финляндии). Кроме этого, французская внешнеполитическая линия вынуждена была учитывать наличие так называемой «тайной дипломатии», которую активно использовала Великобритания в ее взаимоотношениях с советской стороной. Именно

поэтому Франция по вопросу территориального разграничения на востоке Центральной Европы вынуждена была идти на компромисс, получив уступки со стороны Великобритании и США по другим вопросам. Непосредственно во время подготовки Версальского трактата, министр иностранных дел Франции С. Пишон настаивал на принятии пункта о передаче в подчинение Польше земель, занятых немецкими войсками. Но позиция Великобритании, представленная министром иностранных дел А. Бальфуром, согласно которой Франция не должна чрезмерно возвыситься за счет ослабления Германии, не позволила осуществить намерение о передаче литовских, белорусских, украинских земель Польше [289, с. 182–183].

Франция при одновременной поддержке Польши в ее борьбе с Советской Россией, не оставляла идеи реставрации бывшей Российской империи. Именно поэтому активно настаивала на налаживании связей между Ю. Пилсудским и правительством А. В. Колчака, а позже и А. И. Деникина, П. Н. Врангеля. После Лондонской конференции 11–13 декабря 1919 г., где Ж. Клемансо была озвучена концепция «колючей проволоки», Франция настаивала на создании консолидированного антисоветского барьера, который бы включал Финляндию, Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Украину, Грузию, Армению, возможно Беларусь. Все это привело бы к ослаблению Советской России, заставило бы ее заключить со странами Антанты мирный договор.

Отношение французской стороны к «молодым народам» коренным образом не расходилось с позициями США и Великобритании, основывалось на «принципах справедливости и свободы» [332, р. 71–80], но среди стран, независимость которых целесообразно было бы признать, упоминались только Польша и Богемия (Чехия) [332, р. 80]. Вопрос самоопределения белорусских земель не поднимался. Согласно утверждению А. Тардье, члена французской делегации на мирной конференции, решение «русского» вопроса должно было начаться в последнюю очередь, чтобы предоставить возможность различным национальностям организоваться, по меньшей мере хоть частично, высказать свои пожелания и при более благоприятных условиях перейти к необходимым соглашениям между различными группировками. Но расчеты французского представителя не оправдались, «русский» вопрос был поднят еще до непосредственного открытия Парижской мирной конференции. Так, 12 января 1919 г. на заседании Высшего военного совета был поставлен вопрос об участии на мирной конференции представителей от бывшей Российской империи. Наиболее острые дискуссии по вопросу о представительстве начались 21 января, на заседании Совета десяти, которое было посвящено рассмотрению этой проблематики. Дискуссию начал президент США В. Вильсон, который предвидел протесты французской стороны, поэтому предложил пригласить представителей от Российской империи не в Париж, а, например, в Салоники, которые после были заменены на Принцевы острова [289, с. 118]. В обращении Совета десяти 22 января 1919 г.

помещалось приглашение «всем организованным группам, осуществляющим или пробующим осуществлять политическую власть и военный контроль где-нибудь в Сибири или в границах Европейской России» принять участие во встрече с представителями стран Антанты и США «при условии остановки военных действий как на территории России, так и за её пределами» [289, с. 88]. На обращение дали положительный ответ представители РСФСР и УССР. Срочно к решению дела приступили и представители ЛитБел ССР. На заседании ЦИК ЛитБел ССР 26 февраля 1919 г. была принята декларация, врученная правительству «срочно установить связь с Антантою по вопросу мирных переговоров на Принцевых островах и принять самые решительные меры по обороне Советской Республики Литвы и Беларуси» [70, с. 2]. Уже 1 марта 1919 г. была направлена специальная нота к странам Антанты с высказыванием своей готовности начать мирные переговоры «во имя приостановки братского кровопролития, во имя установления мира в нашей измученной стране» [78, с. 85–87].

Представители Рады Народных Министров БНР оставили обращение Совета десяти без ответа, возможно, проявились слабая информированность о состоянии дел на Парижской мирной конференции. Единственным направленным обращением периода января-марта 1919 г. к Парижской мирной конференции от правительства БНР являлся «Мемориал Белорусского правительства председателю мирной конференции в Париже» от 22 января 1919 г., в котором содержалась просьба о допуске белорусской делегации для участия в конференции [2, с. 321–327]. Вопрос с организацией встречи на Принцевых островах остался нерешенным, так как представители Российского политического совещания не приняли предложение Совета десяти, «не желая садиться за один стол переговоров с большевиками» [242, с. 245].

Постановка «русского» вопроса и принятие решений на Парижской мирной конференции происходило при отсутствии юридически утвержденной делегации. Российский политический комитет не мог рассматриваться в качестве последней по причине его односторонней идеологической направленности, наличия Гражданской войны на территории бывшей Российской империи, присутствия на конференции делегаций от государственных образований «лимитрофов» (Литва, Латвия, Эстония, Украина, Беларусь). Отсутствие русской делегации, а также общие антибольшевистские настроения среди основных ее участников приводили к тому, что большинство решений по судьбе территории бывшей Российской империи носили половинчатый, временный характер. К числу таких принадлежал и вопрос определения восточной границы Польши.

Непосредственным образом позиции стран Антанты и США по белорусскому вопросу проявились во время решения судьбы восточной границы Польши. Одним из возможных вариантов решения этого

вопроса стала программа Польского национального комитета (Р. Дмовский, И. Падеревский, С. Козицкий и др.), который 3 марта 1919 г. представил Совету десяти позицию польской делегации [377, с. 12–16; 432, с. 367]. Ее выработка происходила путем горячих дискуссий членов Польского национального комитета (2 марта 1919 г.), что привело к принятию решения (десять голосов против трех) об отклонении федералистической концепции и принятии позиции Р. Дмовского [344, с. 139–172]. В ее основе лежали идеи создания сильной Польши, о полном слиянии национальных территорий с Польским государством, о присоединении к этнической Польше в первую очередь непольских районов на востоке, где население исповедовало католицизм. Вторым вариантом решения дела восточной границы Польши стала позиция Российской политической делегации, которая формировалась на основе так называемого «Положения по вопросу о Польше», разработанного в декабре 1918 г. – январе 1919 г. «Положение» рекомендовало при определении границ Польши с Российским государством иметь ввиду «как стратегические, так и экономические, этнографические условия» [179, с. 32]. При этом, при проведении разграничения необходимо было придерживаться следующих принципов: сохранение территориальной целостности, без каких-либо издержек в пользу Польши этнически чужих полякам Литвы и Беларуси, Холмщины; присоединение к России территорий Галицкой (Восточная Галиция) и Угорской Руси [179, с. 34]. Мемориал Польского национального комитета от 4 марта 1919 г. оспаривал права определенных национальных единиц (украинцев и белорусов) на овладение той или иной территорией. Ссылаясь на опыт совместного существования польского, украинского, белорусского народов в рамках Великого княжества Литовского, доказывался тезис, что языковая категория примет принадлежности местного населения не может быть достаточным основанием к присоединению земель к конкретному государственно-политическому образованию [299; 305].

Отдельно выделялась литовская государственно-политическая программа. Она предусматривала создание «Великой Литвы», которая включала территорию Виленщины и Гродненщины (историческая Литва) и непосредственно Литва (этнографическая Литва). В марте 1919 г. на отдельном совещании Высшего Совета Лиги наций был рассмотрен так называемый «русский» вопрос, во время которого были озвучены литовские территориальные требования на земли не только этнографической Литвы, но и также и на земли «исторической Литвы». Литовская сторона объясняла свои претензии договором с Виленской белорусской радой 27 ноября 1918 г. и фактически признавала частью Литовского государства Гродненский, Сокольский, Белостокский, Бельский, Волковысский, Беловежский, Слонимский уезды Гродненской губернии, Лидский уезд Виленской губернии [2, с. 319–320]. Члены литовской мирной делегации в качестве аргумента приводили факт формирования под эгидой министерства обороны Литвы I и II белорусских пехотных частей (командующий К. А. Кондратович) в Ковно

– Гродно. [46, л. 2а-8, 18–20, 23–25]. В итоге претензии Литовского государства были аннулированы по причине принадлежности белорусских земель (территория Виленской и Гродненской губернии) к будущему обновленному Российскому государству [50].

В это же время в рамках Комиссии по польским делам под председательством Ж. Камбона, как постоянного органа при Совете десяти Парижской мирной конференции было принято решение о передаче Польше права административного управления «теми белорусскими землями, которые не должны войти в состав России» [217, с. 76]. Вопрос определения восточных границ Польши должен был основываться на принципе вхождения в состав Польского государства только тех территорий, «которые сохранили польский характер по-своему этническому составу, или имеют симпатии к Польше» [217, с. 77]. В спорных случаях предусматривалось проведение опроса местного населения с целью «определения его этнического, языкового и религиозного состава, а также пожеланий народа» [41, с. 308–309]. Учитывая выше отмеченные принципы, Польский национальный комитет советовал для расширения восточных границ «укрепить своё культурное влияние на востоке Европы, таким образом доказать, что территории, на которые она претендует, имеют выразительно польский характер» [41, с. 309; 405, с. 67]. 9 марта 1919 г. Русская политическая делегация обратилась к Комиссии по польским делам с мемориалом, в котором «решение вопросов, связанных с судьбой территорий бывшей Российской империи в границах 1914 г., за исключением Польши, должно происходить с согласия русского народа» [340, с. 256]. Итоги работы Комиссии по польским делам под председательством Ж. Камбона как постоянного органа при Совете десяти Парижской мирной конференции, в отношении установления восточной границы Польши, были представлены на заседании 12 апреля 1919 г. [377, с. 120–121]. В части, которая касалась Беларуси, граница должна была пройти по пунктам Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск. Предложенные границы в основном совпадали с этнографическим расселением польского населения, и были закреплены решением от 8 декабря 1919 г.

Белорусский вопрос на Парижской мирной конференции присутствовал косвенно, фигурировал в качестве одного из составляющих элементов «польского» или «русского» вопросов. Тезисы представителей стран Антанты и США о самоопределении наций, о справедливом определении их границ, территориальной целостности, к сожалению, не были распространены в отношении белорусского вопроса, по причине существующих претензий на белорусские земли российской и польской сторон. Даже присутствие белорусской делегации на Парижской мирной конференции, ее многочисленные усилия (от информационных средств, предложения идеи создания Балтийско-Черноморской федерации для организации борьбы с Советской Россией, до шагов по организации военных единиц) не смогли заставить руководства стран Антанты и США рассматривать белорусский вопрос в качестве самостоятельного.

3.2. Отношение стран Антанты и США к польско-советскому конфликту: январь 1920 г. – март 1921 г

Позиция стран Антанты и США к советско-польским переговорам и белорусскому вопросу вытекала из решений Парижской мирной конференции и была тесным образом связана с существующим положением на фронтах Гражданской войны. Укрепление советской власти на территории бывшей Российской империи ставило европейские страны перед необходимостью установления дипломатических отношений с РСФСР, требовало внесения изменений в политическую линию по «русскому вопросу». В итоге это привело к снятию экономической блокады 16 января 1920 г. и стало толчком к налаживанию торговых советско-английских взаимоотношений. Создание национальных государственных образований на территории бывшей Российской империи не предусматривалось, белорусский вопрос был переведен в разряд «внутреннего». Поэтому территориальные претензии Польши, выходящие за границы линии 8 декабря 1919 г., признавались необоснованно завышенными. Федералистическая концепция считалась рискованной и малореалистичной идеей. Ее осуществление, по мнению стран Антанты и США, было бы сложным делом при низких государственно образующих импульсах белорусского и украинского народов.

Позиция Франции по польско-советскому конфликту 1919–1920 гг. изменилась после смены в руководстве. Новое правительство и премьер-министр А. Мильеран негативно отнеслись к будущим наступательным планам Ю. Пилсудского, называя их «авантюрой». Польша не рассматривалась в качестве центра сопротивления против большевизма. А. Мильеран вынужден был согласовывать свою политическую линию с руководством Великобритании, считал оказание помощи Польше в ее наступательных акциях недопустимым делом. Она может рассчитывать на какую-нибудь материальную и военную помочь только в случае непосредственного нападения на нее Советской России. Любая поддержка Польского государства со стороны Франции могла происходить только после предварительного согласования с английским партнером. Именно эта политическая линия нашла свое отражение во время работы Лондонской международной конференции 19–24 февраля 1920 г., где А. Мильеран настаивал на начале мирных переговоров между Польшей и Советской Россией, однако без официального и юридического признания Советской России в качестве субъекта международного права. 10 марта 1920 г. была подготовленаnota Высшего совета стран Антанты. В ее подготовке принял участие французский премьер-министр. Польскому правительству в очередной

раз напоминалось, что проведение любых плебисцитов на территории бывшей Российской империи без участия экспертов от Лиги наций и стран Антанты является незаконным делом. Согласно 87-й статье Версальского мирного договора, определение окончательных границ Польши должно происходить также при участии международного арбитража.

13-14 марта 1920 г. прошла встреча французского премьер-министра А. Мильерана и министра иностранных дел Франции М. Палеолога с полномочным представителем Польши М. Замойским. Были осуждены предварительные мирные условия Польши, выставленные ею на борисовском этапе (декабрь 1919 г. – июнь 1920 г.). Французское правительство высказывалось категорически против планов Польши по реализации линии 1772 г. и стремления к проведению плебисцитов на спорных территориях. Согласно мнению Министерства иностранных дел Франции (Quai d'Orsay), в случае принятия этих условий советской стороной, был бы установлен мир, который носил бы временный характер, через определенное время Польша вынуждена была бы снова столкнуться с военной угрозой. Важным моментом этой встречи стал тот факт, что польско-советские взаимоотношения утратили общеевропейский характер, перешли в разряд обычных двусторонних отношений. В итоге, польская сторона перестала рассматриваться французским руководством в качестве главного центра борьбы с большевизмом, а это значит, Польша сейчас вряд ли могла рассчитывать на получение какой-нибудь материальной или военной помощи.

Уже во время Лондонской конференции, которая проходила в декабре 1919 г., отмечены коренные изменения в политике стран Антанты и США по польско-советскому конфликту и переговорному процессу. Именно в рамках этого межсоюзнического совещания, в котором принимали участие руководители правительств Франции и Великобритании Ж. Клемансо и Д. Ллойд Джордж, министр иностранных дел Италии В. Шалойя и посол США в Великобритании Дж. У. Девисе, был рассмотрен вопрос целесообразности дальнейшего использования военных средств борьбы против Советской России. Безрезультатность сопротивления «белых» войск против Красной Армии подтолкнула к внесению изменений в тактику и политическую линию. Сущность новой политики сводилось к окружению Советской России своеобразным «санитарным кордоном» в составе Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Польши, Чехословакии и Румынии для того, чтобы помешать политическим и военным контактам между РСФСР и Германией [344, с. 437–440]. В связи с этим также был рассмотрен и вопрос оказания военной и дипломатической помощи Польше в ее противостоянии с Советской Россией. Позиция стран Антанты в начале 1920 г. по польско-советскому конфликту сводилось к невмешательству в отмеченную проблему, выход из ситуации виделся в начале советско-польских переговоров. Фактически, это была точка зрения Д. Ллойд Джорджа, который

настаивал на «оказании военной и материальной помощи странам, соседствующих с Советской Россией, только в том случае, если они будут атакованы в рамках своих «законных границ» [344, с. 614–616]. Французская же сторона вынуждена была согласиться на позицию руководства Великобритании [344, с. 562–563]. Исходя из этой политической линии, были даны советы Д. Ллойд Джорджа министру иностранных дел Польши С. Патеку в январе 1920 г. Английский премьер-министр предостерегал польскую сторону от начала новой военной кампании [344, с. 630–631]. Французское руководство, представленное премьер-министром А. Мильераном, также советовало польскому послу во Франции М. Замойскому придерживаться дипломатических средств и начать мирные переговоры, которые являются единственным выходом из сложной польской ситуации.

Вопрос выработки единой линии поведения стран Антанты к Советской России и польско-советскому конфликту уже с апреля 1920 г. (конференция в Сан-Ремо) волновал международное сообщество [109, с. 458]. Усилия английского руководства по началу торговых переговоров с советскими представителями (Л. Б. Красин, В. П. Ногин, М. М. Литвинов), да и факт снятия экономической блокады в январе 1920 г., отчетливо демонстрировали изменение политической линии в сторону почти полного признания советского режима на территории России [100, с. 78]. Однако отношение французской стороны к этому вопросу не было настолько созвучным с Лондоном. Французское руководство могло согласиться на предоставление советской стороне только экономических льгот, вступление в какие-либо политические отношения считалось вредным. При этом, активно поддерживало любые антибольшевистские начинания (в том числе и предложение министра иностранных дел БНР Е. М. Ладнова о создании на территории Франции белорусских военных единиц с дальнейшим их использованием на польско-советском фронте [170, л. 1–4]). Так, во время официального совещания Высшего совета Антанты в Булони (21–22 июня 1920 г.) снова отчетливо проявились выше отмеченные расхождения между Д. Ллойд Джорджем (английский премьер-министр) и А. Мильераном (французский премьер-министр). В итоге французский представитель был вынужден согласиться на начало торговых переговоров с Советской Россией, хотя как известно, английские деловые круги уже активно проводили отмеченные переговоры, не ожидая согласия Франции.

Совещание в Булони в июне 1920 г. стало подготовительным этапом конференции в Спа. Именно в это время проходил ряд встреч представителей Министерства иностранных дел Польши (Г. Кераб-Келовский) с А. Мильераном, Д. Ллойд Джорджем и главнокомандующим Верховного совета Антанты (Ф. Фош). Основной целью этих контактов стал сбор необходимой информации на случай ведения сепаратных советско-польских переговоров (без участия стран Антанты), происходил зондаж почвы на предмет оказания военной помощи. Согласно отчету Г. Кераб-Келовского от 28 июля 1920 г., как А. Мильеран, так и Д. Ллойд

Джордж не рассматривали возможности оказания военной помощи Польше до момента перехода войск Красной Армии польских этнографических границ. Единственным выходом из ситуации признавалась вероятность оказания дипломатической помощи в виде посредничества одной из стран Антанты [315, с. 7-16]. Но она могла быть реализована только в случае официального обращения Польши в рамках будущей международной конференции.

В эти же июльские дни, когда проходила конференция в Спа, на белорусских землях активным образом реализовывалась наступательная операция войск Западного фронта, которая в историографии более известна под названием «июльская операция» [139, с. 369]. 5 июля 1920 г. войсками Красной Армии был занят регион Полоцк – Молодечно, после

Игумен – Минск; 10 июля занят Бобруйск, 11 июля – Минск и Молодечно. Значительное превосходство военных сил советской стороны на Северо-Западном и Юго-Западном фронте, не могло не волновать польское руководство, которое было не в состоянии оказать сопротивление. Созыв Совета обороны государства (СОГ) 1 июля 1920 г. должен был служить повышению обороноспособности страны, не исключая и дипломатические шаги.

Решение польского руководства о направлении просьбы к странам Антанты выступить в качестве посредника в процессе мирного урегулирования с советской стороной не было однозначным, рассматривались различные варианты выхода из ситуации. В начале июля 1920 г. в Бельгию был направлен вице-министр иностранных дел С. Патек, который должен был собрать необходимую информацию о мнениях ведущих европейских стран по вопросу оказания дипломатического посредничества при заключении мира с РСФСР. 5 июля 1920 г. на втором заседании СОГ обсуждались различные альтернативы решения злободневных вопросов, связанных с наступлением войск Красной Армии и мирным урегулированием. Тогдашний министр иностранных дел, бывший посол Польши в Англии Я. Сапего предлагал три возможные варианты улучшения ситуации: 1) непосредственное обращение польского правительства к странам Антанты с просьбой оказать моральную и материальную помощь в борьбе с большевизмом; 2) занять позицию ожидания до того момента, пока Лига наций сама, по своей инициативе, не обратиться к Советской России и не выставить ей обвинения в агрессивных устремлениях; 3) непосредственное обращение к Советской России с мирными предложениями. Однако, как сам Я. Сапего позже отмечал, и его точка зрения была поддержана большинством участников заседания, первый вариант заставлял Польшу проводить переговоры при активном участии стран Антанты, принять протекторат и конкретно определенные условия перемирия (в том числе и линию Керзона); третий вариант был наиболее благоприятен для польской стороны, так как давал возможность

непосредственного обращения к Советской России и без расценивания Польши как побежденной страны. Ю. Пилсудский на заседании СОГ не рассматривал в качестве оптимального средства решения ситуации обращение за посредничеством к странам Антанты. Он настаивал на варианте, предложенным Я. Сапего, или как альтернативу – продолжение военных действий при активном сотрудничестве с войсками П. Н. Врангеля, Б. В. Савинкова, С. В. Петлюры, С. Н. Булак-Балаховича [389, с. 156–165].

В ноте СОГ от 5 июля 1920 г. польская сторона была представлена как активный защитник европейского континента от «большевистской угрозы», которая в данный момент оказалась в сложном материальном и военном положении, не выставляя завышенных территориальных претензий, ограничивая свои требования исключительно этнографическим пространством, требовала заключить мир с Советской Россией при условии выполнения принципа самоопределения наций, проживающих между РСФСР и Польшей. При этом, не отмечалось: каким образом должна была происходить реализация выше отмеченного принципа самоопределения [389, с. 121].

Польская делегация приехала в Брюссель за несколько дней до начала конференции, чтобы получить согласие членов Военного совета Антанты на включение в программу заседаний конференции вопрос о помощи польскому правительству. В состав польской делегации на конференции в бельгийском городе Спа входили С. Патек (руководитель делегации), Э. Пильтц, К. Ольшевский, К. Моравский, примерно с 9 июля 1920 г. участвовал в работе конференции В. Грабский (премьер-министр Польши с июня по ноябрь 1920 г.). В качестве военных экспертов от Польши присутствовал генерал Розвадовский, капитаны Матковский, Сосабовский, Гроссер, подпоручик Стшемесский. Состав делегации был составлен при посредничестве комиссий по иностранным делам из числа представителей правительства Л. Скульского. Поэтому во главе делегации стал С. Патек, а не тогдашний министр иностранных дел Я. Сапего. В. Грабский, который первоначально не входил в состав польской делегации, вступив в должность премьер-министра Польского государства с 23 июня 1920 г., с 9 июля 1920 г. фактически становится руководителем польской делегации.

Проблемы взаимоотношений Советской России и Польши, вопросы спорных территорий рассматривались на заседаниях конференции 6, 9, 10 июля 1920 г., их итогом стало направление ноты 11 июля 1920 г. к народному комиссару иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерину. В ней требовалось остановить продвижение советских войск вглубь польской территории, установить линию разграничения между сторонами (линия Керзона), при невыполнении этих требований Великобритания угрожала военным вмешательством. 6 июля 1920 г. произошла встреча С. Патека с Д. Ллойд Джорджем в присутствии министра иностранных дел лорда Д. Керзона, секретаря Ф. Керра. С. Патек обратился с просьбой об оказании

военной помощи Польше, в первую очередь не для ведения активных военных действий, а как одного из условий заключения благоприятного мира [81, с. 75–76]. Великобритания отказалась от военного вмешательства в польско-советский конфликт, аргументируя это фактом заключения 23 декабря 1917 г. тайного договора между Великобританией и Францией о разделе сфер влияния в России, по которому Кавказ, Кубань и Дон были признаны английской сферой влияния, Бессарабия, Крым и Украина – французской [267, с. 28–29].

Непосредственное влияние на решение Великобритании имели переговоры экономического характера, которые велись с представителями Советской России [390, р. 167]. В самом начале переговоров между Л. Б. Красиным и Д. Ллойд Джорджем Великобритания выставила в качестве условия заключения торгового договора отказ от «активной политики Советской России в Европе, на Кавказе, по всей Азии» [342, с. 546; 345, с. 104]. В ответ советская сторона потребовала аналогичного отказа с английской стороны. Советское руководство высказывалось открыто против внешнего вмешательства в его взаимоотношения с Польшей.

9 июля 1920 г. заседание конференции было полностью посвящено польскому вопросу. В обсуждении участвовали представители Великобритании (Д. Ллойд Джордж, Д. Керзон, Ф. Керр), Франции (А. Мильеран, маршал Ф. Фош, генерал Вейган, секретарь Камерлинк). От Польши – премьер-министр В. Грабский. Он предоставил право решения вопроса «жизненных интересов Польского государства, государственных границ» странам Антанты [81, с. 138–139]. Польша, учитывая сложное внутриполитическое и внешнеполитическое положение страны, решила отказаться, по словам В. Грабского, от своей прежней политики в отношении к соседям и союзных государств. Сейчас ей требуется в первую очередь моральная поддержка стран Антанты: выступление в качестве посредника в переговорах с советской стороной [81, с. 139]. В свою очередь, Великобритания совместно с Францией выставили ряд условий, которые польская сторона должна была выполнить ради получения посредничества в деле переговоров с Советской Россией: отказаться от империалистической и аннексионистской политики, заложить этнографический принцип в основу мира с Россией. В ответ В. Грабский обещал союзникам, что Польша вернется к национальной политике и оставит романтические устремления, которые никогда не поддерживались всей нацией. В. Грабский, как представитель партии эндеков под «романтизмом» в польской политической линии рассматривал желание Бельведерского лагеря создать цепь государств, бывших составляющими частей Российской империи, с центральным польским началом. Фактическое обещание польского премьер-министра придерживаться «национальной политики» означало ограничение Польского государства в этнографических границах.

Позиция Великобритания также исходила из реалий времени. Согласие Д. Ллойд Джорджа на посредничество при заключении мира между Советской Россией и Польшей было вызвано стремлением не допустить всеобщей забастовки в стране. Орган лейбористов «Дейли Гарольд» в связи с конференцией в Спа писал 8 июля 1920 г., что когда союзные государства высажутся за войну вместо того, чтобы заключить «почётный мир с Советской Россией», на следующий же день должна была быть окончена работа по всей стране [92, с. 138].

На заседании конференции 10 июля 1920 г., при активном участии представителей Великобритании и Франции было вынесено окончательное решение по вопросу о советско-польских отношениях, которое наиболее полно представлено в ноте к Советской России от Великобритании 11 июля 1920 г. На отмеченном заседании достаточно продолжительное время шли споры между В. Грабским и представителями Великобритании и Франции. Польше предлагалось отступить на линию, определенную Верховным советом в Париже в декабре 1919 г. (линия Керзона), с тем, чтобы советские войска остались в 20 километрах на восток от этой линии. В. Грабский поднял вопрос о судьбе территорий, находящихся восточнее линии Керзона, о принадлежности Вильно и прилегающих к нему территорий. Польской стороной предлагался вариант создания нейтральной зоны в 100 километров, которая находилась бы под контролем стран Антанты [81, с. 145–146]. Великобритания считала этот вариант неприемлемым, так как это вызывало острое недовольство советской стороны и как итог – продолжение военных действий, что было бы нежелательным в сложной польской ситуации. Великобритания рассматривала территории, которые должны были войти в определенную Польшей нейтральную зону, как бесспорно русские, не признавая права на самоопределение в форме государственного образования для белорусов. В итоге многочисленных споров было вынесено решение Верховного совета стран Антанты по польско-советскому конфликту Польша должна была отступить за линию, определенную 8 декабря 1919 г. Верховным советом. Расстояние между польскими и советскими войсками должно было составлять до 50 километров [79, с. 54].

Польская сторона, рассчитывающая на получение не столько дипломатической, сколько фактической военной помощи от стран Антанты, в итоге вынуждена была принять условия перемирия с Советской Россией, которые делали все ее завоевания бессмысленными, она вынуждена была отказаться от своих претензий на белорусские и украинские земли. Данное решение, принятое на конференции в Спа, означало полный провал федералистической концепции и тем самым отображало непосредственное отношение стран Антанты (Великобритании, Франции, Италии) к планам создания сети государственных образований, находящихся в федерации с Польшей. Хотя накануне открытия конференции в Спа, 3 июля 1920 г., Я. Сапего направил телеграмму руководителю польской делегации, вице-министру

иностранных дел С. Патеку, в которой сомневался в необходимости обращения к странам Антанты за помощью в посредничестве при заключении мира с советской стороной. Он просил воздержаться от определенных действий в этом направлении и советовал непосредственно обратиться с мирными предложениями к Советской России. Но, возможно, данная просьба Я. Сапего или не дошла к С. Патеку, или руководитель польской делегации в Спа посчитал нецелесообразным придерживаться этого совета [422, с. 48].

11 июля 1920 г. Министерство иностранных дел Великобритании направило ноту на адрес НКИД РСФСР, которая известна в историографии как «нота лорда Д. Керзона». В этой ноте британское правительство предлагало заключить перемирие между Советской Россией и Польшей и остановить военные действия. В условиях перемирия планировался отход польской армии на линию, определенную в прошлом году на Парижской мирной конференции (8 декабря 1919 г.). Эта линия выглядела следующим образом: Гродно – Яловка – Немиров – Брест-Литовск – Дорогуск – Усти луг; на север от Гродно граница с литовцами шла вдоль железной дороги Гродно – Вильно и затем на Двинск. При формулировке условий перемирия необходимо было учесть тот факт, что войска Советской России должны остановиться на расстоянии 50 километров на восток от этой линии. Затем в ближайшее время в Лондоне планировалось созвать конференцию из представителей Советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии [79, с. 54–55].

16 июля 1920 г. был созван пленум ЦК РКП(б), чтобы рассмотреть важнейшие аспекты ноты от 11 июля 1920 г. [224, с. 142–143]. В итоге этот пленум вынес решение: отвергнуть посредническое предложение Великобритании в нормализации отношений между Советской Россией и Польшей. Руководители Советской России хорошо понимали, что, если принять данную ноту и начать мирные переговоры с Польшей, то это даст хороший шанс польскому руководству подготовиться к новой военной кампании, что сведет «на нет» все усилия по реализации мировой революции. Этого допустить они не могли и приняли все возможные меры для еще большей активизации своих военных сил. Недаром Л. Б. Каменев отмечал накануне, что «принятие английских предложений показало бы неизбежность новой войны с Польшей не позже весны следующего года. Гарантией против этого может быть только советизация Польши. Перемирие может быть заключено только при принципиальном согласии Польши и Антанты на скорейшую польскую демобилизацию, выдачу артиллерии» [224, с. 134]. Народный комиссар иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин, в свою очередь, высказывался за частичное принятие решений, содержащихся в ноте 11 июля 1920 г.: согласие на участие в Лондонской международной конференции как месте встречи представителей Советской России, Польши, Литвы, Латвии, Финляндии, Великобритании, а позже – постепенное перенесение мирных переговоров в Варшаву или в какой-

либо «провинциальный» российский город [224, с. 136–140]. Г. В. Чичерин, понимая, что ультимативное отклонение английского посредничества может принести вред Советской России – вызвать новую военную кампанию, иметь негативные экономические последствия (отсрочка снятия блокады и начала товарооборота), выработал соответствующую тактику действий: 1) заключение перемирия без срока давности; 2) подписание прелиминарного мирного договора; 3) выставление компромиссных условий, но при обеспечении «минимума наших интересов»; 4) выставление в качестве первоначальной линии разграничения – линию Керзона.

Продолжением решения вопросов, поднятых на конференции в Спа, стало заседание СОГ 13 июля 1920 г. На этом заседании было рассмотрено дело принятия посредничества Великобритании при нормализации отношений с РСФСР на определенных английских условиях. Основой послужил отчет премьер-министра В. Грабского, где сообщались условия перемирия между РСФСР и Польшей. Большинством голосов было решено принять предложение Великобритании, хотя условия не совсем соответствовали стратегическим планам и интересам Польши. Сложность внутреннего и внешнеполитического положения Польского государства, широкое наступление советских войск, которое Польша была не в состоянии остановить, привели руководство к принятию отмеченного решения. Во время заседания СОГ Ю. Пилсудский и представитель Польской социалистической партии Н. Барлицкий, обратили внимание на факт нарушения принципа самоопределения наций. Со стороны Антанты были признаны в качестве правомочных только Эстония, Финляндия, Латвия, косвенно Литва, при отказе в реализации данного права для других национальных единиц [389, с. 127].

По мнению руководства Великобритании, Франции, Италии белорусский вопрос не должен был подниматься напрямую и рассматриваться в рамках «русского» вопроса. Польша, принимая условия посредничества Великобритании, автоматически предоставляла Антанте право решения всех спорных вопросов между ней и соседями. Решение же стран Антанты о судьбе белорусских земель было вынесено еще 8 декабря 1919 г., когда была определена линия разграничения между РСФСР и Польшей. И если в 1919 г. эта линия носила скорее рекомендательный характер, то в июле 1920 г. она стала одним из условий заключения перемирия с перспективой стать окончательной линией разграничения между сторонами. Польша пыталась только в данных обстоятельствах добиться увеличения сферы разграничения от 20 до 50 километров, и не только от линии Гродно – Брест-Литовск – Буг, но и от железной дороги Гродно – Вильно – Динабург. Участниками будущей Лондонской конференции назывались только Польша, Литва, Финляндия, Латвия, Восточная Галиция, оставляя вне конференции представителей белорусских земель [79, с. 54–55].

Итоги международной конференции в Спа стали наиболее заметны уже на этапе барановичских и минских переговоров (июль – начало сентября 1920 г.). Медиаторство и негласное присутствие Великобритании заставляли обе стороны проводить официальные заседания мирной конференции в Минске и параллельно вести неофициальные встречи. Советская Россия и Польша все же таки в ситуации выбора между дипломатическими и военными средствами решения спорных вопросов отдавали предпочтение последней альтернативе. В рядах советского руководства большинство членов, в том числе и сам В. И. Ленин, склонялись к продолжению успешного военного наступления и вхождения войск Красной Армии на этнические польские земли, к организации революционной борьбы в Польше с надеждой распространения ее в европейском масштабе. Вероятность осуществления мирных советских инициатив, которая рассматривалась 19 июня 1920 г. в докладной записке народного комиссара иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) была минимальной [224, с. 122]. Два варианта территориального разграничения между сторонами остались на бумаге. Первый предлагал «территориальные уступки польской стороне исключительно только на белорусском участке пограничной линии, без аналогичных на территории Украины»; второй – фактически повторял очертания границы, утвержденной Верховным советом союзных государств от 8 декабря 1919 г. в качестве этнографической польской границы [224, с. 123].

Позиция США по польско-советскому конфликту отчетливо видна в ноте Государственного секретаря США Б. Колби от 10 августа 1920 г. на имя итальянского посла К. Авеццано. Государственный секретарь США в достаточно резкой форме заявлял протест против ведения непосредственных переговоров Советской России и Польши без участия международного сообщества («организация общеевропейской конференции»). Он настаивал на укреплении польских этнографических границ, закрепленных Высшим советом стран Антанты 8 декабря 1919 г., это значит, против какого-нибудь раздела территории бывшей Российской империи [75; 330, с. 256; 42, с. 96–97]. В аналогичном тоне написана нота Б. Колби к поверенному в делах Польши Д. Уайту 21 августа 1920 г. Советско-польские переговоры рассматривались как средство «завершения сегодняшнего кровопролития»; осуществление наступательных акций польской стороной признавалось небезопасным, что угрожало территориальной целостности Российского государства (несоветского) [42, с. 108–109].

Во время конференции в Спа английское и французское руководство пробовало выступить с единой политической линией по советско-польскому конфликту, которая выражалась в фактическом военном невмешательстве, к моменту перехода войск Красной Армии этнографических границ Польши. Как Франция, так и Великобритания настаивали на оказании польской стороне дипломатической помощи через посредничество. Французское руководство, которое выступало

против политического признания советского режима, желало исключительно английского медиаторства. В итоге, конференция июля 1920 г. стала не только проявлением внешнего вмешательства в процесс советско-польских переговоров, подтолкнула обе стороны к переходу переговорного процесса в официальный формат при одновременном ведении встреч в неофициальном формате, к использованию дипломатических средств решения спорных вопросов в агитационно-пропагандистских целях. Советская Россия и Польша, не желая непосредственного участия европейских представителей в переговорах, вынуждены были отказаться от проведения Лондонской международной конференции и начать процесс нормализации двусторонних отношений самостоятельно. Как польская, так и советская сторона фактически трансформировали роль Великобритании из медиатора в арбитра польско-советского спора, пробуя не только сорвать мирные инициативы, но и переложить всю тяжесть ответственности на соперника.

Однако, если на борисовском и минском этапах советско-польских переговоров (январь-август 1920 г.) страны Антанты смогли выработать единую линию поведения, то уже в начале сентября 1920 г. такого единого мнения достигнуть не удалось. Во время встречи лорда Дерби (Великобритания) и Ж. М. Палеолога (Франция) было принято решение, что по польско-советскому конфликту и переговорному процессу эти государства будут придерживаться своей самостоятельной политической линии. Франция настаивала на поддержке польской стороны при возможном возобновлении военного конфликта с Советской Россией. Великобритания – на приостановке любого военного вмешательства в дела РСФСР на время ведения советско-английских торговых переговоров.

Французский премьер-министр А. Мильеран 2 сентября 1920 г. направил две депеши французскому послу в Варшаве Г. де Панафё, в которых высказался резко против выхода польских войск за границы этнографической польской территории (линия р. Буг), настаивал на заключении военного союза Польши и Вооруженных сил юга России (П. М. Врангель). 6 сентября 1920 г. он предупреждал об угрозе заключения «поспешного мира» с советской стороной. Однако, уже 12 сентября 1920 г. генеральный секретарь Министерства иностранных дел Франции Ж. М. Палеолог указывал на рискованность французского вмешательства в возможные совместные военные действия польской стороны и П. М. Врангеля [341, р. 547–548, 564–566, 587–588]. Эти высказывания французского министра не расходились с общим содержанием встречи французского и итальянского премьер-министров А. Мильерана и Д. Джолитти, которая произошла 9 сентября 1920 г. На ней была выработана общая позиция к ведению советско-польских переговоров. Признавалось, что польская сторона может заключить «умеренный мир на основе признания принципа самоопределения наций». Но уже 1 октября 1920 г. новый премьер-министр Франции Ж. де

Лейгю настаивал на заключении мира, который не противоречит безопасности и свободному развитию Польши [341, р. 588–590]. Таким образом, французская сторона была вынуждена согласовывать свою позицию с другими европейскими руководителями, настаивала на закреплении за Польшей исключительно этнографических границ; подписание мира с Советской Россией признавалось возможным, но при условии выставления «умеренных» условий договора.

6 ноября 1920 г. на адрес Министерства иностранных дел Польши поступил отчет польского посла во Франции М. Замойского, в котором давался подробный осмотр французской политики в отношении Польши и вопроса определения ее восточных границ [315, с. 25–32].

Непосредственным толчком для составления отмеченного отчета стало направление 10 сентября 1920 г. инструкции Министерства иностранных дел Польши ко всем польским дипломатическим иностранным представительствам [345, с. 400–404]. М. Замойский, после проведения многочисленных совещаний с представителями французских правительственные кругов, информировал министерство о достаточно настороженных отношениях к советско-польским переговорам и факту заключения Прелиминарного мирного договора, советовал воздержаться от высказывания официальной позиции до более благоприятного момента.

Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. – составляющий элемент общей Версальской системы международных взаимоотношений, которая категорическим образом отрицала существование «тайной» дипломатии, однако, использовала ее на практике. Переговоры между Советской Россией и Польшей не стали исключением, в их рамках отчетливо выделяются неофициальная и официальная части. Изменения международной конъюнктуры оказывали непосредственное влияние на ход советско-польских переговоров 1918–1921 гг., заставляли Советскую Россию и Польшу переводить встречи периода 1919 г. в неофициальный формат, если общее их содержание расходилось с позицией стран Антанты и США по основным проблемным вопросам. Явная заинтересованность международного сообщества итогами решения «польского» и «русского» вопросов заставляли советское и польское руководство учитывать позицию стран Антанты и США. Как советское, так и польское правительства вынуждены были обращаться за военной, материальной или дипломатической поддержкой, включать отдельных представителей Антанты в польско-советское противостояние в виде союзника или международного арбитра, медиатора.

Документы свидетельствуют

№ 1

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРОТОКОЛА СОВЕЩАНИЯ ПРЕМЬЕР-МИНИСТРА ВЕЛИКОБРИТАНИИ Д. ЛЛОЙД ДЖОРДЖА С ПРЕМЬЕР-МИНИСТРОМ

Ж. КЛЕМАНСО И ПОСЛАМИ США И ИТАЛИИ О «РУССКОЙ ПОЛИТИКЕ»

12 декабря 1919 г.

Г-н Ллойд Джордж сказал, что он взял на себя смелость заявить в палате общин, что державы Антанты рассмотрят на своей следующей конференции вопрос о России. Он признает, что у стран Антанты должна быть единая политика. Он говорил, что у стран Антанты должна быть единая политика. Он говорил накануне с г. Клемансо по этому вопросу, и взгляды г. Клемансо настолько совпадали с его собственными, что он попросит г. Клемансо резюмировать их.

Г-н Клемансо сказал, что он с большим удовольствием продолжит с г. Ллойд Джорджем беседу, начатую накануне того самого дня, утром которого его посетил г. Черчилль, известный своими весьма решительными взглядами на русский вопрос. Г-н Клемансо считает, что договоренность может быть установлена почти по всем пунктам. Он полагает, что все согласны с тем, что в Европе не может быть мира до тех пор, пока Россия остается в теперешнем состоянии анархии, беспорядков, грабежей, преступлений и мятежа. Это представляет опасность не только для самой России, но и для всего мира. Все убеждены в справедливости этого. Интервенцию пытались осуществить любыми средствами – путем посыпки войск, боеприпасов и денег, – стремясь установить в России твердое правительство. Но до сих пор не достигнуто никакого результата. Антибольшевистские элементы оказались несостоятельными. Он не считает нужным рассматривать причины неудач, ибо это завело бы его в сферу высокой политической философии.

Documents on British Foreign Policy: 1919–1939 / R. Butler. – London, 1952. – Vol. XI: january 1920 – march 1921. – 748 s. – S. 319.

№ 2

ТЕЛЕГРАММА АНГЛИЙСКОГО ПОСЛА В ВАРШАВЕ Х. РУМБОЛЬТА МИНИСТРУ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ Д. КЕРЗОНУ О ПЕРЕГОВОРАХ МЕЖДУ РУКОВОДИТЕЛЕМ БРИТАНСКОЙ ВОЕННОЙ МИССИИ ГЕНЕРАЛОМ ДЕ ВЕРТОМ И РУКОВОДИТЕЛЕМ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА Ю. ПИЛСУДСКИМ

16 февраля 1920 г.

Вчера между генералом де Вертом и генералом Пилсудским произошла продолжительная беседа. Генерал Пилсудский сказал, что информация, полученная М. Патеком о позиции Антанты по вопросу о мирных переговорах, предложенных Польше большевиками, стала настоящим шоком для общественной мысли Польши. Однако, вообще, генерал Пилсудский считает, что даже неплохо будет, если Польша, привыкшая

до этого момента опираться на западные страны, вынуждена понять, что она должна оставаться одна.

Генерал Пилсудский дал понять генералу де Верту, что он уже разработал условия, на которых он готов начать мирные переговоры с Советским правительством. В настоящее время эти условия рассматриваются Польским правительством. Условия очень жесткие, так как генерал Пилсудский считает, что ему необходимо продемонстрировать беспочвенность любых подозрений в капитуляции перед большевиками и показать им, что он находится в более сильной позиции. Он не знает, принимает ли эти условия Советское правительство. Если нет, то он уверен, что может вести крупномасштабную войну несколько месяцев. Он также добавил, что последняя информация из России, которой он владеет, свидетельствует о том, что советскому правительству очень нужен мир.

Генерал Пилсудский, бесспорно, предлагает стабильный мир. Это не обязательно будет означать расширение территории.

Существуют все приметы того, что генерал Пилсудский поддерживает проект по созданию некоторых буферных государств между Польшей и Великой Россией, например, такие государства будут состоять из Белой Рутении и Волыни. Если Советское правительство не имеет такого плана, то это могло бы преодолеть сложности, связанные с польской оккупацией. Но это решение будет временным, и я не могу не думать о том, что такие буферные государства могут стать источниками проблем в будущем.

Documents on British Foreign Policy: 1919–1939 / R. Butler. – London, 1952. – Vol. XI: january 1920 – march 1921. – 748 s. – S. 215.

№ 3

НОТА ГОСУДАРСТВЕННОГО СЕКРЕТАРЯ США Б. КОЛБИ, НАПРАВЛЕННАЯ ИТАЛЬЯНСКОМУ ПОСЛУ К. АВЕЦЕННУ, О ПОЗИЦИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА США В ОТНОШЕНИИ К РОССИИ, ЕЕ ГРАНИЦ И ВОЗМОЖНОСТИ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ДОГОВОРОВ

10 августа 1920 г.

Ваше Высочество, приятное сообщение, которые вы дали Государственному департаменту, что итальянское правительство с удовольствием узнает точку зрения моего правительства на ситуацию, вызванную русским наступлением в Польшу, заслуживает срочного ответа. Не откладывая, попробую обозначить позицию моего правительства не только по ситуации, которая возникла по причине военного перевеса русских в Польше, но и по другим проблемам, непосредственно составляющих русский вопрос в более широком смысле.

Наше правительство верит в объединенное свободное и самостоятельное польское государство и народ Соединенных Штатов искренне жаждет поддержки польской политики независимости и территориальной неприкосновенности. Этого положения мы не изменим и действие нашего правительства будут направлены к использованию всех средств для приведения его в действительность. Поэтому правительство не отказывается от попыток, по-видимому сделанных кем-то для заключения перемирия между Польшей и Россией, но мы не примем, во всяком случае в настоящий момент участия в каком-либо плане развития переговоров о перемирии в общеевропейской конференции, которая по всей вероятности, приведет к двум результатам, к обоим из которых наша страна питает сильное отвращение, т. е. признание основ на раздел России.

С начала русской революции в марте 1917 г. и до настоящего момента правительство и население Соединенных Штатов следили за ее развитием с дружественной теплотой и с глубоким пониманием попыток русских людей по перестройке своей национальной жизни на основе широкого национального самоуправления. Правительство Соединенных Штатов, наблюдая их устремления, всегда желало помочь русским людям. В этом смысле его отношения с русскими и представителями других национальностей с учетом интересов последних были понятными и урегулированными.

Правительство Соединенных Штатов первым поняло законность революции, признало Временное правительство России. Почти непосредственно после этого Соединенные Штаты решили начать войну против Германии и в этой связи сблизиться с Союзными государствами, в том числе и с Россией. Усталость русского народа от войны была хорошо известна моему правительству и встретила понимание.

Рассудительность, самозаинтересованность и лояльность к нашим союзникам делали желаемым, чтобы мы материально и морально поддерживали Временное правительство, которое боролась за выполнение двойной задачи: энергично вести войну и одновременно реорганизовывать внутреннюю жизнь путем создания устойчивого правительства на основе национального суверенитета.

Независимо от этих мотивов наблюдалось дружественное отношение правительства и населения Соединенных Штатов к великой русской нации. Дружба, манифестируемая Россией в отношении к моей нации во время испытаний и сложностей, пробудило у нас прочное чувство благодарности. Как искренний друг мы послали в Россию экспертную комиссию для помощи в проведении реорганизации железнодорожной системы для того, чтобы она дала новый толчок в развитии хозяйственной жизни и улучшила благосостояние русского народа.

Высказывая глубокое разочарование выходом России из войны в критический момент и неблагоприятными условиями Брест-Литовска,

Соединенные Штаты полностью понимают, что народ России никоим образом не ответственен за это.

Соединенные Штаты сохраняют неизменной свою веру в русских людей, в их высокий характер и их будущее. Мы никогда не сомневались, что они переживут существующую сейчас анархию, страдания и лишения. Сложности переходного периода в России имеют много исторических параллелей, поэтому Соединенные Штаты убеждены, что возобновленная, свободная и объединенная Россия снова займет ведущее место в мире и присоединиться к другим свободным нациям в поддержке мира и организованной законности.

Пока придет это время, Соединенные Штаты почувствуют, что чувства дружбы и уважение требуют охраны интересов России, и насколько это возможно, все решения жизненного значения в отношении к ней, особенно те, которые затрагивают территориальный суверенитет бывшей Российской Империи, должны поддерживаться в подвешенном состоянии. Правительство Соединенных Штатов руководствовалось чувством дружелюбия и торжественного долга в отношении к великой нации, чьё смелое и героическое самопожертвование много дало для успешного завершения войны. Этим руководствовалось правительство Соединенных Штатов в своем ответе Литовскому Национальному Совету от 15 октября 1919 г. и твердом ответе признать Балтийские государства в качестве независимых от России государств. В том же тоне была составлена и нота моего правительства (к французскому послу) от 24 марта 1920 г., в которой было заявлено, со ссылкой на точно предложенные соглашения на Ближнем Востоке, что «ни одного окончательного решения не может быть принято без согласия России».

Согласно с этими важными политическими декларациями, Соединенные Штаты воздержались от одобрения решения Высшего совета в Париже, который признал независимость так называемых республик Грузия и Азербайджан и в этом смысле проинструментировал своего представителя в Южной России контр-адмирала Ньютона А. Мак-Кули. В конце концов, с удовольствием признавая независимость Армении, правительство Соединенных Штатов заняло позицию, что окончательное определение ее границ должно произойти при сотрудничестве и согласии России. Это касалось не только России, так как значительная часть территорий новой Армянского государства ранее принадлежала к Российской империи, но и самой Армении, которая должна иметь добрую волю и искреннюю дружбу России, когда она захочет остаться независимой и свободной.

Это объяснение показывает, с какой настойчивостью правительство Соединенных Штатов проводит внешнюю политику расположения к России. Мы бы не хотели, чтобы в то же время, когда она находилась в тисках непредставительского правительства, чьи единые санкции – эта грубая сила, Россия и далее ослаблялась политикой разъединения, что не в ее интересах.

Желание Союзных государств найти мирное решение существующих сложностей в Европе находится в сердечном согласии с желанием моего правительства, которое будет поддерживать любые оправданные шаги в этом направлении. Невозможно, однако, что признание советского режима будет поощряться и осуществляться. Поэтому возникает чувство сострадания к любым отношениям с советским режимом вне узких границ, в которых могут решаться условия завершения военных действий.

То, что сегодняшнее руководство России волей или согласием не руководит значительной частью русского народа, является беспречным фактом. Однако почти два с половиной года прошло с того момента, как оно завладело машиной управления, обещая защитить Учредительное Собрание от тайного заговора против него. Но до этого времени они так и не позволили провести что-нибудь по существу близкое к народным выборам. В тот момент, когда работа по созданию народного представительного правительства, основанного на общем избирательном праве, приближалась к завершению, большевики, которые представляли значительное меньшинство народа, силой и хитростью овладели властью и управленческим аппаратом и продолжают использовать его с жестким гнётом с целью удержать себя во власти.

Не имея никакого желания вмешательства во внутренние дела русского народа, или предлагать ему новый тип правительства, Соединенные Штаты высказывают надежду, что скоро будет найден путь к установлению правительства, которое будет представлять добрую волю и цели. Когда придет время, Соединенные Штаты будут рассматривать меры реальной помощи, которая способствует возрождению России, но при условии, что последняя выберет путь строительства дружественных отношений с другими народами, без грабежа и гнета поляков.

Правительство Соединенных Штатов заявляет о невозможности признания сегодняшнего руководства России в качестве правительства, с которым можно поддерживать отношения, похожие на дружественные. Эта уверенность не имеет ничего общего с той политической или социальной структурой, которую сам русский народ рассматривает в качестве удобного для принятия, и основывается на целом наборе различных фактов. Эти факты, которые не противоречат один одному, убедили правительство Соединенных Штатов против желания, что существующий режим в России основывается на отрицании любого принципа чести и доброй веры, любого нрава и общего согласия, на чем основывается вся структура международного права. Короче говоря, это отрицание каждого принципа, на котором возможно основать гармоничные и доверительные отношения как среди наций, так и личности. Ответственные лидеры режима часто и открыто хвастались, что они готовы подписать условия и соглашения с иностранными странами, но не имеют никакого желания их поддерживать. Такое

неуважительное отношение к взятым на себя обязательствам они основывают на теории, что ни один пакт, заключенный с небольшевистским правительством не имеет для них никакой моральной силы. Они не только провозгласили это в качестве доктрины, но и показывают на практике. На самом деле, основываясь на большом количестве случаев, ответственные деятели этой страны и его официальные представители объявили, что, по их мнению, существование большевизма и сохранение его власти в России сейчас и в будущем зависит от исполнения революций в других цивилизованных странах, включая Соединенные Штаты. Революции скинут и уничтожат их правительства, установят большевистский порядок. Они ясно объяснили, что собираются использовать все средства, в том числе дипломатические представительства, чтобы поддержать такие революционные движения в других странах.

Правдой является то, что разными путями они высказали свое желание дать «заверения» и «гарантии», что они не будут злоупотреблять привилегиями и иммунитетами дипломатических представительств, используя их на эти цели. Принимая во внимание их собственные заявления, на которые была сделана ссылка, такие заверения и гарантии не могут серьезно восприниматься. Более того, правительство Соединенных Штатов знает, что большевистское правительство само подчиняется контролю политической фракции, которая имеет широкие международные ответвления в границах Третьего Интернационала. Этот орган в значительной степени субсидируется большевистским правительством из общественных доходов России и поэтому в качестве благодарности за общепризнанную помощь распространяет болыпестские революции по всему миру. Лидеры большевиков хвастались, что их обещания по невмешательству в дела других наций ни коим образом не мешают работе представительств этого органа. Безусловно, что такие агенты будут получать помощь и поддержку от любых дипломатических представительств большевиков в разных странах. Отсюда очевидно, что дипломатическая служба большевистского правительства станет каналом интриг и пропаганды бунтов против учреждений и законодательства стран, с которыми они устанавливают отношения, и таким образом будут злоупотреблять дружбой, на что, зная выше отмеченное, правительства не пойдут.

С точки зрения моего правительства не может быть общей основы для основания отношений с властью, чьи концепции международных отношений целиком противоречат сами себе, являются несовместимыми с их моральным смыслом. Не может быть общей уверенности или доверия, даже никакого уважения, если обещания даются, и соглашения подписываются, в то время как одна из сторон думает о циничном отказе от личных обязательств. Мы не можем признать, что оно поддерживает официальные отношения, по-дружески принимать агентов правительства, которое готовится к организации сговора против наших учреждений. Чьи дипломаты будут агитаторами небезопасного бунта,

чьи представители говорят, что они подписывают соглашения без намерения придерживаться их.

Подводя итог позиции моего правительства, я могу сказать, отвечая на вопрос Вашего Превосходительства, что мы будем согласны с заявлением союзных и объединенных государств, что территориальная целостность и истинные границы России необходимо уважать. Эти границы должны включать целиком бывшую Российскую империю, за исключением Финляндии, этнической Польши, и в соответствии с соглашением, территории армянского государства. Намерения этих наций на получение независимости из-под чужого управления не означает агрессии против территориальных прав России, а только реализации воли общественного мнения населения. Такая декларация предусматривает вывод всех иностранных войск из отмеченных территорий и, по мнению моего правительства, должно сопровождаться заявлением, которое запретит Польше, Финляндии или другим странам нарушать эту договоренность.

Таким образом, большевистский режим может быть лишен его фальши в итоге эффективного обращения к русскому национализму, чувству рассудительности и самоуважения, которые русский народ, защищенный от вмешательства и нарушения территориальной целостности, может направить против социальной философии и тирании, которая унижает его.

Только упомянутая выше политика может рассчитывать на поддержку со стороны моего правительства.

Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.) зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. – Мінск: Юніпак, 2008. – Т. I 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг.: у 2 ч. – Ч. 2: 3 студзеня 1920 18 сакавіка 1921 гг. – 392 с. – С. 97–100.

Глава 4

Белорусский вопрос на рижском этапе советско-польских переговоров: сентябрь 1920 г. – март 1921 г

4.1. Вопрос участия белорусских представителей в работе мирной советско-польской конференции

Заключительным звеном польско-советских переговоров 1919–1921 гг. стала мирная конференция в Риге. Хронологически рижские советско-

польские переговоры можно поделить на два этапа: 1) с 21 сентября по 12 октября 1920 г. – период поиска компромисса между сторонами путем взаимных уступок, решения территориального вопроса и проблемы самоопределения наций, подготовки и подписания прелиминарного мирного трактата. Белорусский вопрос рассматривался обеими делегациями в качестве самостоятельного, без непосредственного участия белорусских представителей в качестве самостоятельной делегации; 2) с 17 ноября 1920 г. по 18 марта 1921 г. – период подготовки и подписания окончательного мирного договора, урегулирования спорных финансово-экономических, юридических, территориальных вопросов. Внимание на белорусский вопрос обращалось косвенно, во время корректировки границы между сторонами, при решении некоторых экономических аспектов.

Первый этап рижских польско-советских переговоров стал судьбоносным для белорусских земель. Во время мирной конференции были представлены различные варианты решения будущей территории Беларуси, выбор в пользу той или иной альтернативы, к сожалению, осуществлялся без участия заинтересованной стороны, белорусские представители выступали в качестве наблюдателей в составе польской и советской делегаций. Белорусский вопрос, в отличие от других спорных моментов рижских польско-советских переговоров, не был конкретно определен изначально руководством обеих сторон, предложенные председателям делегаций инструкции просто обходили его своим вниманием. По точному замечанию А. Г. Червякова в его письме к Центральному Бюро КП(б)Б, руководители делегаций фактически имели *carte blanche* в решении будущего территории Беларуси, имели возможность уступить эти земли для получения того или иного блага при спорных моментах [90, с. 197–203]. Постоянные изменения в военно-оперативном положении на фронте (продвижение польских войск вглубь белорусских земель, стремление Ю. Пилсудского к реализации федералистической программы путем сотрудничества с деятелями Наивысшей Рады БНР, активизация военных действий П. Н. Врангелем) принуждали руководство Советской России иметь в запасе несколько возможных путей решения белорусского вопроса. Тем более необходимо было координировать свои действия с позицией польской стороны по белорусскому вопросу, учитывать и принимать контрмеры для противодействия действиям деятелей Белорусской Народной Республики. Этим объясняется та непоследовательность в действиях Народного комиссара иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерина.

Первоначально руководство РСФСР считало подключение белорусов к мирным переговорам нецелесообразным, но активизация усилий со стороны отдельных деятелей БНР с целью получения разрешения для участия в польско-советских переговорах вынудила советское руководство принимать конкретные контрмеры. Так, 7 сентября 1920 г. правительству Польши и РСФСР была направлена Радой Народных Министров БНРnota протеста с требованием допустить к участию

делегацию во главе с В. Ю. Ластовским на мирную конференцию в качестве законного представителя белорусского народа. В ноте высказывалось обвинение в адрес Польши и Советской России в незаконности их притязаний на белорусские земли. Что касается Советской Беларуси, то его руководство в ноте характеризовалось как «не выбранное», представляющее собой «диктаторский орган партийного меньшинства» [200, л. 73–74]. В то же время (7 сентября) было направлено обращение к Парижской мирной конференции, в котором содержался упрек в адрес РСФСР в невыполнении на практике принципа самоопределения наций, которая «не имеет права выступать в качестве хозяина белорусских земель» [200, л. 105]. Копия отмеченной ноты была направлена на адрес руководителя российско-украинской делегации сразу же после его приезда в Ригу. Как контрмера на ноту БНР 7 сентября 1920 г., 10 сентября ВРК БССР передает РСФСР «самый широкий мандат на ведение мирных переговоров с Польшей, главным образом, по определению границ Беларуси. Для защиты интересов самостоятельности Республики Беларусь назначается представителем от ССРБ на мирную конференцию т. Игнатовский» [42, с. 143].

Постановление было подписано председателем ВРК А. Г. Червяковым и секретарем И. Дубровской. Согласно архивным материалам, дискуссии по этому вопросу не было. Как известно, представителем БССР в Риге был не член ВРК В. М. Игнатовский, а сам председатель А. Г. Червяков. Скорее всего, на более высоком статусе представителя БССР настояла Москва. Участия делегации от БССР в качестве самостоятельной единицы не предусматривалось. Так, Г. В. Чичерин 12 сентября 1920 г. сообщал А. А. Иоффе: «В Минске открывается съезд Советов и возможно будет поднят вопрос о посыпке своих делегатов в Ригу. Я телеграфировал, что сначала белорусское советское правительство должно оформиться и только тогда можно будет разрабатывать вопрос о его международных отношениях» [225, с. 43].

Но через несколько дней, 14 сентября 1920 г., А. А. Иоффе в своем письме к Г. В. Чичерину интересовался позицией советского руководства по отношению представительства Беларуси на мирной конференции. В итоге было решено направить в Ригу А. Г. Червякова вместе с И. Г. Клишевским.

Согласно утверждению А. Г. Червякова, его присутствие на мирной конференции в Риге было вызвано «активными действиями деятелей Наивысшей Рады БНР, которые начали переговоры с польской стороной для их участия в конференции» [196, л. 178]. 19 сентября 1920 г. А. А. Иоффе в телеграмме к Г. В. Чичерину отмечал, что «не нужно вести никаких дел ни с Ластовским, ни с его агентами, так как они подкуплены поляками» [9]. Немаловажное значение имел факт продвижения польских войск вглубь белорусских земель: 21 августа 1920 г. был занят Брест-Литовск, в начале октября 1920 г. линия фронта на Беларуси проходила на востоке от Лиды, Баранович, Пинска; 3 октября 1920 г.

руководство Западного фронта приказало советским войскам отойти на линию оз. Нарочь – Сморгонь – Молодечно – Красное – Заславье – Самохваловичи – Старобин – р. Случь [273, с. 246]. По мнению Польского бюро при ЦК РКП(б), будущие польские условия перемирия будут требовать «создать новые независимые государства на территории Украины, Беларуси и Литвы. Беларусь сама должна заявить, не желает ли она присоединить свою страну или ее часть к Литве, Польше или России, или создать независимый государственный организм» [422, с. 46]. Точной информации о стратегических планах Польши на текущих мирных переговорах у советского руководства не было. Кроме того, широко были распространены слухи о намерениях Ю. Пилсудского, после захвата Минска, создать «белорусское правительство», избранное из представителей Наивысшей Рады БНР, которое находилось бы в федеративных отношениях с Польшей [222, с. 200]. Принимались меры и по объединению вокруг общего центра представителей Наивысшей и Народной Рады: в июле-августе 1920 г. произошла встреча В. Ю. Ластовского с Л. Василевским для реализации этой задачи, но она закончилась безрезультатно [188, с. 211]. Нестабильность политической ситуации требовала от руководства Советской России учитывать конъюнктурные изменения.

На заседании ВРК БССР 16 сентября 1920 г., А. Г. Червякову был дан мандат на ведение переговоров в Риге, объявляя его «единственным белорусским представителем. С полномочиями заключать с польской мирной делегацией любые договоры, которые касались перемирия, мира, обмена военнопленными, установления границ и торговых отношений между БССР и Польшей» [6]. К сожалению, в Национальном архивном фонде Республики Беларусь текст отмеченного мандата опущен, протокол заседания ВРК БССР содержит только выражение «делегировать А. Г. Червякова и дать ему полномочия», без дальнейшей конкретизации. Текст в полном объеме приводится в отчете А. А. Иоффе в НКИД РСФСР 23 сентября 1920 г., который содержится в Архиве внешней политики Российской Федерации [6]. Возможно, по этой причине упоминаний о существовании данного мандата ВРК БССР в отечественной историографии не встречается.

Практическое использование отмеченного мандата ставилось в прямую зависимость от общего военно-оперативного положения. «С изменениями на фронте может измениться и ситуация в белорусском вопросе, оно станет в полном объеме», – отмечал А. Г. Червяков в своем письме к ЦБ КП(б)Б 4 октября 1920 г. [90, с. 200]. В разговоре по прямому проводу Г. В. Чичерин советовал А. А. Иоффе не использовать мандат 16 сентября до более удобного момента, а представить польской делегации «бумагу, которая дает Вам право определять границу Беларуси» [225, с. 58].

А. ГЧервяков и И. Г. Клишевский выехали 18 сентября в Ригу, где 21 сентября состоялось торжественное открытие мирной конференции. В

отечественной историографии встречаются различные точки зрения по поводу точной даты приезда главы Советской Беларуси. Так, В. И. Пичета, еще в 1928 г. в журнале «Полымя» утверждает, что А. Г. Червяков прибыл в Ригу только «в середине работы конференции» [219, с. 129]. А. П. Грицкевич сообщает о включении председателя ВРК БССР в состав российско-украинской делегации только через месяц, после подписания прелиминарного мирного договора (12 октября 1920 г.), более того упоминается о его участии во время второго этапа мирной конференции [66, с. 100]. Однако письма А. Г. Червякова к ЦБ КП(б)Б уточняют этот вопрос: первое письмо датируется 20 сентября 1920 г., последнее – 3 октября 1920 г. Отъезд из Риги в Минск состоялся примерно между 3 октября и 8 ноября 1920 г., так как очередное заседание ЦБ КП(б)Б (8 ноября) состоялось уже при участии А. Г. Червякова.

Фактически ВРК БССР издал два мандата на ведение переговоров, что давало возможность рассматривать белорусский вопрос с разных сторон, все зависело непосредственно от позиции польской делегации. Однако, польская делегация выступила против допущения представителей Советской Беларуси к мирным переговорам, не признала легитимности белорусской советской государственности, вместе с ней и мандат ВРК БССР от 16 сентября 1920 г. Польская сторона согласилась по требованию РСФСР на самостоятельный участие УССР в переговорах, но выступила решительно против такого же участия БССР, отрицая за ней статус независимого и суверенного государства, ссылаясь на то, что Беларусь не имеет четко определенной восточной границы, полноценных представительных органов, сформированных на основе свободных выборов, и полноценного представительства на международной арене [273, с. 265].

Исходя из общей позиции польской делегации, еще 23 сентября 1920 г. А. А. Иоффе обратился к Г. В. Чичерину с просьбой дать инструкцию по целесообразности нахождения в Риге белорусской и галицийской делегаций. Он считал, что руководители БССР должны оставаться на конференции в качестве консультантов или экспертов до более благоприятного момента, когда они могут выступить в качестве официальных лиц. В свою очередь, Г. В. Чичерин советовал А. А. Иоффе сделать акцент на мандат, выданный белорусами делегации РСФСР, и в дальнейшем тему присутствия белорусов в Риге не затрагивать. Но А. Г. Червяков продолжал оставаться в Риге «инкогнито», продолжая «ожидать общих изменений положения на фронте, принимая участие в заседаниях конференции, однако, не выполняя никакой роли «ни полномочного представителя, ни консультанта» [90, с. 201]. 28 сентября 1920 г. он сообщил из Риги, что не имеет возможности делать что-нибудь по уже решенному разделу Беларуси и остается в латвийской столице только из-за партийной дисциплины. А. Г. Червяков пробовал повлиять на ход переговоров путем давления на А. А. Иоффе. Однако руководитель российско-украинской делегации заверил руководителя

БССР, что вопрос об участии белорусов в работе конференции можно будет поставить после ликвидации войск П. Н. Врангеля, когда советская власть укрепиться [273, с. 266].

В качестве противодействия представителям БССР выступила делегация, составленная Радой Народных Министров БНР 28 сентября 1920 г., во главе с В. Ю. Ластовским, ее членами являлись А. И. Цвикевич, А. А. Овсяник, А. К. Головинский, В. В. Пигуловский, П. А. Кречевский. Решением заседания Рады Народных Министров БНР 1 октября 1920 г. была принята тактика действий путем направления декларации на адрес польско-российско-украинской конференции в Риге с требованием признать независимость БНР и допустить делегацию к участию в переговорах [3, с. 879; 168, л. 56–57]. Отмеченная декларация была подготовлена еще 2 октября 1920 г., но ее направление на адрес польской и российско-украинской мирной делегации произошло только 5 октября. Отсрочку от направления декларации БНР настойчиво просил Л. Василевский во время личной встречи с В. Ю. Ластовским [3, с. 881–882]. В декларации оспаривались права Советской России и Польши определять будущее белорусских земель, приводился как аргумент факт провозглашения самостоятельной белорусской республики в марте 1918 г. [3, с. 894–895]. Своебразную характеристику действиям делегации Рады Народных Министров БНР дал В. Ю. Ластовский в 1930 г. в собственноручных показаниях в Народный комиссариат внутренних дел БССР: «Дело продвигалось очень медленно, создавалось впечатление, что никому не было никакого дела до работы конференции» [188, с. 211].

Представитель Министерства иностранных дел БНР И. А. Черепук получил разрешение от польской делегации принимать участие в пленарном заседании мирной конференции, правда, в качестве частного лица [3, с. 900]. Следующим шагом деятелей БНР стали меры по организации встреч с Л. Василевским, В. Каменецким для проведения переговоров. Они проходили с 1 по 6 октября 1920 г. Делегация БНР по-прежнему отстаивала идею независимости и неделимости белорусских земель в этнографических границах. Польские представители, заслушав белорусскую сторону, настойчиво советовали «объединить все белорусские силы около одного центра, только в этом случае белорусский вопрос может быть решен положительно» [38, л. 37].

Планировалось создание белорусского правительства в Минске, которое находилось бы в союзных отношениях с Польским государством, создание белорусских вооруженных формирований [3, с. 901].

Сотрудничество двух лагерей политических сил БНР (Народной и Наивысшей Рад) произошло путем передачи К. Ю. Терещенко мандата на участие в мирных переговорах в Риге делегации во главе с В. Ю. Ластовским [122, с. 122–123; 130, с. 5–6].

В ситуации, когда раздел территории Беларуси был уже предопределен, две белорусские делегации начали переговоры. В конце октября 1920 г.,

уже после подписания Прелиминарного мирного договора, А. К. Головинский и А. А. Овсяник обратились к А. Г. Червякову с предложением «объединить усилия по отстаиванию интересов белорусских земель на мирной конференции» и «обсудить возможность дальнейшего сотрудничества между различными белорусскими группами» [29]. Также во время этой встречи представители БНР высказали намерение начать прямые переговоры непосредственно с РСФСР, просили руководителя Советской Беларуси оказать посредничество, высказали желание развернуть широкую работу на территории Беларуси. Однако эти предложения были отклонены через секретаря российско-украинской делегации И. Л. Лоренца. Содержание встречи было сообщено в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР, который советовал отклонить предложения представителей БНР, которых он квалифицировал как «людей, подкупленных польскими властями» [29]. Во время телефонного разговора В. Г. Кнорина с Г. В. Чичериным в ноябре 1920 г. факт сотрудничества руководства ВРК БССР с правительством В. Ю. Ластовского с намерением создать коалиционное правительство был расценен как небезопасный для существования диктатуры пролетариата [196, л. 125–130].

Кроме этого, 16 сентября 1920 г. в Москву из Риги для встречи с Г. В. Чичериным приехала делегация во главе с М. А. Маркевичем. Последний сообщил народному комиссару иностранных дел, что «левые эсеры выделены из состава правительства В. Ю. Ластовского и высланы из Латгалии, в Риге почти никого не осталось». М. А. Маркевич предложил организовать правительство Беларуси, которое бы стояло на советской платформе, однако было сформировано по принципу представительства партий. Он выдвинул следующие предложения: создание независимой Белорусской советской республики, которая затем вступит в федеративную связь с Советской Россией, а также участие Беларуси в работах Рижской мирной конференции. Однако, предложения М. А. Маркевича остались без ответа [237, л. 6].

Шанс белорусским представителям определенным образом повлиять на общее содержание польско-советских переговоров, даже путем объединения своих действий, был упущен. Присутствие представителей от БССР руководство Советской России во время второго этапа рижских польско-советских переговоров посчитало нецелесообразным, фактически решение относительно белорусского вопроса было принято, и почти не изменилось до марта 1921 г.

После заключения Договора о перемирии и прелиминарных условиях мира руководители БССР продолжали ставить вопрос об участии представителей республики в мирных переговорах. Этот вопрос фигурировал в протоколе заседания ЦБ КП(б)Б 8 ноября 1920 г., на котором обсуждался доклад В. Г. Кнорина о поездке в ЦК РКП(б) по делам Беларуси. В нем сообщалось, что Н. Н. Крестинский после

разговора по телефону с Г. В. Чичериным сказал, что «сейчас такой необходимости нет» [90, с. 214].

Этот вопрос встал в полную величину накануне II Всебелорусского съезда Советов, который происходил 13–17 декабря 1920 г. в Минске. 12 декабря 1920 г. председатель российско-украинской делегации ПРУВСК И. Г. Иорданский сообщил Г. В. Чичерину из Минска, что на съезде возможно будет поднят вопрос о посылке белорусского делегата на мирную конференцию в Риге. Он просил у Г. В. Чичерина указаний, как реагировать на это. Подробный разговор по телефону по вопросам представительства Беларуси на рижских мирных переговорах и отношений к правительству БНР произошел 13 декабря 1920 г. между В. Г. Кнориным и Г. В. Чичериным. Последний, ссылаясь на телеграмму от И. Г. Иорданского и после консультаций с Н. Н. Крестинским, обращал внимание на неоформленность правительства БССР [17]. Руководитель российско-украинской делегации также не высказывал энтузиазма об участии белорусского представителя в мирной конференции [21]. А. А. Иоффе рассматривал вероятность белорусского представительства только в случае увеличения территории белорусской республики за счет Витебской и Гомельской губерний, присоединенных к РСФСР в январе 1919 г.

В промежутке между 8 и 20 ноября 1920 г. состоялась поездка руководства ССРБ в Москву, где рассматривался вопрос о положении Беларуси и ее границах. В заседании 11 ноября 1920 г. участвовали В. Г. Кнорин, секретарь ЦБ КПБ(б); А. Г. Червяков, и.о. председателя ЦИК ССРБ; Н. Н. Крестинский; Е. А. Преображенский, секретарь ЦК РКП (б); Н. К. Владимиров, член Юго-Западного фронта; представители Народного комиссариата по национальностям, Народного комиссариата сельского хозяйства [209, л. 59]. Поднятый вопрос о восточных границах Белорусского государства (белорусские уезды Витебской и Могилевской губерний) посчитали несвоевременным и ЦБ КП(б)Б высказалось за существование Советской Республики в ее границах на момент 11 ноября 1920 г., с будущим расчетом на «присоединение оккупированных польскими войсками областей к Беларуси» [208, л. 60].

29 декабря 1920 г. Г. В. Чичерин советовал А. А. Иоффе во время обсуждения белорусской проблематики ограничиваться использованием мандата от 10 сентября 1920 г., который передавал право международного представительства белорусских интересов РСФСР [26]. Во время II Всебелорусского съезда Советов, проходившего в Минске с 13 по 17 декабря 1920 г., был подтвержден мандат ВРК БССР от 10 сентября 1920 г. российско-украинской делегации на ведение переговоров об установлении границы, заключении мира и связанных с заключением мира договоров в области политики, экономики, об обмене военнопленными и т. д. [209, л. 58].

В записке Народного комиссариата иностранных дел РСФСР от 30 декабря 1920 г. отмечалось: «.. на Рижской конференции не нужно

вводить Беларусь как непосредственного участника, а нужно ограничиться комбинацией, которая имеется сейчас, это значит мандатом Беларуси делегации в Риге; делегация останется русско-украинской... Выходить за границы этой комбинации нецелесообразно, так как в Беларуси на уездных съездах уже начались разговоры о том, что она разделена новой границей и что необходимо заявлять о необходимости возвращения Польской Беларуси и Литовской Беларуси. Так, в случае появления белорусской делегации в Риге она там разрушит все наши дипломатические комбинации» [26]. Представители БССР не брали участие в процедуре подписания окончательного текста мирного договора в Риге 18 марта 1921 г., хотя в преамбуле документа вспоминалась, что делегация РСФСР подписывает договор также и от имени правительства БССР, в статье 2 указывалось на признание договаривающимися сторонами независимости Беларуси, в статье 23 отмечалось, что все права и обязательства, зафиксированные в договоре, распространяются на Беларусь и её граждан. Руководство РСФСР пообещало предоставить БССР финансовую помощь, создало комиссию по возобновлению народного хозяйства Беларуси, однако категорически отказывалось рассматривать вопрос о включении в состав БССР восточных территорий, ссылаясь на неопределенность положения на рижских переговорах. В качестве аргумента использовалась ссылка, что территории, которые вошли в состав РСФСР в 1919 г., «составляют часть единого народно-хозяйственного организма России» [26].

Позиция белорусских политических группировок по подписанию Прелиминарного мира между РСФСР и Польшей была представлена на национально-политической конференции представителей белорусских социалистических партий 20–21 октября 1920 г. в Риге [205, л. 5-12]. Высказывался протест против условий Прелиминарного мирного договора, на основе статистических данных доказывалась неправомочность присоединения к Польше белорусских земель, где большинство населения было непольское [37; 170, л. 76]. Заключение договора было воспринято очень негативно. «В итоге по-живому телу белорусского народа в Риге была проведена граница, которая делит два мира идей. Белорусская общественность не может принять Рижского договора – этого ужасного эксперимента, заключенного через голову белорусского народа» – таким образом сообщалась позиция руководства БНР [195, л. 157–160].

Представительство белорусских земель на польско-российско-украинской конференции в Риге обеспечивалось благодаря усилиям Польской национальной рады белорусских земель и Инфлянтов (М. Обезерский, К. Горделковский, В. Василевский). Радой был направлен ряд протестных деклараций 12 сентября, 5, 8, 11, 28 октября, 10 ноября, 11 декабря 1920 г., в которых содержались политические требования (гарантирование прав самоопределения наций), острые формы протеста против раздела белорусских земель и требования обеспечения национальных, культурно-религиозных прав польскому местному

населению в той части, что отходила российско-украинской стороне. Согласно М. Обезерскому, представители Польской национальной рады белорусских земель и Инфлянтов, выступали исключительно в качестве «технических делегатов», которым, однако, удалось принять участие в заседании территориальной комиссии и иметь ряд неофициальных встреч с членами польской делегации (С. Грабским и Я. Домбским), с белорусскими представителями (В. Ю. Ластовским, А. И. Цвикевичем, К. Ю. Терещенко) [372]. 9 октября 1920 г. на адрес польской мирной делегации в Риге поступили замечания и корректура уже подготовленного текста Прелиминарного мирного договора, подготовленные членами Польской национальной рады белорусских земель и Инфлянтов М. Обезерским и Б. Крижановским. Лишенные права участия в работе редакционной комиссии мирной конференции, члены рады, получив черновой вариант договора, обратили внимание членов польской делегации на проблемные моменты договора, на внесение в текст договора пункта, предупреждающего решение польско-литовских территориальных споров без участия Советской России. Авторы замечаний настаивали на предоставлении возможности реализовать в полной мере право на самоопределение для белорусских земель. Также они обращали внимание членов польской делегации, что отказ Польши от прав на территории, размещенных на восток от линии разграничения, в свою очередь потребует аналогичного отказа с советской стороны. Одновременно М. Обезерский и Б. Крижановский советовали включить пункт, который уточнял бы форму взаимоотношений между БССР и РСФСР («федеративные или какие-нибудь другие связи») [300, с. 22–24].

Рижские советско-польские переговоры (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.) стали судьбоносными для белорусских земель. Во время мирной конференции были представлены различные варианты решения будущего территории Беларуси, но выбор в пользу той или иной альтернативы, к сожалению, осуществлялся без участия заинтересованной стороны, белорусские представители выступали в качестве наблюдателей в составе польской или советской делегаций. Присутствие белорусских представителей во время работы мирной конференции не повлияло на решение членов и председателей советской и польской делегаций. Возможность использования мандата ВРК БССР от 16 сентября 1920 г. ставилось в прямую зависимость от военно-оперативного положения, без ухудшения которого советское руководство рассматривало участие представителей с территории Беларуси как нежелательный факт.

4.2. Процесс формирования белорусского участка советско-польской границы

Определение государственно-политического статуса территории Беларуси и одновременно решение вопроса ее территориальной конфигурации были предопределены общим ходом советско-польских переговоров, исходили из позиции советского руководства, которое высказывало согласие на территориальные уступки за счёт белорусских земель за фактический отказ Польши от реализации федералистической концепции, уменьшение финансово-экономических требований.

Предварительные инструкции польской мирной делегации в Риге 11 сентября 1920 г. не предлагали конкретной линии разграничения, только определяли принципы действий делегации по территориальным вопросам. Предусматривалось «создание условий для добрососедского сосуществования обеих народов, граница между государствами должна была устанавливаться на основе исторической ревиндикиации двух сторон, справедливого согласования жизненно необходимых интересов» [345, с. 419–422]. Советским руководством в качестве возможной была определена линия: р. Щара – Огинский канал – р. Ясельда – р. Стырь – р. Збруч [430, с. 128]. Конкретизация позиций обеих сторон происходила как во время заседаний конференции, так и неофициальных («тайных») встреч двух делегаций.

Первая «тайная» встреча прошла 1 октября 1920 г. Необходимость перехода от пленарных официальных заседаний, с присутствием журналистов, специалистов, международных наблюдателей, к секретным, «тайным» переговорам между председателями делегаций в сопровождении секретарей, выявила в связи с «возникновением определенного замешательства в рядах польской мирной делегации, после озвучивания «Обращения ВЦИК» на седьмом (первом) заседании 24 сентября 1920 г.» [337, с. 105–106]. Инициатива в налаживании «тайных» встреч принадлежала российско-украинской стороне, которая стремилась ускорить общий ход мирных переговоров. Накануне встречи 1 октября 1920 г.

А. А. Иоффе, председатель российско-украинской делегации, в телеграмме Г. В. Чicherину сообщал о ходе работы мирной конференции, отмечая факт создания рабочих комиссий (комиссии по выработке «Договора о перемирии», финансово-экономической, территориальной) и общую безрезультатность работы, полемический характер заседаний («так как у поляков зуд говорения») [7]. В итоге от Политбюро ЦК РКП(б) на имя А. А. Иоффе поступила директива, в которой председателю российско-украинской делегации рекомендовалось «согласиться на линию, согласно которой Польше передавалась железная дорога Лида-Барановичи», однако при условии, что мир (перемирие) будет подписано в ближайшее время. В противном случае советское руководство предписывало «после 5 октября или уехать в Москву (если благоприятным образом решить дело будет безнадежно), или не разрывать, а уехать на 2–3 дня для демонстрации» [162, с. 396].

Во время встречи 1 октября обе стороны озвучили свои минимальные требования: предложение российско-украинской стороны – железнодорожная линия Лида – Барановичи – Лунинец – Ровно – Броды – и одновременно неприемлемость польской стороной этой линии по причинам неудобства её в случае возможного военного нападения [43, с. 125]. А. А. Иоффе неоднократно во время встречи апеллировал к решению Высшего совета стран Антанты от 8 декабря

1919 г., отмечая передачу территории Беларуси в сферу российского влияния, тем самым ограничивая претензии польской стороны необходимостью соотношения собственных решений с позицией стан Антанты, рационального обоснования определенной восточной границы Польши перед международным сообществом [232, л. 12]. Одновременно российско-украинская сторона упорно настаивала на выполнении условий советско-литовского договора от 12 июля 1920 г., за передачу Вильно и Виленской округи Литве, тем самым отмечая, что будущий Прелиминарный мирный договор должен определить линию разграничения между Польшей, Россией, Украиной, оставляя решение польско-литовских споров вне договора.

Проблему дальнейшей судьбы территории Беларуси на встрече поднял руководитель польской делегации. Однако А. А. Иоффе напомнил, что белорусский народ уже самоопределился на советской основе. Именно по этой причине белорусский вопрос, в частности государственно-политический аспект не может рассматриваться в качестве дискуссионного. Председатель российско-украинской делегации предложил ограничиться формулой двустороннего признания БССР, что и было принято польским представителем.

Уже 2 октября 1920 г. на неофициальной встрече Я. Домбского и А. А. Иоффе решался вопрос дальнейшей конкретизации линии разграничения. Председатель польской делегации Я. Домбский предложил российско-украинской стороне уже конкретно определенную линию границы, которая была итогом внутреннего голосования в рядах польской делегации.

Среди польской делегации не было единства в решении белорусского вопроса. Противостояние инкорпорационистской и федералистической концепций, представителей сейма (Н. Барлицкий, В. Керник, С. Грабский, А. Мечковский, Л. Вашкевич, М. Вихлинский) и представителей правительства (В. Каменецкий, Л. Василевский, генерал М. Кулинский) приводило к существованию различных, противоположных точек зрения по решению судьбы белорусской территории [387, с. 235–236]. Инкорпорационистская позиция была представлена преимущественно представителями сейма, настаивала на реализации фактического раздела территории Беларуси между польской и советской стороной, предусматривала механическое поглощение Польшей части территории так называемых «восточных кресов» и создание унитарного национального государства, в котором доминирующая роль

принадлежала бы польскому народу, тогда как остальным народам, что проживали на этих землях, отказывалось в праве на самостоятельное национальное развитие. Федералистической концепции придерживались в рядах польской делегации Л. Василевский, В. Каменецкий, М. Кулинский, Я. Домбский. Она предусматривала создание системы буферных государственных образований, сформированных по национальному признаку, которые находились бы в федеративной связи с Польским государством. Согласно этой концепции, создание цепи буферных государств должно было происходить при активной поддержке национальных политических сил, при организации плебисцита среди местного населения для получения легитимизации этих образований перед странами Антанты и США.

Непринятие польской стороной основных пунктов советской программы мирного урегулирования, представленной 28 сентября на заседании главной комиссии, привело к временной остановке работы конференции с 29 сентября по 4 октября 1920 г. Руководитель российско-украинской делегации интерпретировал временную задержку в переговорах как «затягивание работ конференции», вызванное желанием польского главного командования продвинуть свои войска далее на восток, чтобы таким образом повлиять на процесс решения территориального вопроса [24]. Чтобы получить необходимую информацию о позиции польской делегации, А. А. Иоффе 30 сентября 1920 г. организует встречу с представителями Польской социалистической партии – Л. Василевским, Н. Барлицким, Ф. Перлем. Фактически Л. Василевский сообщает о внутренних противоречиях польской делегации и приводит один из возможных путей решения белорусского вопроса, который более соответствовал взглядам сторонников федералистической концепции. Представители социалистических партий имели намерение «вопросы, связанные с судьбой Украины и Беларуси, решить в интересах населения этих территорий. В случае, если советское правительство сообщит о существовании на этих территориях суверенных государств, то необходимо, чтобы оно точно определило признаки независимости Украины и Беларуси, и подтвердило это фактами. «Нам необходимо знать правду, мнение истинных представителей этих территорий, чтобы проводить переговоры с московскими чиновниками», – отмечал Л. Василевский на встрече [24]. Как альтернативу Советской республики, польские представители предложили заслушать представителей от Виленщины и Гродненщины, которые заранее были включены в состав польской делегации [3, с. 901–903]. Однако этот вариант не был поддержан большинством членов польской делегации. На голосовании внутри польской делегации 2 октября 1920 г. шесть голосов было за принятие линии разграничения без включения Минска в состав Польского государства (Н. Барлицкий, В. Керник, С. Грабский, А. Мечковский, Л. Вишневич, М. Вихлинский), три голоса против (Я. Домбский, Л. Василевский, В. Каменецкий), один – воздержался (генерал М. Кулинский). Линия разграничения должна была выглядеть следующим

образом: Збруч – Ровно – Сарны – Лунинец – на запад от Минска – Вклейка – Дисна – р. Двина. Согласно утверждению С. Грабского, такая конфигурация границы являлась компромиссным решением, которое позволяло получить территорию в районе Вилейки – Дисны, создать общую польско-литовскую границу и отрезать Советскую Россию от Балтийского моря, территорию на Волыни (города Каменец, Плоцк, Староконстантинов), хотя и оставляла за линией Минск и его округ [422, с. 46]. По воспоминаниям А. Ладося, секретаря польской делегации, точку зрения С. Грабского поддержали не только сторонники инкорпорационистской концепции, но и представители социалистических партий (ППС) Н. Барлицкий, Ф. Перль. На федералистических позициях остались только Л. Василевский и В. Каменецкий [387, с. 235–236]. Согласно версии М. Обезерского, представителя Польской национальной рады белорусских земель и Инфлянтов, так называемого «технического делегата», во время специального внутреннего совещания польской мирной делегации были предложены три территориальные программы разграничения. Первый проект, представленный Э. Малишевским, заключался в присоединении к Польше Лепельского, Борисовского, Игуменского уездов Минской губернии, разграничения на южном участке происходили по линии р. Птич – р. Припять. Реализация этого варианта фактически приводила к включению в состав Польского государства территории тогдашней БССР. Второй проект был предложен Н. Барлицким (ППС), предусматривал принятие линии «немецких окопов 1915 г.» (Двинск – Поставы – Барановичи – Пинск), что гарантировало бы укрепленную линию в случае возможного военного столкновения с Советской Россией, но приводило к разделу белорусских земель. Согласно третьему проекту, предложенному С. Грабским (НДП), признавалось необходимым включение в состав Польского государства Дисненского, Вилейского уездов, незначительной части Минского уезда со Столбцами и Несвижем, далее линия разграничения шла на юг по р. Лань и до р. Припять. В итоге голосования был утвержден последний проект, с возможностью внесения некоторых территориальных редактирований обеими сторонами [302; 414, с. 23].

Польская территориальная программа, озвученная на второй неофициальной встрече, была сообщена руководству РСФСР. В итоге 4 октября 1920 г. был подготовлен проект постановления Политбюро ЦК РКП(б), согласно которому предписывалось А. А. Иоффе «принять условия и подписать преамбулью с этой границей, если в 3–4 дня гарантируется подписание преамбульи и перемирия» [162, с. 398–399]. Советская сторона ничего не противопоставила польскому проекту: неблагоприятное военно-оперативное положение, вызванное успешным контрнаступлением польских войск, заставило сильно спешить с заключением перемирия, а значит идти на территориальные уступки.

12 октября 1920 г. был подписан «Договор о перемирии и преамбульных условиях мира», в соответствии с которым

утверждалась линия государственной границы между Польшей и советскими республиками Украины и Беларуси. Прелиминарный мирный договор предусматривал прохождение белорусско-польской и украинско-польской границы по линии Збруч – Ровно – Сарны – Лунинец – на запад от Минска – Вилейка – Дисна – р. Двина, а значит передачу в состав Польши значительной части территории Беларуси (примерно 125 тыс. кв. км.).

В. И. Ленин в выступлении на совещании представителей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. отмечал: «Нас заставило спешить с миром желание избежать зимней кампании, понимание того, что лучше иметь худшую границу, это значит получить меньшую территорию Беларуси и иметь возможность меньшее количество белорусских крестьян вырвать из-под гнёта буржуазии, чем возложить новые сложности, новую зимнюю кампанию на крестьян России» [161, с. 363]. Польская уступка в пользу советской модели самоопределения территории Беларуси, отказ от так называемой идеи «буферизма» компенсировалась присоединением белорусских земель общей площадью в 80,5 тысяч квадратных километров. На чрезвычайной сессии ВЦИК Советов 22–23 октября 1920 г. по делу ратификации Договора о перемирии и прелиминарных условиях мира отмечалось: «Содержание является компромиссом, который нам был предложен Польшей, а именно мы предложили ей территориальные приобретения за отказ от политики буферизма, от создания буфералистских государств» [225, с. 97–107].

8 октября 1920 г. на заседании территориально-пограничной комиссии польско-российско-украинской мирной конференции было рассмотрено дело ректификации линии разграничения. Польскими представителями были предложены изменения пограничной линии в районе северо-восточной части Дисненского уезда (с включением Диены в состав Польши): р. Западная Двина – Дрозды – Ореховка – Прозорово (всё на польской стороне) [327, с. 210]. По версии М. Обезерского, это редактирование позволило бы включить в состав Польши Прозоровский уезд и Ореховку, которые издревле принадлежали семье Забелло. Также ректификация предусматривалась в районе Глубокое – Докшицы с включением Докшиц в состав Польши. Наиболее проблемным стал участок в районе Минска: польская сторона требовала присоединения Ракова, Волмы, Рубежевич, где преобладало католическое население. В итоге пограничная линия выглядела бы следующим образом: Койданово – Узда – Копыль. Однако российско-украинская делегация в территориальной комиссии под председательством Д. Д. Мануильского, высказалась категорически против пограничного размещения Минска и настаивала на передаче Крайского уезда Минской губернии, Радошкович, Койданова (Дзержинск), Узы, Копыля советской стороне, чтобы граница на отмеченном участке прошла по линии: Илья – Радошковичи – Колосово – рядом с Несвижем – р. Лань. В итоге был выработан компромиссный вариант: российско-украинская сторона

обеспечивала польские требования в районах: р. Западная Двина – Дрозды – Ореховка – Прозорово и Глубокое – Докшицы, а польская сторона соглашалась на советский проект ректификации в районе Минска [414, с. 24].

Уже после подписания Прелиминарного мирного договора руководством БССР была сделана попытка увеличить территорию республики через присоединение белорусских уездов Витебской и Могилевской губерний. Дело в том, что в тексте Прелиминарного мирного договора (статья I) была формулировка об установлении границы между Польшей с одной стороны и Беларусью, Украиной, с другой, что переводила территории на северном отрезке границы (в районе Лепеля – Дисны), включенные в состав РСФСР в феврале 1919 г., в разряд земель, принадлежащих к юрисдикции БССР. Но во время официального разговора В. Г. Кнорина с Н. Н. Крестинским 11 ноября 1920 г. этот вопрос был квалифицирован как несвоевременный, и уже в тексте окончательного мирного договора в марте 1921 г. была добавлена «Россия» в список стран, граничащих с Польшей [196, л. 125–130].

На втором этапе рижских советско-польских переговоров (17 ноября 1920 г. – 18 марта 1921 г.) просматривается прямая взаимозависимость процесса решения финансово-экономической проблематики и осуществления ректификации пограничной линии. Советское руководство желало уменьшить общую сумму финансовых требований польской стороны (300 млн. золотых рублей) за счет тех или иных территориальных уступок. Это было итогом предложения Э. И. Квиринга, руководителя российско-украинской части территориальной комиссии, осуществить определенные изменения в линии, закрепленной в Прелиминарном мирном договоре. На заседании отмеченной комиссии 23 ноября 1920 г. советское предложение было положительно встречено польским руководителем Л. Василевским, однако «значительные территориальные изменения могли носить только рекомендательный характер» [233, л. 130]. В основе данного предложения лежал стратегический расчет: за счет определенных территориальных уступок польской стороне уменьшить ее финансово-экономические требования, принимая во взаиморасчет общую ценность той или иной территории.

После предварительного рассмотрения отмеченного предложения, польской стороной был предложен свой проект территориальных изменений. Среди основных участков, где должны были происходить изменения, выделялись три района ректификация: 1) зона соединения Минской и Витебской губерний (р. Ушачи – о. Ворон – р. Двинасса); 2) регион Несвиж – Тимковичи; 3) р. Морочь – р. Случь. Основной аргументацией стало значительное количество «польского населения» в первом и третьем районах и присутствие в южной части второго района искусственных водных сооружений, крупных водных систем, например, р. Припять [233, л. 180].

Экспертом по территориальным вопросам Е. Н. Егорьевым была озвучена позиция российско-украинской делегации. Осуществление ректификации предусматривалось только во втором и третьем районах. Согласно советским расчетам, за счет уступок в районах Несвиж – Тимковичи и р. Морочь – р. Припять можно было бы получить компенсации в зоне соединения Минской, Витебской и Виленской губерний. Таким образом, граница передвигалась в пользу российско-украинской стороны в районе р. Вилия – р. Рыбчанка – Левковы – к соединению Виленской и Минской губерний – о. Селявцы – р. Неман около устья р. Турчанки – далее условной линией к дороге Несвиж – Тимковичи. Однако, после подробного изучения такого варианта было решено, что большие территориальные уступки не могли стать реальностью по причине нахождения тут значительного количества лесных богатств, рассмотрение вопроса ректификации в районе р. Припять было отложено на неопределенное время [306]. В итоге работы территориальной комиссии обе стороны так и не приняли компромиссного решения. Польские дипломаты отвергли предложения российско-украинской стороны по причине непринятия в расчет этнографических показателей этих регионов (наличие там значительного количества польского населения).

В ходе деятельности территориальной комиссии польско-российско-украинской конференции был рассмотрен вопрос ликвидации так называемого «коридора Грабского». В итоге в пользу советской стороны было передано около 10–12 (12,2 или 13,5) тысяч квадратных вёрст территории. Дело «коридора» возникло еще на первом этапе рижских советско-польских переговоров (сентябрь–октябрь 1920 г.). Согласно стратегическим расчетам польского руководства, создание «коридора» было единственным средством отделения Литвы от Советской России в географическом плане [8].

На втором этапе рижских переговоров обе стороны понимали необходимость ликвидации «коридора». 23 ноября 1920 г. Г. В. Чicherин сообщал В. И. Ленину о предложении председателя польской делегации территориальной комиссии Л. Василевского осуществить ректификацию пограничной линии за счет территориальной или экономической компенсации. Отмеченный вопрос был неоднозначно воспринят российско-украинской делегацией [10]. Как размышлял Г. В. Чicherин в письме к А. А. Иоффе 24 ноября 1920 г., «коридор защищает нас от Л. Желиговского. Если же Вильно сделается польским городом, то ликвидация коридора не даст нам общей границы с Литвой», «а в качестве компенсации необходимо было бы отдать им лучшую часть Волыни» [33].

В итоге обе стороны пришли к компромиссному решению: осуществить ликвидацию «коридора Грабского» путем территориальной или экономической компенсации со стороны Советской России. Территориальные компенсации могли произойти за счёт территории

Волыни. После рассмотрения дела на особом заседании Политбюро ЦК РКП(б) была создана комиссия из Г. В. Чичерина, Л. Д. Троцкого и Х. Г. Раковского, которая должна была детально изучить данный вопрос и вынести соответствующее решение. Были предложены два возможных варианта: 1) осуществление компенсации за счет передачи конкретной территории или на Волыни, или в районе Слуцка; 2) экономическая компенсация. В итоге, вариант территориальных компенсаций был отклонен по причине ценности и важности названных участков пограничной линии. Но уже в январе 1921 г. польской стороне было передано около 3400 квадратных вёрст территории: частично на Волыни, частично на Полесье (на запад от Турова), частично в районе р. Вилии (земли вокруг Радошкович и Батурино). Эти присоединения, по словам А. А. Иоффе, являлись «личным подарком председателю польской делегации, при условии положительного решения экономических вопросов» [337, с. 168–174].

По утверждению Э. Войниловича, в ноябре 1920 г. на адрес министра иностранных дел Польши поступило несколько проектов редактирования пограничной линии, установленной Прелиминарным мирным договором 12 октября 1920 г. Первый проект ректификации касался района от Минска по р. Птич – на юг от Припяти и включал бы землевладения семьи Радзивиллов (Константин и Леон): Несвижский и Давид-Городокский майораты. Второй вариант корректировки пограничной линии касался участка от р. Птич до р. Случь, что позволило бы, по мнению авторов проектов, провести границу по суще и тем самым уменьшить количество пограничных столбов и охранников. Кроме этого, на адрес Я. Домбского от К. Радзивилла поступила личная просьба повлиять на ход установления пограничной линии и решить дело таким образом, чтобы так называемый «несвижский майорат» был включен целиком в состав Польши [450, с. 178].

Уже на первой неофициальной встрече двух руководителей делегаций А. А. Иоффе сообщил о получении предложения от польской стороны осуществить ректификацию границы, закрепленной в Прелиминарном мирном договоре [337, с. 137–139]. Накануне польская мирная делегация предложила осуществить определенные «пограничные корректировки» (около 10 тысяч квадратных вёрст). Председатель российско-украинской делегации уклонился от прямого ответа, ссылаясь на отсутствие необходимых полномочий на решение таких ответственных вопросов. VIII Всероссийский съезд Советов, проходивший 22–29 декабря 1920 г., рассмотрел польские предложения о проведении ректификации. Советское руководство признало возможным осуществление изменений пограничной линии только в случае уменьшения польской стороной экономических требований [337, с. 143–144]. Последующий ход рижских советско-польских переговоров отчетливо продемонстрировал, что достижение компромисса по вопросу проведения ректификации невозможно по причине высоких финансово-экономических требований польского руководства.

На местах проведение пограничной линии переходило в компетенцию Смешанной согласительной пограничной комиссии (Mieszana Komisja Graniczna), созданной в соответствии с дополнительным протоколом по исполнению статьи первой «Договора о прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой» от 24 февраля 1920 г. [301; 309]. Комиссия состояла из польской (Л. Василевский) и российско-украинско-белорусской (С. С. Пестковский) частей [71, л. 34–36]. В состав смешанной пограничной комиссии входила Центральная (главная) согласительная пограничная комиссия, располагавшаяся в Минске. Она осуществляла контроль и руководство подкомиссиями, проводила мероприятия по предотвращению конфликтных ситуаций, решение спорных случаев, переданных на рассмотрение из подкомиссий. В свою очередь в структуре Смешанной пограничной комиссии выделялись местные подкомиссии: Полоцко-Вилейская (Полоцк), Минско-Несвижская (Минск, Несвиж, Раков), Звягельско-Волынская (Ровно, Звягель), Полесская (Олевак, Лахва, после Лунинец) [4, л. 1–4.].

Согласно отчету председателя польской части Смешанной согласительной пограничной комиссии, Л. Василевского от 9 декабря 1922 г., об общем ходе установления границы между сторонами, возникали многочисленные сложности при установлении пограничных столбов, чему способствовали: схематический характер определения линии разграничения в мирном договоре 18 марта 1921 г., существование отличий в конфигурации границы на 10-вёрстной (российско-украинский вариант) и 3-вёрстной (польский вариант) картах, отсутствие конкретных населенных пунктов на предложенных картах, неточности во время определения пограничной линии на Полесском участке, существование вопроса разграничения пахотной земли между хозяевами и населенными пунктами, необходимость предварительного сбора информационного и картографического материала (планов, карт определенной местности), необходимость учета экономических нужд и этнографической специфики (факт поступления на адрес смешанной пограничной комиссии просьб местного населения о присоединении к Польше), существование проблем при проведении пограничной линии по рекам Случь и Корчик, связанных с отрывом населенного пункта от пахотной земли. В итоге работы Смешанной пограничной комиссии (подкомиссии Полоцко-Вилейская, Минско-Несвижская, Волынская) было установлено 464 пограничных столба (большинство на Полоцко-Вилейском участке границы – 263 столба) [309, с. 39–44]. В соответствии с протоколом заседания Смешанной пограничной комиссии от 2 мая 1921 г. работа по проведению пограничной линии должна была состоять из трех этапов: 1) сбор необходимой информации в виде топографических планов, кадастральных карт и планов; 2) на основе собранных данных нанесение на карты крупного масштаба линии разграничения; 3) действия по установлению пограничных столбов [376, с. 135].

Выбор той или иной альтернативы решения белорусского вопроса непосредственным образом зависел от военно-оперативного положения на польско-советском фронте, ситуации внутренней истощенности польской и советской сторон для дальнейшего продолжения военной кампании. Эти факторы повлияли на итоге голосования в рядах польской делегации в пользу инкорпорационистской концепции решения восточного вопроса. На процесс определения конфигурации пограничной линии оказало влияние стремление советского руководства определенным образом уменьшить финансово-экономические требования польской делегации за счёт осуществления некоторых пограничных изменений (ректификации границы). Влияние польского местного населения (в первую очередь крупных землевладельцев) на ход определения линии разграничения, через направления петиций и делегаций к польским правительенным кругам, было незначительным и не принесло желанных итогов.

4.3. Деятельность Польско-российско-украинской военной согласительной комиссии. Процесс создания и функционирования нейтральной зоны

Непосредственным итогом работы Рижской мирной конференции на первом этапе стало подписание Прелиминарного мирного договора и «Договора о перемирии» 12 октября 1920 г. Прелиминарный мирный договор не предлагал конкретно определенных путей решения белорусского вопроса: была определена линия разграничения: по линии Збруч – Ровно – Сарны – Лунинец – на запад от Минска – Вилейка – Дисна – р. Двина; осуществлялось признание (статья I) независимости «Беларуси», однако интерпретация термина происходила скорее в географическом, чем в государственно-политическом плане.

Стремление польской стороны рассматривать Прелиминарный мирный договор с РСФСР и УССР как исключительно временную меру решения вооруженного конфликта приводило к различным интерпретациям решения белорусского вопроса (в том числе и на примере реализации «Договора о перемирии»), что выявилось во время второго этапа рижских советско-польских переговоров (17 ноября 1920 г. – 18 марта 1921 г.). До конца не была отброшена польским руководством федералистическая программа решения «восточного вопроса», основные сторонники которой находились в составе польской военной делегации (М. Кулинский, И. Матушевский), оставалась возможность успешных итогов военной борьбы Народной добровольческой армии (НДА) под командованием С. Н. Булак-Балаховича.

Позиция польского руководства, представленная во время заседания Совета Министров Польши 22 ноября 1920 г., исходила из выбора между

двумя альтернативами: осуществления военных действий путем оказания поддержки «белорусским и украинским военным формированиям», что позволило бы определенным образом изменить пограничную линию в пользу Польши (главнокомандующий Т. Развадовский); или продолжения мирных переговоров, придерживаясь пунктов Прелиминарного мирного договора (И. Дашиньский, В. Витое) [308; 312]. На процесс принятия окончательного решения повлиял факт негативных итогов борьбы НДА с Красной Армией. Определенную двойственность позиций в составе польской мирной делегации отмечал А. А. Иоффе в письмах из Риги к Г. В. Чичерину, указывая на несовпадение высказываний Я. Домбского во время работы главной комиссии и в рамках неофициальных встреч и некоторых членов делегации, которые работали в рабочих комиссиях (Г. Страсбургер, Р. Кноль) [232, л. 28]. Непоследовательность действий Польши было продемонстрировано во время направления дипломатической ноты Я. Сапего Г. В. Чичерину, в которой польская сторона возлагала ответственность за затягивание мирных переговоров на российско-украинскую делегацию, одновременно ставились проблемы получения военных гарантий от возможного нападения и продолжения срока перемирия. Самостоятельные действия польского министра иностранных дел, которые не согласовывались с польской мирной делегацией, намерение направить в Ригу «сеймовую» (многопартийную и плюралистическую) делегацию не только подрывали авторитет Я. Домбского, как председателя делегации, но и демонстрировали стремление Я. Сапего снять с себя ответственность за подписание мирного договора, который не будет принят частью польского общества и, возможно, странами Антанты и США. Зависимость внешнеполитической линии Польского государства от позиций Великобритании и Франции стала итогом нерешенности вопроса с принадлежностью территории Верхней Силезии и проблематичностью польско-литовских отношений. Эти факторы заставляли руководителя Министерства иностранных дел учитывать позицию отмеченных европейских стран, но одновременно стремиться к ликвидации любой возможности иноземного вмешательства в переговорный процесс. Я. Сапего неоднократно обращался к польскому представителю в Лиге наций И. Падеревскому с просьбой содействовать невмешательству Лиги наций и стран Антанты в ход советско-польских переговоров в Риге [304].

Основное содержание мирных переговоров ноября 1920 г. – марта 1921 г. составляли усилия обеих сторон по практической реализации условий Прелиминарного мирного договора и дальнейшей корректировки или конкретизации некоторых наиболее неразработанных, спорных вопросов (финансово-экономических, юридическо-правовых, обмена заложниками и военнопленными). На продолжении конца октября – ноября 1920 г. непосредственное внимание обеих сторон была обращена на осуществление основных статей «Договора о перемирии».

«Договор о перемирии» – актовый исторический источник, который состоит из двенадцати статей, определял условия эвакуации военных частей, условия остановки военных действий с 18 октября 1920 г.; предусматривал создание Смешанной военной согласительной комиссии (Mieszana Wojskowa Komisja Rozjemcza) и нейтральной зоны; условия отказа от выполнения «Договора о перемирии» [79, с. 253–256].

Подготовка текста «Договора о перемирии» была начата при непосредственном участии военных специалистов польской (М. Кулинский, И. Матушевский) и российско-украинской (А. А. Поливанов, В. А. Семёнов) сторон. Однако в связи со смертью 25 сентября 1920 г. главного военного эксперта российско-украинской делегации, бывшего генерала от инфантерии, военного министра А. А. Поливанова, по решению советского руководства был приглашен С. М. Киров, прибывший в Ригу 5 октября 1920 г. [230, л. 1–2], что значительно ускорило подготовку текста документа. Основные спорные моменты возникли при определении срока приостановки военных действий: рассматривались варианты от 72 до 144 часов после подписания Прелиминарного мира, и размеров нейтральной зоны от 15 до 30 километров от линии разграничения. Представители польской делегации выступили за определение более продолжительного срока до окончательной остановки военных действий, за постепенную эвакуацию военных единиц.

С целью контроля за исполнением «Договора о перемирии», а также для решения недоразумений, которые могли возникнуть между сторонами, предусматривалось создание Смешанной военной согласительной комиссии; ее состав, местонахождение, компетенция и исполнительные органы определялись высшим командованием обеих сторон по взаимной согласованности. Польско-российско-украинская военная согласительная комиссия (ПРУВСК), созданная в соответствии с восьмой статьей «Договора о перемирии», находилась в непосредственном подчинении главного командования обеих сторон, которое одновременно определяло функции и полномочия комиссии. Фактически ПРУВСК стала связным элементом между главным командованием и председателями польской и российско-украинской мирной делегаций по вопросам осуществления основных пунктов «Договора» и существования нейтральной зоны.

Среди функций ПРУВСК необходимо выделить: контрольную (надсмотр на выполнением основных пунктов «Договора о перемирии» и принятие соответствующих мер по наказанию и пресечению нарушений), информационную (донесение информации о положении нейтральной зоны, общей жизнедеятельности комиссии), организационно-распорядительную (разработка, принятие нормативных документов по уточнению основных пунктов «Договора» и нормализации деятельности нейтральной зоны).

В полномочия комиссии входили: 1) право использования военных единиц (при согласии и непосредственном участии главного командования соответствующей стороны) для ведения борьбы с бандитизмом и дезертирством; 2) право внесения предложений по редактированию общего содержания «Договора о перемирии»; 3) право разработки и принятия организационно-распорядительной документации (постановлений, инструкций) с целью уточнения пунктов «Договора».

Польско-российско-украинская военная согласительная комиссия была создана в Барановичах 25 октября 1920 г., состояла из польской части под руководством первоначально Ю. Рыбака, а с ноября 1920 г. по июль 1923 г. – Я. Гемпеля, и российско-украинской части под руководством первоначально К. И. Шутко, а с середины ноября 1920 г. – И. Г. Иорданского [11]. Местонахождение ПРУВСК в начале ноября 1920 г. было перенесено в Минск; однако председатель российско-украинской части для предотвращения осуществления польскими представителями агитационной и иной деятельности, которая бы выходила за границы их полномочий, в том числе проведения разведывательных мероприятий, требовал изменения места работы комиссии на Новозыбков или Речицу, которые находились на значительном расстоянии от линии разграничения [11, л. 15; 336, л. 57]. Обеспокоенность И. Г. Иорданского объяснялась значительным количеством представителей II отдела Генерального штаба ВП, структуры, ответственной за проведение разведки и контрразведки в составе польской делегации, многочисленными встречами с представителями польской общественности Минска. Из донесения С. Воевудского председателю польской мирной делегации в Риге от 6 ноября 1920 г., стал известен факт многочисленных встреч представителей польской делегации с белорусскими политическими кругами и, таким образом, сбора необходимой информации о функционировании белорусской советской государственности и общем положении белорусского вопроса. В отмеченном донесении указывалось на чрезвычайную актуальность белорусской проблематики, выказывался совет обратить пристальное внимание на этот вопрос, в том числе и в связи со «странным поведением белорусского советского правительства», которое «до этого времени никаким образом себя не проявило, как бы боясь заявить о своём существовании» [23, л. 11].

В связи с этим, представители польской делегации ПРУВСК были допущены (по решению ВРК БССР, при официальном согласии руководства РСФСР) к участию в пленарных заседаниях III съезда Советов БССР (22–25 ноября 1920 г.), однако им был ограничен доступ к работе рабочих комиссий съезда. Накануне во время телефонного разговора В. Г. Кнорина с Г. В. Чичериным по этому вопросу, последний предупреждал об опасности, которая исходит от польской делегации, которая только и «ждёт: не будет ли нарушен принцип самоопределения и право на независимость», поэтому необходимо, чтобы к ним не попал материал «неудобный для наших отношений», или каким-либо образом

показать, что белорусская республика является только видимостью и прикрытием каких-то дипломатических целей, особенно во время обсуждения «внутренних вопросов», и «взаимоотношений между советскими республиками» [196, л. 125–130].

Ключевым моментом деятельности ПРУВСК стало создание нейтральной зоны – полосы протяженностью в 15 километров от зафиксированной линии фронта на момент остановки военных действий^[4]. Нейтральная зона – в международном праве – конкретно определенный географический район, в котором запрещается подготовка военных действий и который не может быть использован в качестве театра военных действий. В данном случае существование нейтральной зоны ограничивалось временным отрезком условно с 12 октября 1920 г. до 2 апреля 1921 г. и территориальным пространством в 28 волости Минского, Игуменского, Борисовского, Слуцкого, Мозырьского уездов [211, л. 34]. Отмеченная полоса передавалась в административное управление той страны, которой отходила территория по Прелиминарному договору, в зоне запрещалось нахождение любых вооруженных сил [199, л. 9].

Проблемным моментом создания и существования нейтральной зоны стало отличие трактовок и подходов при объяснении пунктов «Договора о перемирии». Польская военная делегация считала создание нейтральной зоны временным явлением: территория полосы передавалась только на временное административное управление польской или российско-украинской стороне, дальнейшая ее судьба должна быть решена опросом местного населения. В том числе предусматривалась «возможность признать действующий в данный момент режим управления» [90, с. 245–246], что можно было трактовать по-разному, в том числе признать в качестве легитимной власти управляющие органы, оппозиционные советской форме власти (в том числе власть Белорусского политического комитета)

Российско-украинская военная делегация считала нейтральную зону исключительно «стратегической гарантией на случай начала военных действий, враждебных Польши» [210, л. 53]. Отрицалась возможность предоставления права местному населению нейтральной зоны высказаться о дальнейшей судьбе этих земель.

Пятнадцатикилометровая полоса воспринималась как территория, которая «передавалась в постоянное владение российско-украинской власти и БССР». В связи с явными расхождениями в подходах к пониманию нейтральной зоны, выявились не только многочисленные столкновения между председателями военных делегаций, но отличалась и та политика, которую осуществляли обе стороны на своей части нейтральной зоны.

В нейтральной зоне, согласно «Положению ЦИК БССР о районных революционных комитетах в нейтральной зоне» от 18 декабря 1920 г., предусматривалось создание районных революционных комитетов,

состав которых утверждался Народным комиссариатом внутренних дел БССР и РВС Западного фронта. Комитеты, общим количеством в 3–5 человек, создавались на расстоянии в 30–40 вёрст вдоль границы нейтральной зоны и на 15 километров вглубь от границы [206, л. 54]. Районный революционный комитет нейтральной зоны непосредственно подчинялся уездному исполнительному комитету и без его приказа не имел права оставлять подчиненного района зоны, законодательно свою деятельность строил на основе постановлений высших органов советской власти; осуществлял борьбу с грабежами, реквизициями, конфискациями, убийством граждан нейтральной зоны, борьбу с дезертирством, бандитизмом [74, л. 68; 211, л. 35]. Установление контроля и организация временной советской власти в нейтральной зоне происходили путем направления политработников, которые фактически имели всю полноту власти. Кроме того, в нейтральной зоне действовал широкий контингент советской милиции (по 50 человек на волость) [207, л. 68].

В польской части нейтральной зоны установление гражданского управления передавалось в распоряжение Управления прифронтовых и этапных территорий, но после его ликвидации 27 ноября 1920 г. территория перешла в полное подчинение военной администрации, что фактически изменило основное содержание существования нейтральной зоны. 6 ноября 1920 г. приказом Министерства военных дел Польши была создана пограничная служба (Kordon Graniczny Ministerstwa spraw wojskowych). После подписания Прелиминарного мирного договора и окончательного вывода польских войск с территории нейтральной зоны, контроль над выполнением пунктов «Договора о перемирии» передавался Государственной полиции (Policja Państwowa). Главными задачами обеих этих структур стал надзор за личными и торговыми перемещениями через линию разграничения. Пограничная служба состояла из полевой жандармерии и отдельных военных подотделов. В марте 1921 г. пограничные службы были полностью подчинены фронтовым инспекциям II и VI армий Войска Польского [376, с. 132].

Особенно остро стоял вопрос борьбы с бандитизмом в нейтральной зоне. Так называемые «банды» совершали жестокие нападения, «разоружали организованные революционные комитеты и не давали возможности провести организацию советской власти» [210, л. 207]. На заседании ЦБ КП(б)Б 10 января 1921 г. отмечалось, что в нейтральной зоне собираются банды под охраной польских войск, направленные малочисленные отряды Красной Армии были разбиты. Согласно телеграмме председателя ПРУВСК И. Г. Иорданского в Народный комиссариат внутренних дел [201, л. 3, 7; 107], из-за появления вооруженных формирований в районе Радошкович отдельным постановлением ПРУВСК было решено срочно ввести отряд для борьбы с этими частями и оказать местным властям военную помощь общим количеством в 300 человек при 4–6 пулеметах. Российской-украинской делегацией неоднократно на адрес аналогичной польской делегации

направлялись ноты протesta с приведением списка нарушений девятой статьи Прелиминарного мирного договора (реквизиции, налеты на сельское население, кражи), что фактически нарушало правила жизнедеятельности нейтральной зоны [199, л. 33 об.]. Главными причинами возникновения так называемых «бандитских формирований» на территории нейтральной зоны председателем российско-украинской части ПРУВСК И. Г. Иорданским называлось «отсутствие спланированной политической работы, так как организация революционных комитетов, происходила с некоторым опозданием, чаще они выступали в качестве органов контроля и принуждения; кроме этого велась успешная агитационная работа С. Н. Булак-Балаховича (распространение изданий “*Žviastuna*”), отсутствие войск Красной Армии, неуверенность местного населения, что территория нейтральной зоны в будущем станет самостоятельным образованием» [199, л. 11–12]. Среди местного населения нейтральной зоны царило чувство нестабильности и неуверенности положения [72; 73]. Во время многочисленных собраний-митингов, организованных политработниками революционных комитетов типа «Мир с Польшей и задачи советского строительства в Беларуси», местные жители обращались с вопросами о территории Беларуси, прочности заключенного мира, самоопределения Беларуси, форме власти, которая будет установлена в будущем [206, л. 37].

Политработники революционных комитетов нейтральной зоны не всегда могли дать ответы на требования населения.

Несмотря на донесения председателя российско-украинской делегации ПРУВСК, на территории нейтральной зоны советским руководством проводилась широкая агитационная работа путём распространения различных брошюр, листовок [199, л. 24], что приводило к направлению протестов от польских представителей в Польско-российско-украинскую военную согласительную комиссию. Проведение широкой «культурно-просветительной» работы поручалось Народному комиссариату просвещения путём направления специально подготовленных инструкторов» [199, л. 25]. Польская сторона, в свою очередь, проводила агитационную работу среди бойцов Красной Армии путём распространения специальной литературы, листовок, брошюр, из содержания которых становилось очевидным, что борьба, которую ведет Советская Россия, имеет захватнический характер, содержался призыв к переходу к мирной работе и остановке военных действий [19].

Установление нейтральной зоны столкнулось с проблемой эвакуации военных частей, необходимостью ведения войсками Красной Армии вооруженной борьбы с частями С. Н. Булак-Балаховича и С. В. Петлюры. Сложность ситуации выливалась в продолжительный процесс обмена нотами между сторонами, инициатива которых исходила из советской стороны. Основной целью направления нот протesta Советской России к Польше по версии А. А. Иоффе в телеграмме к Г. В. Чичерину, «создать видимость угрозы войны для Польши, таким образом, изменить общий настрой польского общества, предупредить вероятность повышения

популярности основных постулатов политики буферизма» [225, с. 125–126]. Руководитель российско-украинской мирной делегации неоднократно обращал внимание (в письмах к Г. В. Чичерину и в дальнейшей работе [98]) на рост “буфералистких” тенденций в польском обществе, что, по его мнению, замедляло работу мирной конференции и отображалось на работе ПРУВСК. По мнению А. А. Иоффе, повышение популярности постулатов «буферализма» (читай, федералистической концепции решения «восточного вопроса») было связано с «нерешенностью вопроса с П. Н. Врангелем», «после ликвидации которого Польша вынуждена была «одуматься» и склонится к реальной политике» [237, л. 23].

Проблема эвакуации польских военных частей с территории нейтральной зоны за период с середины октября 1920 г. до марта 1921 г. поднималась в 9-ти дипломатических нотах (от имени народного комиссара иностранных дел РСФСР, председателя российско-украинской делегации на мирных переговорах с Польшей), на которые были получены соответственно 6 ответных посланий [79]. Основным объяснением польской стороны нарушений условий эвакуации военных частей стала проблема возникновения в отдельных районах эпидемических заболеваний, которые могли быть распространены польскими солдатами. Возникла спорная ситуация в случае дела сахарных заводов на Волыни (территория УССР): в соответствии с протоколом от 14 ноября 1920 г. предусматривалось «оставить необходимую военную охрану к моменту её замены соответствующей охраной российско-украинских войск» [23, л. 16].

Проблема эвакуации поднималась 13 и 14 ноября 1920 г. во время совещаний председателей польской и российско-украинской мирных делегаций [12, с. 469–475], на которых сторонами еще раз подтверждались условия и сроки вывода польских военных единиц, «незамедлительно и в соответствии со статьей шестой «Договора о перемирии», это значит не позже 19 ноября 1920 г. в 24 часа по среднеевропейскому времени [23, л. 10], на тех территориях, «где это не выполнено». К сожалению, даже после этих уточнений условий эвакуации, возникли сложности, особенно на южном участке линии разграничения (Копаткевичи – р. Птич – р. Припять) [11, л. 54], что вызывало сомнения у представителей советской стороны в миролюбивом характере поведения Польши и стремлении осуществить реализацию «политики буферизма» [238, л. 17]. Однако уже к 24 ноября 1920 г. польские войска окончательно завершили эвакуацию на участке на юг от Несвижа, и через два дня эту территорию заняли советские военные формирования [392, с. 200].

Неторопливость польской стороны во время эвакуации войск из территории нейтральной зоны объяснялось не только эпидемическими заболеваниями и вопросом сахарных заводов. Польское руководство, в соответствии с инструкцией Министерства иностранных дел Польши

своим дипломатическим представителям от 16 октября 1920 г., исходя из факта недолговечности заключенного Прелиминарного мирного договора, по причине неопределенности итогов в борьбе Советской России и П. Н. Врангеля, рассматривала два возможных варианта развития событий. Первый возможный вариант развития событий: в случае победы войск Красной Армии над Вооруженными силами Юга России могла возникнуть угроза нападения на Польшу с советской стороны. В этом случае признавалось необходимым оказать поддержку всем враждебным Советской России элементам («как русским, так и украинским, белорусским, кавказским») как будущим союзным формированиям [42, с. 205–206]. Во втором варианте, при победе войск П. Н. Врангеля и других антибольшевистских сил над Красной Армией становилась актуальной проблема «польско-русского» территориального разграничения. Не было уверенности в признании пограничной линии Прелиминарного мирного договора «белыми» российскими силами. Польская сторона при таком варианте выступала в качестве сепаратной силы, которая заключала перемирие с Советской Россией по причине экономической истощенности государства и отсутствия внешней поддержки со стороны стран Антанты [81, с. 426–427].

Согласно планам Военного совета Антанты об организации совместных действий польской армии с П. Н. Врангелем, предусматривалось создание оборонительного барьера на восточной границе Польши, необходимого для оттягивания на Западный фронт значительной части сил Советской России [36, с. 357]. Антибольшевистское сопротивление должно было осуществляться только силами русских формирований, избегая вероятности польского вмешательства. Признавалось право на создание самостоятельных государственных образований на Украине, Беларуси, которые будут находиться в федеративной связи с будущим российским государством [42, с. 134–135].

В ноябре-декабре 1920 г. проходил ряд встреч членов дипломатического представительства БНР на Парижской мирной конференции Е. П. Урбановича и П. А. Вента с польским полномочным представителем во Франции М. Замойским. Основной проблематикой встреч стали вопросы, связанные с признание де-факто БНР странами Антанты, а также польско-белорусских отношений, взаимоотношений представительства БНР с французскими правительственные кругами. Благодаря установлению благоприятных отношений между дипломатическим представительством БНР и отдельными представителями Министерства иностранных дел Франции (Quai d'Orsay), удалось узнать о намерениях Лиги наций осуществить идею проведения ряда плебисцитов на землях, находящихся на восток от линии 8 декабря 1919 г. Среди политических требований белорусских представителей были отмечены не только признание де-факто БНР, но и создание возможности созвать Белорусское учредительное собрание, которое решало судьбу белорусских земель, освобождение территории Беларуси от «чужих» войск. Единственной проблемой белорусского национального движения,

как было отмечено и польским послом, и белорусскими представителями, являлась разобщенность белорусских сил по различным политическим центрам (Рига, Париж, Ковно, Варшава).

Статья вторая Прелиминарного мирного договора запрещала “создавать и поддерживать организации, ставящих себе целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, имеющих целью ниспровержение государственного и общественного строя другой стороны, покушающихся на территориальную целостность её, равно как и организаций, присваивающих себе роль правительства другой стороны» [79, с. 244–247]. А такие вооруженные силы и организации имелись. В Беларуси создавались подразделения польской Красной Армии. Но их быстро вывели на Урал, а после ратификации договора совсем расформировали. Польское бюро ЦК РКП(б) было ликвидировано в ноябре 1921 г., а польские курсы красных командиров, созданные в сентябре 1920 г. в Бобруйске, в ноябре были переведены в Москву [119, с. 93–98]. Сложнее обстояло дело с польской стороны. Еще в августе 1920 г. руководитель

Русского политического комитета в Варшаве Б. В. Савинков в письме к Ю. Пилсудскому сообщал, что на 23 августа сформирован штаб Российской армии, три стрелковых полка (по 200–460 человек), два полка казаков (оренбургских и кавказских), дивизион артиллерии и другие части – всего 2711 человек, в том числе 710 офицеров [65, с. 424–426]. Во время летней кампании 1920 г. на территории Полесья действовал и отдельный отряд под командованием генерала С. Н. Булак-Балаховича, который также считался чужеродным войском и после ратификации договора о перемирии подлежал разоружению или должен был перейти на территории нейтральной зоны. К 20 октября 1920 г., на момент полной остановки военных действий, линия Юго-Западного фронта проходила следующим образом: р. Уборт (на юг от Турова) – район Олевска – р. Случь – район Новгорода-Волынского – м. Литии – р. Мурофа до впадения ее в р. Днестр около г. Ямполь.

Главное командование Польши поставило перед военными формированиями С. Н. Булак-Балаховича, С. В. Петлюры, III Русской армии выбор: проведение дальнейшей самостоятельной борьбы против Советской России или интернирование. Все они и Б. В. Савинков выбрали первый вариант. На совещании от 12 октября 1920 г. был выработан план дальнейших действий. С. Н. Булак-Балахович должен был захватить территории по линии Овруч – Мозырь – Жлобин с дальнейшим продвижением на Бобруйск – Борисов [164, с. 301].

Еще 27 августа 1920 г. было подписано соглашение между Б. В. Савинковым и генералом С. Н. Булак-Балаховичем, согласно с которым генерал принял политическую программу: созыв Учредительного собрания, передача земли тем категориям населения, которые ее обрабатывают, установление демократического строя, создание на территории бывшей Российской империи цепи государственных

образований, объединенных федеративной связью; подчеркивалась независимость военного руководства. Согласно договоренности между «Русским политическим комитетом Бориса Савинкова» и польским генштабом, а также Б. В. Савинковым и С. Н. Булак-Балаховичем, на территории, которая будет освобождена войсками НДА, планировалось создать буржуазно-демократическую республику во главе с Б. В. Савинковым, которая должна стать союзом народов (федерацией). 27 августа 1920 г. военное министерство Польши предписывало всем военным округам провести вербовку добровольцев в дивизию С. Н. Булак-Балаховича из числа военнопленных красноармейцев, подчеркивая, что «эта кампания будет носить временный характер» [42, с. 122–124].

План сотрудничества Польши с политическими силами так называемой «третьей» России начал реализовываться на практике. При этом, под «третьей» Россией понималось государственно-политическое объединение, основанное на принципах крестьянской демократии, основах равенства и свободы, с представлением права каждого народа на самоопределение. Борьба с Советской Россией происходила путём объединения всех антибольшевистских сил, в том числе через использование местных крестьян [240].

Сложности с отходом польских войск (особенно на южном участке линии фронта), наступление военных единиц Народной добровольческой армии под командованием С. Н. Булак-Балаховича в направлении Овруч – Мозырь – Жлобин с 25 октября по 20 ноября 1920 г. создавали реальную угрозу осуществления основных пунктов Прелиминарного мирного договора. Именно с южного участка линии фронта могла быть начата новая наступательная операция против Красной Армии, хотя и силами НДА, но при активной поддержке польской стороны (прикрытие левого фланга от нападения Красной Армии). Эта наступательная акция могла быть направлена с юга в центральную часть территории Беларуси, иметь целью захват Минска как столицы будущего белорусского государства [392, с. 175]. Армия С. Н. Булак-Балаховича сконцентрировалась в районе Столин – Микашевичи – Туров, а штаб находился в Кожан-Городке. Сюда 2 ноября приехала английская миссия в составе капитана авиации, С. Рейли и корреспондента газеты «Таймс» П. Дьюкса [42, с. 234–235]. Они заверили генерала, что Великобритания в случае удачи обеспечит армию вооружением и амуницией. Однако, 28 октября 1920 г. поступила нота руководителя торговой делегации РСФСР Л. Б. Красина министру иностранных дел Великобритании Д. Керзону с просьбой не оказывать военной или материальной помощи военным формированиям С. Н. Булак-Балаховича, С. В. Петлюры, сохранять нейтралитет в этом деле, что уменьшила ступень решимости Великобритании. [42, с. 219].

6 ноября войска С. Н. Булак-Балаховича перешли в наступление вдоль Припяти. 10 ноября был занят Мозырь, а через день – Калинковичи, 17

ноября – Речица и некоторые другие местности. 7 ноября в Турове С. Н. Булак-Балахович торжественно передал освобожденную от большевиков территорию Белорусскому политическому комитету, который был создан в начале октября в Варшаве [49]. Однако, обстоятельства сложились не в пользу НДА: уже 20 ноября 1920 г. Красная Армия заняла Мозырь и до конца месяца отбросила отряды С. Н. Булак-Балаховича на польскую сторону, где, согласно условиям перемирия, они были частично интернированы или частично перешли в нейтральную зону вдоль границы, откуда еще некоторое время продолжали нападать на советские войска.

Решение о ликвидации нейтральной зоны было принято 2 апреля 1921 г.: до окончательного решения пограничных дел в бывшей нейтральной зоне создавались районы и революционные комитеты, вместо волостных исполнительных комитетов. Обе стороны начали осуществлять подготовительную работу по установлению долговечной пограничной линии путем создания Смешанной согласительной пограничной комиссии [4]. Нестабильность ситуации чувствовалась во время установления и существования нейтральной зоны и деятельности Польско-российско-украинской военной согласительной комиссии, работы мирной конференции в Риге. Несмотря на проблемный характер существования нейтральной зоны, советская и польская стороны приступили к установлению административного управления с использованием единиц милиции. Проблемность функционирования ПРУВСК была итогом общей позиции обеих сторон, которые расценивали Прелиминарный мирный договор как временную меру решения спорных ситуаций. Общее содержание работы комиссии связано со спецификой установления нейтральной зоны и осуществления эвакуации военных единиц, борьбы с враждебными формированиями.

На втором этапе советско-польских переговоров в Риге (ноябрь 1920 г. – март 1921 г.) белорусский вопрос переходит в разряд внутренней проблематики Советской России. Советское руководство с ноября 1920 г. окончательно отказалось от участия белорусского советского представителя в работе мирной конференции, ограничиваясь мандантом от 10 сентября 1920 г., начало укреплять союзные отношения, которые приводили к переводу БССР в «составную часть РСФСР». Решения III съезда Советов БССР (22–25 декабря 1920 г.), касающиеся государственного и партийного строительства, фактически показали подчиненность всех мероприятий (кроме местных требований) республики центральному советскому руководству. Законодательно это было закреплено в «Договоре БССР и РСФСР» от 16 января 1921 г. В содержании Рижского мирного договора от 18 марта 1921 г. самостоятельное выделение белорусской проблематики происходит только в статье II (официальное признание независимости Беларуси и вопрос территориального разграничения Польши и Беларуси), статьях III и IV [отказ от любых прав и обязательств на земли, находящиеся на

запад (или на восток) от границы)], статье VII (вопрос свободного культурного и религиозного развития национальных меньшинств). В иных случаях происходит отождествление дефиниций «белорусский» и «российский».

4.4. Юридически-правовые и финансовые аспекты советско-польских переговоров в Риге

Финансово-экономическая проблематика являлась одним из ключевых моментов второго этапа рижских советско-польских переговоров, которая была тесно связана с решением вопроса ректификации линии разграничения, закрепленном в Прелиминарном мирном договоре. Взаимоподчиненность хозяйственной жизни и финансовой системы БССР стала итогом «Договора ССРБ и РСФСР» от 16 января 1921 г., это давало возможность советскому руководству рассматривать территорию Беларуси, как пространство, за счет которого будет возможно осуществить выплаты финансовых обязательств польской стороне. Концессионная система выплат, предложенная российско-украинской делегацией, должна была происходить и за счет лесных массивов БССР, что наносила бы значительные экономические потери и так истощенному хозяйству страны. Предоставление концессий польской стороне на леса в пограничном польско-белорусском регионе могло бы вызвать недовольство местного населения и создать ситуацию нестабильности во всей белорусской советской республике. Сложности решения финансово-экономических вопросов были итогом выставления значительно завышенных требований от 300 млн. золотых рублей, как эквивалентной суммы участия Польши в экономической жизни бывшей Российской империи, а затем ее уменьшения до 30 млн. золотых рублей.

Первоначально польская сторона выступила с цифрой в 296 млн. золотых рублей, что вызывало негативную реакцию советского руководства («скандально высокая цифра, которая должна быть уменьшена до разумного уровня»), настаивала на ее выплате только в виде концессий, ни в коем случае не в золоте («железная руда в Кривом Роге», например) [224, с. 118–119]. Во второй половине декабря 1920 г. польская делегация представила проект в 236 млн. золотых рублей, советская сторона настаивала на 30 млн. рублей, как цифры, пропорциональной количеству населения [10]. Польская сторона не отступала ни на шаг, аппелируя к уровню развития польских земель в составе бывшей Российской империи. А. А. Иоффе даже предлагал председателю финансово-экономической комиссии Г. Страсбургеру решить это дело через заключение тайного договора, однако польский представитель отверг эту идею [17].

Остро стоял вопрос эвакуации негосударственного имущества, в том числе финансовых фондов общественных объединений (стипендиальный фонд состоял из 4 млн. рублей, фонды городских и уездных советов – около 17 млн. рублей), в отношении которых советская сторона настаивала на возвращении этих сумм в тогдашней советской валюте, а не в золотых рублях [224, с. 173, 195]. Проблемным оставалось дело возвращения архивов, библиотек, предметов искусства, военно-исторических трофеев, древностей и других предметов культурного наследия, которые были вывезены из Польши со временем ее разделов. Еще во время подготовки Прелиминарного мирного договора В. И. Пичетой, членом юридическо-правовой комиссии российско-украинской делегации, был подготовлен список архивных и библиотечных комплексов, которые должны быть вернуты польской стороне (12 окружных, 8 губернских, 2 монастырских, 2 рукописных сбора, 6 музеиных сборов, 250 тыс. томов библиотечных сборов) [33, л. 1-17].

16 декабря 1920 г. произошла третья неофициальная встреча председателей польской и российско-украинской делегаций. Главной темой стала финансово-экономическая проблематика. А. А. Иоффе обвинял польскую сторону в неуступчивости, чрезмерных претензиях польского специалиста Г. Страсбургера, вице-министра промышленности и торговли. Аргументом для лучшей сговорчивости председатель российско-украинской делегации приводил необходимость в заключении быстрого мира по причине планируемого плебисцита в Верхней Силезии, ситуацию экономической нестабильности в Польском государстве. А. А. Иоффе, поднимая проблему ректификации пограничной линии, дал понять членам польской делегации, что получение каких-нибудь уступок в территориальном плане будет возможно только в случае благоприятного для обеих сторон решения финансово-экономического вопроса [337, с. 149–150]. 20 января 1921 г. было рассмотрено в очередной раз дело взаиморасчета: российско-украинская сторона настаивала на 30 млн. золотых рублей, а Польша выставляла претензии на 307 млн. золотых рублей.

В письме А. А. Иоффе к Г. В. Чичерину 9 февраля 1921 г. отмечалась зависимость Я. Домбского от Г. Страсбургера во время решения экономических вопросов («танцует тогда, когда Страсбургер заиграет») [9]. По причине возникших проблем, нежелании польской стороне идти на уступки, 14 февраля А. А. Иоффе решил принять кардинальные меры: выставить ультиматум – или закрепление предложенных советских условий, или остановка переговоров [22]. Этот шаг председателя российско-украинской делегации вызвал остановку переговорного процесса, как заседаний председателей, так и работ комиссий.

Обе стороны поняли, что остановка мирных переговоров и разрыв отношений негативным образом может оказаться на международном авторитете, как Польши, так и Советской России. Советская сторона, так

или иначе, настаивала на своих требованиях (30 млн. золотых рублей). Это заставило польскую сторону пойти на уступки. И. Матушевский, военный эксперт в составе польской делегации, аргументировал этот шаг Польши «в связи с достижением взаимопонимания по другим спорным вопросам» [331, с. 83–84].

19 февраля 1921 г. Я. Домбский предложил А. А. Иоффе провести встречу в «четыре глаза», без присутствия секретарей. В итоге была достигнута договоренность по вопросу резерва золота, председатель польской делегации согласился на принятие суммы в 30 млн. золотых рублей, которая была итогом активного участия Польши в хозяйственной жизни бывшей Российской империи. Советская сторона, которая открыто заявила, что не владеет достаточным количеством золота, соглашалась выплатить только 3–4 млн. золотом, остальную же часть концессиями или драгоценными камнями, другими природными ресурсами [337, с. 165–166]. Стремление польской стороны пойти на уступки позволило прийти к компромиссу по вопросу оптации населения в рамках юридическо-правовой комиссии.

Определение окончательных размеров и способов платежа происходило перед заключением мирного договора, при активном участии сотрудника Народного комиссариата внешней торговли, торгового представителя РСФСР в Великобритании, председателя советской делегации на торговых советско-английских переговорах Л. Б. Красина и Я. К. Стечковского, министра финансов Польши. 11–13 февраля 1921 г. оба представителя прибыли в Ригу. По утверждению Я. Домбского, приезд Я. К. Стечковского имел большое влияние на общий ход переговоров, склонил российско-украинскую сторону к экономическим уступкам [337, с. 179].

Накануне, 12 февраля 1921 г. проходила неофициальная встреча А. А. Иоффе с Я. Домбским, во время которой председатель польской делегации дал согласие на получение 30 млн. золотых рублей, но при условии выплаты их золотом. Согласно дипломатической переписки Г. В. Чичерина и А. А. Иоффе, Советская Россия не владела необходимым количестве золотых запасов, да и вообще платежная способность российско-украинской стороны была достаточно слабой. В итоге переговоров Л. Б. Красина и Я. К. Стечковского, 21 февраля 1921 г. была достигнута договоренность о выплате 15 млн. золотых рублей золотом, а остальную часть погасить путем продажи ценных камней на протяжении 2–3 лет [337, с. 176–179] при польском посредничестве на американском рынке. Решение вопроса взаиморасчета позволило 24 февраля 1921 г. подписать «Договор о репатриации», протокол о продолжении срока перемирия (к моменту обмена ратификационных документов окончательного мирного договора), дополнительный протокол о деятельности Смешанной пограничной комиссии.

Стремление польской стороны к более быстрому решению дел и компромиссному подходу в финансово-экономических проблемах

исходило из желания ускорить ход переговоров, и заключить мирный договор к началу плебисцита в Верхней Силезии (20 марта 1921 г.). Во время заседания Совета Министров Польши 10 февраля 1921 г., большинством голосов было подтверждено решение об ускорении дела заключения мирного договора с Советской Россией.

В рамках финансово-экономической комиссии мирной конференции в Риге в январе-феврале 1921 г. было принято решение о передаче прав на эксплуатацию природных ресурсов (концессия) для обеспечения финансовых претензий польской стороны. Согласно секретному дополнительному протоколу Прелиминарного мирного договора, предусматривалось выделение концессий «в государственных лесах, размещенных рядом с границей Польши, которые имеют удобные пути сообщения» [22]. Фактически, белорусские лесные массивы лучше всего подходили под данное описание. В связи с этим поступил протест председателя ВРК БССР А. Г. Червякова, 22 января 1921 г., который выступал категорически против выделения лесных концессий на территории Беларуси, аргументируя это «истощенностью лесов белорусских земель», называя леса единственным богатством края, предлагая использование отмеченного природного ресурса для обеспечения требований общесоюзного масштаба («для шахт Донбасса и Украины») [224, с. 182–184].

Актуализация белорусской проблематики на втором этапе рижских советско-польских переговоров происходило путем стремления польской делегации к выделению белорусского вопроса на случай его использования против Советской России при смене общего международного положения. Белорусский вопрос выступал как дестабилизирующий фактор, который мог негативным образом сказаться на ситуации в регионе, оказание внешней поддержки белорусскому национальному движению в реализации идеи независимости и неделимости территории Беларуси затрагивала как польские, так и советские интересы. Исчезновение белорусской проблематики со страниц мирного договора могло послужить идеологической основой для развития белорусского революционного движения, который как польское, так и советское руководство могло использовать в будущем при борьбе с соперником.

Дезавуирование белорусской проблематики, отождествление категорий «белорусский» и «российский» приводило к исчезновению дефиниции «белорусское гражданство» (статья VI договора), фактически запрещало лицам польской национальности, проживающим на территории Беларуси, пользоваться правом оптации. Польский проект определения категории лиц, которые имели возможность оптироваться («лица польского происхождения, которые имели одного из предков по материнской или отцовской линии, что постоянно проживали на территории бывшего Царства Польского»), был избавлен определенной конкретизации, однако позволял включить в этот список лиц,

проживающих на белорусских землях. На заседании юридико-правовой комиссии 13 февраля 1921 г., эксперт польской делегации Р. Кноль обратил внимание на проблему определения понятий украинского, белорусского, российского гражданства. Проблематика гражданства перекликалась с вопросом территориального разграничения между БССР, УССР, РСФСР. Р. Кноль рассматривал дефиницию гражданство как устойчивую политico-правовую связь человека и государства, которая выражается в их взаимных правах и обязательствах, и главное, владеет территориальной характеристикой.

Сложности, которые были отмечены во время заседаний юридико-правовой комиссии, были итогом апелляций членов польской делегации к статье I Прелиминарного мирного договора, который признавал независимость Беларуси и вводил ее в состав юридико-правового субъекта.

В свою очередь, российско-украинская сторона не собиралась идти дальше простого официального и юридического признания независимости, которое происходило скорее в географическом, чем в государственно-политическом плане.

На втором этапе советско-польских переговоров в Риге (ноябрь 1920 г. – март 1921 г.) предпринимаются шаги, чтобы текст мирного договора не стал законной основой для вмешательства во внутренние дела государства, опираясь на пункт о гарантировании права на свободу религиозной и культурной жизни и существования национальных меньшинств. Использование белорусского национального фактора, нажим на определенные белорусские национальные силы с целью поднятия революционного движения, направленного на объединение белорусских земель в единое национальное образование, уже в 1920-е гг. умело использовало советское руководство. В 1923 г. Польское бюро секретариата НКИД сообщало, что «поддержка революционных волнений среди национальных меньшинств Польши, углубление сеймовой оппозиции белорусов является фактором ослабления польского правительства и лежит в углублении сеймовой оппозиции белорусов, является фактором ослабления польского правительства и лежит в интересах нашей Республики» [49]. Ради сохранения влияния на белорусский сеймовый клуб признавалось возможным провести амнистию и позволить приезд в Советскую Беларусь политическим эмигрантом, расширить количество белорусских школ как на территории БССР, так и из-за ее границами (Витебская и Гомельская губернии), и главное, расширить границы республики и увеличить состав представителей Советской Беларуси во ВЦИК СССР [49]. Дело организации белорусского революционного движения признавалось настолько важным, что советское руководство соглашалась на увеличение территории БССР. За счет земель Витебской и Гомельской губерний, находящихся в составе РСФСР.

В этот же период составлена «Записка по белорусскому вопросу», в которой еще раз отмечалась важность осуществления выше перечисленных шагов, с целью предотвратить возможность создания в Польше «для всего белорусского народа своего рода Пьемонта, хоть и иллюзорного», чтобы «Советская Беларусь стала настоящим политическим и культурным центром для всего белорусского народа» [10].

Поэтому на этапе составления текста мирного договора члены польской делегации стремились к наиболее корректной формулировке пунктов, касающихся дальнейшего существования белорусского населения в составе Польши, в том числе обеспечения прав национальных меньшинств и свободы религиозного и культурного развития.

Предостережение от необдуманных шагов в белорусском вопросе, желание избегнуть больших проблем в будущем, содержаться в специальном рапорте Министерству иностранных дел [302, с. 79–82], поданном в ноябре 1920 г. Р. Кнолем, экспертом Министерства иностранных дел Польши в составе польской делегации на мирной конференции в Риге. Обращалось внимание на необходимость использования во время переговоров так называемого «белорусского козыря». Актуальность белорусской проблематики, необходимость оказания определенного влияния на белорусские политические круги, выявились в связи с потребностью иметь надежного союзника в борьбе с Литвой за территорию Виленщины. Р. Кноль предлагал с этой целью более широкое интерпретирование основных пунктов Прелиминарного мирного договора. Во-первых, наиболее вероятным признавалось различное чтение статьи I (о фактической независимости Украины и Беларуси), которую можно умело использовать во время работы юридическо-правовой комиссии, во время рассмотрения вопросов, связанных с оптацией населения. Вопрос о свободном культурном и религиозном развитии национальных меньшинств в составе Польши, РСФСР и Украины, можно постепенно перевести на территориальную проблематику, требовать точного определения линии разграничения между Советской Россией, Беларусью, Украиной. Отмечалась необходимость требований официальных полномочий от БССР, или непосредственного участия белорусских представителей в работе конференции в качестве экспертов.

Во время заседаний юридическо-правовой комиссии^[5] в январе-феврале 1921 г. белорусский вопрос был затронут во время обсуждения проблемы предоставления права оптации населению, что проживало на территории БССР, УССР и РСФСР, и считало себя поляками по национальности. Проблемным моментом стал процесс определения той категории лиц, которой будет позволено воспользоваться отмеченным правом. Все дело заключалось в определении необходимой формулировки пункта. За точку отсчета был принят 1914 г.: местное население, которое постоянно проживало на территории бывшего Королевства Польского, имело право выбрать для местожительства

территории Польши. Польская часть комиссии настаивала на распространении права оптации на население с так называемым «польским происхождением», которое в первом поколении по отцовской или материнской линии считало себя поляками [299].

Согласно статье VI Прелиминарного мирного договора фактически исчезла дефиниция «белорусское гражданство», что запрещало лицам польской национальности, проживающим на территории Беларуси, воспользоваться правом оптации. Как отмечалось выше, на заседании юридическо-правовой комиссии 13 февраля 1921 г. эксперт польской делегации Р. Кноль обратил внимание на проблему определения понятий украинского, белорусского, российского гражданства.

13 января 1921 г. на заседании юридическо-правовой комиссии, Р. Кноль снова поднял проблему определения украинского, белорусского, русского гражданства и вопрос территориального разграничения между украинскими, белорусскими и российскими землями. Поднятые вопросы были расценены российско-украинской делегацией как попытка замедлить ход работы комиссии. Советские представители (И. Л. Лоренц, Я. С. Ганецкий) не могли дать точных ответов на вопросы: отводили все польские претензии и вопросы «решениями белорусского съезда Советов» (III съезд Советов БССР 22–25 ноября 1920 г.), который официально подтвердил передачу белорусских полномочий на ведение переговоров с Польским государством РСФСР и точно определил государственную территорию БССР. Вопрос территориального разграничения между российской, украинской и белорусской территориями была передана для более основательного изучения территориальной комиссии мирной конференции.

В итоге 3 марта 1921 г. Л. Василевский (председатель польской делегации в территориально-пограничной комиссии) официально обращался к председателю российско-украинской делегации в отмеченной комиссии Э. И. Квирингу с целью более точного определения границ белорусского государства. Через несколько дней (7 марта 1921 г.) от имени Э. И. Квиринга, после предварительного согласования с ВРК БССР, поступил ответ Л. Василевскому с точным описанием границ БССР и картой в масштабе 1:30. В итоге получалось, что территория БССР охватывала шесть уездов бывшей Минской губернии. Линией разграничения между БССР и УССР называлась административная граница между бывшими Минской и Волынской губерниями; между БССР и РСФСР – административная граница между бывшими Минской и Витебской губерниями. В качестве места разграничения Польши и РСФСР указывался северный участок пограничной линии с Польшей от латышской границы до места соединения Дисненского, Лепельского и Борисовского уездов. Эти уточнения, сделанные территориально-пограничной комиссией, вызвали изменения в формулировке второй статьи окончательного мирного договора, куда кроме «Украины и

Беларуси», была включена «Россия», как страны, граничащие с Польшей [295].

Окончательно дело оптации было решено на заседании 16 февраля 1921 г. при непосредственном участии председателя российско-украинской делегации А. А. Иоффе. В итоге была принята формулировка предоставления права оптации населению, которое постоянно проживало на территории бывшего Королевства Польского и было записано в типовые регистрационные книги [291].

Происходит перенесение внимания советского руководства по белорусской проблематике на литовское направление, что было связано с подписанием 11 ноября 1920 г. белорусско-литовского договора. После подписания договора с Радой Народных Министров БНР Литва де-факто и де-юре признала БНР. Это не могло не волновать советское руководство. Во время советско-польских переговоров в Риге российско-украинская делегация добивалась признания БССР, ее параллельное существование с БНР создавала определенные сложности в этом направлении.

Народный комиссариат иностранных дел РСФСР предпринимал определенные шаги, чтобы решить эту проблему. Они напоминали политический шантаж Литвы: за полученное во время решения Виленской проблемы Советская Россия потребовала политической ликвидации правительства В. Ю. Ластовского. В депеше Г. В. Чичерина полномочному представителю НКИД в Ковно А. Е. Аксельроду указывалось: «мы выскажем согласие о направлении Литве ноты по вопросу Вильно, когда будет одновременно решён вопрос с Ластовским. Обязательства Литвы распространяются и на Советскую Беларусь, которая в это время еще не выделилась из Советской России» [236, л. 12–15]. «Вопрос Ластовского» поднимался в депешах Г. В. Чичерина к А. Е. Аксельроду еще несколько раз: 6 января, 17 января, 18 января, 22 января, 1 февраля, 7 февраля 1921 г., с обвинениями литовской стороны в неисполнении советско-литовского договора 12 июля 1920 г.

Литовские власти, заинтересованные в поддержке Советской России в спорах с Польшей, не сразу, но все же заставили В. Ю. Ластовского подписать соответствующий документ, в котором председатель Рады Народных Министров БНР признал легитимность БССР. Литва также была не заинтересована в потере союзника в борьбе с Польшей. Поэтому это дело тянулось с января по февраль 1921 г. Однако, открытое вмешательство в Виленскую проблему Лиги наций, открытие литовско-польских переговоров в Брюсселе с апреля 1921 г., принятие решения Виленским сеймом 20 февраля 1921 г. о включении территории Средней Литвы в состав Польши, снизили заинтересованность литовской стороны в белорусских представителях [267, с. 121].

Подготовительный этап окончательного мирного договора, особенно решения юридическо-правовых и финансово-экономических аспектов,

продемонстрировал стремление советского руководства рассматривать белорусскую проблематику не обособленно, а как составную часть общесоюзных интересов. Правовой основой данной тенденции стал договор от 16 января 1921 г. Номинально являясь самостоятельной государственно-политической единицей, БССР была связана рядом экономических, военных и других обязательств. Окончательный мирный договор с Польшей, подписанный 18 марта 1921 г., закрепил территориальный и идеологический раздел белорусских земель, гарантировал официальное признание Советской Беларуси в качестве легитимной государственной единицы как польской стороной, так и силами белорусского национального движения в лице В. Ю. Ластовского.

Документы свидетельствуют

№ 1

ТЕЛЕГРАММА Г. В. ЧИЧЕРИНА А. А. ИОФФЕ

14 сентября 1920 г.

Ввиду выступления Ластовского, я просил Смилгу ускорить приезд Белорусского Советского представителя. Сомневаюсь, что поляки энергично поддерживают Ластовского, ибо по всей видимости программа буферных государств потеряла кредит. Ее никогда не поддерживали эндеки, а пепеэсовцы теперь перестали поддерживать. Антанта не хочет расчленения России, дальше известной черты. Америка решительно против. Белоруссии собственно никто не поддерживает. Аксельрод теперь в Ковне. Позиция колеблющаяся, с поляками не сошлись, но боятся заключать с нами определенное соглашение. Наша позиция такова, мы готовы на признание политики нейтралитета Литвы, если она способна его соблюдать.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 5. Копия.

№ 2

ТЕЛЕГРАММА Г. В. ЧИЧЕРИНА А. А. ИОФФЕ

16 сентября 1920 г.

У меня был Маркевич от белорусских эсеров, едущий из Риги в Минск и говорит, что левые элементы устраниены из белорусского правительства и высланы из Латвии в Риге и почти никого не осталось. Он один из высланных. Эти левые элементы собираются в Минске и будут поддерживать Белорусскую советскую власть, но стоять за независимость, причем независимость Белоруссии вступит с Россией в федеративную связь. Он стоит за участие Белоруссии в переговорах в

качестве четвертого государства. Я ему указал на отсутствие в Белоруссии сейчас оформленного правительства, между тем как поляки имеют фиктивное правительство Ластовского, которое оформлено. Маркевич признал, что это есть трудность, но считает невозможным создание правительства Белоруссии по принципу представительства партий. Он сейчас едет в Минск и войдет в контакт с Смилгой. Он говорит, что даже поправив правительство Ластовского все же не является полнофильским и потребуется его полная реконструкция для того, чтобы поляки могли его выдвигать. Пока этой реконструкции нет, оно будет против Польши и за союз с нами. Реконструкция же весьма рискованна, ибо поднимет всех против этого правительства, так что вряд ли правительство Ластовского на это решится, оно не может не помнить о судьбе Луцкевича, которым пожертвовала сама Польша.

Маркевич укажет оставшимся в Риге представителям левых элементов, которые могут войти в контакт с нашей делегацией. Я ему сказал, что всякие переговоры с ними будем вести через Смилгу и назначенным от ЦК для сношений с литбелкомитетом и для ведения этого дела.

Ежедневно налагаю на Смилгу, чтобы ускорил присылку Игнатовского, представителя белорусского ревкома, который должен ехать в Ригу. Жду материалов от Смилги о том, насколько белорусские эсеры имеют почву под их ногами, имеет ли смысл поддерживать с ними тесный контакт. Они потому не вошли в ревком, что наша формула провозглашения независимости Белоруссии слишком расплывчата, в частности в ней сказано о независимости Белоруссии, они же требовали, чтобы было сказано независимость Белорусской Республики.

Маркевич говорит, что Польша потому будет выезжать на требовании независимости Белоруссии, что чувствует себя слишком слабыми, чтобы ее завоевать. Далее будто бы Франция заявила, что решила признать независимость Белоруссии. Эти козыри можно выбить из рук Франции и Польши только противополагая им Советскую Белоруссию. Без Игнатовского нам невозможно выработать точную формулировку, которую противопоставить Польше.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 6. Копия.

№ 3

ДОНЕСЕНИЕ Л. ВАСИЛЕВСКОГО В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РСФСР

16 сентября 1920 г.

Польское бюро сообщает условия Польши. Польша требует для себя лишь свои этнографические области. Россия должна провозгласить акт дезаннексий, аннулировать акт раздела Польши, лишь тогда представиться возможность создать новые независимые государства на территории Украины, Белоруссии и Литвы. Белоруссия сама должна

заявить желает ли она присоединить свою страну или часть ее к Литве, Польше или России, или создать независимый государственный организм. Украина должна быть передана демократическому правительству Украины, а плебисцит производить под международным контролем. Не одна Польша, но и Россия должна отойти в свои этнографические границы. Между ними установить широкую область, народы которой сами определят свою часть. По сообщению Рижских газет совет национальной обороны Польши утвердил следующие польские контрпредложения: 1) граница на восток проходит по линии немецко-русских окопов, 2) признание независимости всех республик, лежащих между Россией и Польшей, 3) Россия возмещает убытки, причиненные при царизме, 4) убытки польско-советской войны возлагаются на обе стороны, 5) Россия получает право через Польшу торгового транзита, 6) демобилизация производится одновременно обеими сторонами.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 40. Л. 34. Копия

№ 4

17 сентября 1920 г.

Я полагаю на основании газетных сведений, что вопрос о буферных государствах опять приобретает актуальность. Польша возвратиться, по-видимому, к требованию границы 1772 г., но под новым соусом, под видом самоопределения Белоруссии и Украины. Таким образом, наше предположение о возможности скорого мира, путем отказа от наших требований слишком оптимистично. Вероятно, переговоры примут характер Брестского спора о самоопределении. Можно долго разговаривать на этой почве, но не добиться скорого мира или перемирия.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2001. Л. 27. Подлинник.

№ 5

ТЕЛЕГРАММА Г. В. ЧИЧЕРИНА А. А. ИОФФЕ

18 сентября 1920 г.

В первую очередь. 17 сентября. Сегодня из Минска выехал председатель белорусского ревкома Червяков. Он едет в Ригу вместо Игнатовского. Белоруссия самоопределилась как советская республика еще в конце 1918 г., был тогда съезд Советов, оформивший ее. Теперь восстановлена уже существовавшая Советская Белоруссия, временно разрушенная поляками. Во главе ее Ревком впредь до съезда Советов. Признание фиктивных групп вроде правительства Ластовского недопустимо ибо означало бы непризнание законным Советское

Белорусское Правительство, выражающее волю трудящихся.

АВП РФ. Ф. 188. Оп. 1. Папка 1. Д. 2. Л. 6. Подлинник

№ 6

19 сентября 1920 г.

После встречи с поляками создалось впечатление, что они хотят тянуть, но не желают, чтобы это было понято. По сообщениям газет членами польской делегации будут еще Василевский и Каменецкий, вместо Врублевского и Ольшевского и что примут участие представители городов Гродно и Вильно, последнее можно отводить ссылкой на наш мир с Литвой. По прежнему мое впечатление, что поляки попытаются на украинско-белорусском вопросе осуществить свою программу 1772 г.

Сегодня Ластовский приспал мне копию известной Вам ноты. Ни с ним, ни с его агентами никакого дела не следует иметь. Они, по-видимому, подкуплены поляками. Никакой другой информации к пленуму ЦК дать не могу, ибо переговоров еще не было.

Если верны впечатления прессы, то максимальные требования Польши означают аннексию Украины и Белоруссии, что совершенно неприемлемо и тогда, при невозможности военных успехов, лучше умолчав о наших требованиях, все перевести на долгую волынку о самоопределении, дискредитируя окончательно Польшу и разоблачая аннексионизм. Если можно воевать, тогда стоит продолжить спор о нашем требовании противного натиска Польши.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Д. 40. Л. 35. Подлинник

№ 7

РАЗГОВОР ПО ПРЯМОМУ ПРОВОДУ Г. В. ЧИЧЕРИНА С А. А. ИОФФЕ

22 сентября 1920 г.

Как быть с галичанами и белорусами, можно, конечно, если они в качестве консультантов или экспертов. Не представлять их совсем и ждать удобного повода для их выступления, если они в качестве представителей своих правительств, то без официальных их представительств не обойтись. Для меня не совсем ясна их роль сейчас, прошу осторожно ответить.

Относительно обоих обождите, только предъявите бумагу, уполномочивающую нас устанавливать границу Белоруссии.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 9. Копия.

№ 8

**ДОНЕСЕНИЕ А. А. ИОФФЕ В НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РСФСР**

23 сентября 1920 г.

16 сентября 1920 г. именем ССРБ дан сей мандат т. А. Г. Червякову, председателю ВРК ССРБ в удостоверение того, что он уполномочен ВРК ССРБ, которое является в данное время единственным правительством Республики Беларусь. На предмет ведения с мирной делегацией Польской Республики переговоров, долженствующих иметь место в Риге. Т. Червякову даются полномочия заключать с мирной делегацией Польской Республики всякого рода договоры, касающиеся перемирия, мира, обмена военнопленных, гражданских пленных и заложников, установления границ и торговых сношений между двумя названными Республиками. Срок действий этого мандата не ограничен.

Заместитель ВРК ССРБ

И. Ванштейн,

В. Игнатовский.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 40. Л. 43. Подлинник

№ 9

23 сентября 1920 г.

Не для печати.

По вопросу о мире Грабский заявил: мы приехали с определенным решением заключить мир, т. е. заключить прелиминарный мир вместе с перемирием, а затем выработать мирные условия. Так как я поставил ему вопрос о том, что самый мир понимается в различных польских партиях разно и сослался на отзывы польской печати от 15 и 16 сентября.

Мы имеем в виду защищать только нашу самостоятельность и безопасность и войны для войны вести не намерены. Наша точка зрения на мир, после победы под Варшавой несколько не изменилась, мы будем отстаивать эту же точку зрения, какую заявляли в Минске, мы стремимся по возможности скорее возобновить добрососедские отношения России и никакой тенденции входить в обсуждение внутренних дел России не имеем. Точку теории невмешательства я поддерживал всегда и поддерживаю теперь. Но нам нужно заключить мир, который нас бы удовлетворил.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Д. 40. Л. 39–42. Подлинник

№ 10

ТЕЛЕГРАММА А. А. ИОФФЕ Г. В. ЧИЧЕРИНУ

25 сентября 1920 г.

Домбский настаивал (24.09) на немедленном создании ряда комиссий и доказывал, что нужна одна комиссия для разработки вопросов перемирия и прелиминариев, а другие могут создаваться по мере надобности. Вопрос остался открытым, ибо Домбский хочет обсудить его в своей делегации. Я еще не могу уяснить себе: хотят ли они комиссии для того, чтобы в них тянуть канитель или чтобы избавиться от торжественных пленарных заседаний и действовать более свободно и откровенно.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2001. Л. 42. Подлинник

№ 11

ВЫДЕРЖКА ИЗ ПИСЬМА А. А. ИОФФЕ К Г. В. ЧИЧЕРИНУ О БЕСЕДЕ С И. БАРЛИЦКИМ, Ф. ПЕРЛЕМ, Л. ВАСИЛЕВСКИМ

30 сентября 1920 г.

Польша представила Российско-Украинской делегации проект прелиминарного мира, что несколько нарушило благоприятное настроение. Мы предполагали в комиссии, исходя из заявленных принципов, приступить к конкретному обсуждению вопросов о самоопределении, границах и экономических отношениях. В результате обсуждения определились бы положительные итоги переговоров. Теперь нас поставили перед готовым проектом. Таким образом, мы вынуждены дать критику представлением проекта и соответствующим контрпредложением. Для нас эта работа является более медленной, чем для русских, так как у них все решает один человек, у нас же коалиционная делегация и возникновения необходимого согласия различного мнения. Сейчас уже сделана часть работы, и завтра ответ будет готов.

Вопросы об Украине и Белоруссии польская делегация должна поставить в интересах населений этих областей. Если Советское правительство заявляет, что у них имеются суверенные государства, то необходимо, чтобы оно точно определило признаки независимости и суверенности Украины и Белоруссии и доказало их фактами, тогда выясниться отношение польской делегации к вопросу об определении взаимоотношения между Польшей с одной стороны, и Белоруссию и Украиной с другой. Мы должны знать то, что есть в действительности, чтобы не вести переговоров с московскими чиновниками вместо действительных представителей народов.

АВП РФ. Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 40. Л. 70–74. Подлинник

№ 12

ТЕЛЕГРАММА А. А. ИОФФЕ Г. В. ЧИЧЕРИНУ, В. И. ЛЕНИНУ, Л. Д. ТРОЦКОМУ, И. И. КРЕСТИНСКОМУ

2 октября 1920 г.

О содержании частного разговора с Домбским.

Домбский не упоминает об Украине и Белоруссии, если же мы хотим говорить о договоре о границах Польши с Россией, то лучше сказать Восточная граница Польши.

Оставление за Польшей оборонительной линии железной дороги Лида-Барановичи и Лунинец-Сарны-Ровно во всяком случае обязательно и граница должна пройти где-нибудь восточнее между этой линией и железной дорогой Минск-Жлобин.

Если мы не согласимся на это, то дискутабельным является только еще одно предложение: установление восточной границы Белоруссии и западной приблизительно по линии Керзона, увод нами и поляками своих войск на 25 верст и самоопределение Белоруссии, т. е. создание буфера между нами и Польшей. Я ответил, что все передадим правительству, но оба предложения считаю неприемлемым. Я полагаю, что на указанных условиях быть может действительно в ближайшие дни, можно будет подписать прелиминарии, но вопрос дойдет ли тогда до окончательного мира, ибо они будут чрезмерно нахальны и в экономических требованиях.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2001. Л. 66. Подлинник

№ 13

ПИСЬМО ЧЛЕНАМ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(Б)

2 октября 1920 г.

Членам Политбюро:

Предлагаю утвердить следующие директивы:

для Иоффе:

а) согласиться на линию, отдающую Польше желдорогу Лида-Барановичи, при условии, что мир (и перемирие) будет подписан в самый короткий срок (3 дня примерно) наверняка (то есть с точным условием: беру назад, если не подпишете в этот краткий срок).

Все искусство и вся задача – вызнать, согласятся ли они на деле или только надувают. Не вызнав, не давать своего согласия.

б) После 5-го X. либо уехать в Москву, если вполне безнадежно подписание мира, но не рвать, а уехать на 2–3 дня для демонстрации.

Либо (если есть хоть тень надежды на подписание мира) не уезжать, но заявить торжественно: 5.Х. прошло, Польша отвечает на зимнюю кампанию, и огласить.

Для Берзина: дать уступку, предложенную Берзином, но только на точном условии § а. Иначе взять ее назад. Позволять играть собою нельзя. Тогда лучше пойти на разрыв.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 249. Л. 1. Подлинник

№ 14

ЗАМЕЧАНИЯ ПО ТЕЛЕГРАММЕ А. А. ИОФФЕ, НАПРАВЛЕННЫЕ Г. В. ЧИЧЕРИНУ, В. И. ЛЕНИНУ, Л. Д. ТРОЦКОМУ, Н.Н. КРЕСТИНСКОМУ

2 октября 1920 г.

Имел только что опять негласное совещание с Домбским. Он подчеркнул опять, что Польша сильно и искренно желает прочного мира и готова немедленно подписать прелиминарный, он не находит нужным дипломатничать, запрашивать больше, чем требуется и, согласно своему обещанию, готов сегодня в общих чертах сообщить границу, которая является для них безусловно предельной. Эта граница такова: река Збруч, по бывшей государственной границе с Австрией, далее на линию Ровно, Сарны, Лунинец, все пункты за Польшей и так, чтобы был нормальный плацдарм, на восток от железной дороги, дальше Несвиж, Западная Двина, так что Дисна отходит к Польше. Как им подчеркнуто, обязательно общая граница с Латвией между Дисной и Друей. Очевидно, здесь еще есть стремление, отрезая нас от Литвы, отрезать от Германии. На мой вопрос, есть ли эта граница окончательная всех польских партий или ввиду частности совещания может быть принята только одной частью, Домбский категорически заявил, что эта граница окончательная. Он обязуется при ее принятии нами в 3–4 дня подписать прелиминарный на основе наших предложений и при условии, что восточно-галицийский вопрос в договоре не будет затронут, но в той или иной форме, в качестве уступки нам, будет признана независимость Украины и Белоруссии. Я указал, какова наша последняя граница, и заявил, что это предложение, вероятно, неприемлемо, но что я его сообщу своему правительству.

В понедельник будет заседание главной комиссии, затем в тот же день работы комиссий по вопросам правовым, финансовым и экономическим, включение каковых в договор они считают необходимым. Вопрос о границе будет оставлен открытым до получения мной Вашего ответа. В случае принятия границы по всем остальным вопросам, по его словам, будет достигнуто немедленно соглашение, причем Домбский согласен ограничить срок работ комиссий одним-двумя днями.

6-7 октября, при этих условиях он обязуется подписать прелиминарий. Прошу дать ответ на это предложение непременно до понедельника.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 249. Л. 1. Копия

№ 15

**ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(Б),
ПОДГОТОВЛЕННЫЙ В. И. ЛЕНИНЫМ**

4 октября 1920 г.

Предлагаю. Политбюро постановило принять эти условия, поручить Иоффе подписать прелиминарий с этой границей, если в 3-4 дня гарантируется подписание таковых: прелиминарий и перемирия. В остальных пунктах прелиминария выторговать для нас максимум приемлемого для поляков. Спешить. Если не подпишут в 3-4 дня, постараться подготовить возможность опубликования.

Поторговаться попробовать, чтобы не отрезали нас от Литвы, но из-за этого не срывать.

Свобода транзита и в Германию и в Литву.

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 430. Л. 2. Подлинник

№ 16

**ИЗ ДОНЕСЕНИЯ Л. ВАСИЛЕВСКОГО МИНИСТЕРСТВУ
ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ПОЛЬШИ О ВСТРЕЧЕ С А. А. ИОФФЕ**

12 ноября 1920 г.

Иоффе: была достигнута договоренность, согласно 15 пункта прелиминарного мирного договора, что в Риге будет оставлен достаточный людской контингент, чтобы осуществлять работу в комиссиях. До этого времени, однако, не было еще переговоров.

Василевский: было решено, что в ближайшее время приедет делегация. Задержка вызвана техническими причинами, кроме того, произошли изменения в составе делегации, которая будет иметь характер более профессиональный.

Иоффе: подчеркивая, что задержка имеет только технический характер, создалось достаточно странное положение. Фронтовая комиссия при общем согласии посыпает спорные вопросы в Ригу, которые не могут быть сейчас решены.

Василевский: не имею инструкций, относительно тех спорных вопросов.

Иоффе: насущные дела таковы: 1) вопрос тех армий или отделов, которые ведут боевые действия на фронте, 2) исполнение пункта 6 договора, об отведении войск за государственную границу.

Отряды Петлюры, Балаховича, Савинкова и т. д., как о том говорится в польской ноте, не находятся на польской территории. Необходимо это подтвердить. Те отряды не могут быть только в нейтральной полосе – по крайней мере, их тыловое обеспечение должно находиться на польской территории, или на территории, которая находится во власти Беларуси. На нее не распространяется обязательство о разоружении. В итоге, мы имеем то, что можно назвать как различие подходов при понимании трактата. Необходимо утвердить, что гражданская милиция не подпадает под разоружение. С пункта зрения правового, Россия и Украина имеют право использовать свои войска, тем более, что эти войска пришли с польской стороны. Возникает ситуация возможного столкновения с польской армией. Необходимо решить, как этого избежать.

Василевский: показывает депешу с приказом главнокомандующего о ликвидации на польской территории чужих отрядов. Этот приказ демонстрирует, что буква договора выполнена полностью. С точки зрения права, трактат выполнен. Что касается фактического состояния вещей, он не имеет необходимого ответа. Завтра приедет военный эксперт и можно будет установить, являются ли точными данные Иоффе, или же устарелыми. Например, Иоффе утверждал в последний раз, что отряды Желиговского, Балаховича находятся в коридоре. Сейчас представители Желиговского находятся в Риге и категорически утверждают, что отсутствуют угроза столкновения между их войсками и советскими.

Если же речь о сахарных заводах, то Иоффе подтвердил возможность оставления польских войск, до того момента, пока это не будет решено Военной комиссией. Сейчас спорные вопросы та комиссия посыпает в Ригу. Домбский и эксперты несомненно будут иметь необходимость решить эти вопросы.

Иоффе: с точки зрения буквы закона возникла ситуация, что в военной комиссии, польский представитель 18 октября заявил, что Польша берет на себя ответственность за действия Петлюры и т. д. То же самое было повторено 23 октября. Только 25 числа, отказался от этого утверждения и создал какую-то административную «зону Петлюры». Потом и от этого он отказался. По крайней мере, можно утверждать, что отряды Петлюры и т. п. были созданы при поддержке Польши. Если оставить в стороне казуистические споры, необходимо фактически признать, что можно уже завтра ожидать столкновения красных войск с войском польским.

Василевский: указывает, что Мозырь, атакованный Балаховичем, лежит далеко за нейтральной зоной.

Иоффе: существует опасение, что в ситуации, когда вражеские войска будут отодвинуты к польской границе, то по ошибке, может наступить столкновение с польскими войсками, очевидно по причине схожести мундиров и т. п., что является военным делом. Специалисты утверждают, что военные операции не возможно прервать

одномоментно. Подтверждает, это высказывания своего времени генерала Кулинского. Ситуация приводит к тому, что уже сейчас возможны столкновения. Вопрос состоит лишь в том, желает ли Польша сейчас войны, или же нет. Если же нет, то необходимо изучать каждый случай в отдельности. Против России воюют целые армии. Россия не желает, чтобы Польша их разоружала. Но сообщаю, что столкновения с польскими войсками не исключены. Нужно что-то придумать, чтобы этого избежать.

Что касается дословного толкования трактата, то польские войска должны находиться в 15 верстах от границы. Все, кто того не выполняет, должны будут рассматриваться как военнопленные, и Россия имеет право так их трактовать. Предупреждаем в том, что могут быть столкновения и новая война.

Иоффе: Домбский должен был прибыть в Ригу 8 ноября, сейчас 12 число.

Василевский: Домбский выехал из Варшавы 9 числа. По нашим сведениям, он должен быть завтра. Сейчас можно лишь установить конкретно время встречи Иоффе с Домбским.

Иоффе: просит о сообщить польскому правительству, что:

- 1) не отход войск противника за государственную границу, является прямым нарушением прелиминарного договора.
- 2) осуществляются военные действия в нейтральной зоне.

Может произойти столкновение советской армии с польскими войсками, что не должно трактоваться как вражеский акт.

Встреча Я. Домбского с А. Иоффе была назначена на 13 число на 11 часов. Принято решение о направлении совместного сообщения в прессе.

ААН. Ф. 390. Оп. 1. Д. 46. Л. 70–72. Подлинник

№ 17

ТЕЛЕГРАММА Г. В. ЧИЧЕРИНА А. А. ИОФФЕ

26 ноября 1920 г.

О том, что возможны крупные изменения границы на базе компенсации, сообщил нам председатель территориальной комиссии Квиринг, основываясь на заявление Василевского, именно потому мы по предложению Квиринга подняли вопрос об отмене Польшей коридора, но вопрос о том, что пришлось бы дать Польше компенсацию. Вопрос еще не решен здесь, лучше ли оставить за Польшей коридор или отдать ей соответствующую местность у южной части границы. Дело в том, что на Волыни там богатые местности, изобилующие сахаром, которую отдать было бы громадной потерей. Малые исправления, выработанные

Костеевым, а также рассмотренные Реввоенсоветом. Желательно, чтобы мирные делегации спелись раньше, чем делать нам предложение.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 24. Копия.

№ 18

ТЕЛЕГРАММА Г. В. ЧИЧЕРИНУ ОТ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВРК БССР

9 декабря 1920 г.

Необходимо выяснить ваше отношение к Ластовскому. В Литве формируется его армия. Литва заключила с ним союз. Он поехал в Париж. Не считаете ли возможным союз с ним. Причем он будет бороться против Польши по ту сторону границы или же это будет игрушка в руках Антанты. В таком случае надо всячески бороться против создания его армии. Ждем вашего заключения. Гриниус сказал Аксельроду, что если создавшееся Белорусское Советское, правительство Литвы порвет с Ластовским и договор с ним будет переведен на Советскую Белорусскую Республику. Когда предлагается Белорусский съезд Советов и создание законного правительства?

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2101. Л. 2. Копия.

№ 19

ДЕПЕША Г. В. ЧИЧЕРИНА К А. А. ИОФФЕ

12 декабря 1920 г.

В Минске открывается белорусский съезд Советов и будет поднят может быть вопрос о посылке своего делегата в Ригу. Я телеграфировал, что сначала белорусское советское правительство должно оформиться и только тогда можно разрабатывать вопрос о его международных отношениях.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 33. Подлинник

№ 20

ДЕПЕША Г. В. ЧИЧЕРИНА К А. А. ИОФФЕ

9 февраля 1921 г.

В интересах благоприятного исхода плебисцита Литовское правительство вошло в соглашение с правительством ВНР. Письмом 20 декабря в МИД Литвы Ластовский заявил, что к Советской Белорусской Республике его правительство хочет сохранить дружественные отношения.

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2000. Л. 65. Подлинник

№ 21

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ПРОТОКОЛ О СОЗДАНИИ СМЕШАННОЙ ПОГРАНИЧНОЙ КОМИССИИ

21 февраля 1921 г.

В исполнение статьи 1 Прелиминарного договора от 12 октября 1920 г. ниже подписавшиеся и являющиеся представителями правительств Польши с одной стороны, и РСФСР и УССР с другой стороны пришли к соглашению относительно следующих пунктов:

§ 1

В соответствии со статьей 1 Прелиминарного договора будет создана незамедлительно Смешанная пограничная комиссия. После составления подробного описания государственной границы она должна приступить к проведению на местах границы и установлению пограничных знаков.

§ 2

После выполнения своих задач Смешанная пограничная комиссия обязана четко придерживаться всех формулировок, содержащихся в Прелиминарном договоре, а также учитывать изменения окончательного мирного трактата, при этом:

а) в случаях, когда граница была определена нереальными линиями и существует недостаток данных при проведении ее на местах, необходимо брать во внимание местные хозяйствственные нужды, этнографическую принадлежность. В случаях, когда этнографическая принадлежность является спорной, разграничение осуществляется, по предложению пограничной подкомиссии, через учет мнения населения.

Земли индивидуальных владельцев необходимо присоединять в хозяйственной целостности к ближайшим деревням;

б) в случаях, когда граница определена по сельскохозяйственным угодьям, то их необходимо оставить владельцам, по другой стороне границы с остальными землями, которые им принадлежат, даже в случаях, если они находятся на значительном расстоянии.

в) в случаях, если граница определена по дороге, то она должна быть присоединена к той стороне, на которой находятся две деревни, связанные ей между собой.

г) в случаях, когда граница проведена при помощи выражения «обходя железнодорожную станцию», линия граница будет проведена в зависимости от топографических условий, от полтора до трех километров от первого семафора (или же если он отсутствует от первого перекрестка), при сохранении целости хозяйственных единиц, прилегающих к железнодорожной линии.

§ 3

В качестве вспомогательного материала для работы Смешанной пограничной комиссии необходимо считать:

- а) оригиналы описаний определенных частей границы: государственных, губернских, уездных, тминных, сельских и индивидуальных хозяйств;
- б) карты крупного масштаба, планы хозяйств, поземельные книги, кадастры, крупные четкие фотографии, не опубликованные и другие документы, утверждающие право владения;
- в) сведения местных властей и старожилов.

§ 4

В состав пограничной комиссии входят в равной мере представители Польши с одной стороны, и России и Украины с другой.

Делегация каждой стороны состоит из главы, двух членов и секретаря.

В распоряжении каждой делегации находятся:

- а) технический персонал: топографы, советники, географы, техники и т. п.
- б) вспомогательный персонал: шоферы и т. п.

§ 5

При проведении своих работ Смешанная пограничная комиссия делит всю границу на участки, определяя для каждой специальную подкомиссию, состав которой будет определен Смешанной пограничной комиссией.

Подкомиссия работает под контролем и управлением Смешанной пограничной комиссии.

§ 6

Обе стороны обязуются предоставить Смешанной пограничной комиссии и подкомиссиям все необходимое для их работы документов и материалов, все сведения, информации, обеспечить зданиями и помещениями, привозных средств и связи, рабочей силы, технических материалов, и при необходимости вооруженным эскортом.

§ 7

Первоначальным местом работ Смешанной пограничной комиссии будет Минск. Следующее – в зависимости от хода работы. Смешанная пограничная комиссия может, при общим согласии, выбрать другое место пребывания.

Подкомиссия размещается на доверенном ей участке, по принципу взаимной договоренности, не дальше, чем на 15 километров от границы.

§ 8

Обе стороны обеспечивают дипломатическую неприкосновенность членам Смешанной пограничной комиссии, целому составу этой

комиссии и подкомиссий, личную безопасность, свободу передвижений и выбора места проживания и работы и сообщения со своими властями и правительством.

Корреспонденция Смешанной пограничной комиссии и подкомиссии пользуются правами дипломатической почты.

Весь состав Смешанной пограничной комиссии должен обеспечиваться предметами первой необходимости, осветительными приборами, письменными материалами, измерительными инструментами и т. п.

§ 9

Обеспечение финансового обеспечения Смешанной пограничной комиссии и подкомиссий несут в равной мере обе стороны.

§ 10

Протокол окончательного описания полученной границы, вместе с картами и документами, подготовленные на польском, русском и украинском языках, в трех оригинальных экземплярах, будет вручен собственным правительствам вместе с протоколом завершения работ Смешанной пограничной комиссии.

При интерпретациях все три текста будут признаваться как аутентичные.

§ 11

Этот протокол, составлен на польском, русском и украинском языке, в трех экземплярах. При интерпретировании все три текста признаются аутентичными.

§ 12

Протокол, составленный в исполнение статьи 1 Прелиминарного договора, не требует ратификации и вступает в силу с момента подписания.

ААН. Ф. 390. Оп. 1. Д. 48. Л. 1–4. Подлинник.

№ 22

ПРОЕКТ РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ИНСТРУКЦИЙ ДЛЯ СОГЛАСИТЕЛЬНОЙ комиссии

февраль 1921 г.

1) Впредь, до окончательного проведения государственной границы между Польшей с одной стороны, Россией, Украиной и Белоруссией с другой стороны, устанавливаются согласительные комиссии для разрешения пограничных конфликтов.

2) Согласительная комиссия для разрешения пограничных конфликтов имеет задачей констатировать возникновение или могущих возникнуть на пограничной линии фактов всякого рода (без ограничений)

конфликтов между властями военными, гражданскими или же гражданами одной стороны и властями военными, гражданскими и гражданами другой, а также разрешение вышеупомянутых конфликтов в пределах определенной компетенции.

3) Согласительная комиссия производит предварительное следствие, устанавливает вину и на основе всяких протестов одной из сторон, производит ликвидацию конфликтов, издает распоряжения, направленные на возвращение материалов и предметов, так и людей, захваченных путем нарушения пограничной линии, издает определение относительно разрешения дел.

4) Согласительная комиссия состоит из 4 местных согласительных комиссий и Центральной Согласительной Комиссии.

5) Местные согласительные комиссии устраивают съезды для разрешения пограничных конфликтов не реже двух раз в неделю по очереди, один раз на польской стороне, один раз на русской стороне, в следующих местностях:

- а) местная комиссия № 1 Вилейско-Полоцкая;
- б) местная комиссия № 2 Минско-Несвижская;
- в) местная комиссия № 3 Лунинец-Калинковичи;
- г) местная комиссия № 4 Ровно-Звягель.

6) Главная согласительная комиссия собирается в Минске, имеет своей задачей: 1) руководство и контроль деятельности местных комиссий; 2) достижение единообразной деятельности местных комиссий, в особенности путем учета происходящих конфликтов и способности разрешения; 3) предупреждение конфликтов, происходящих в разных местах пограничной линии, затем надлежащее инструктирование местных комиссий, а также местных властей в духе взаимной благожелательности и сохранения доброжелательных отношений; 4) рассмотрение, решение по вопросу тех конфликтов, которые не были разрешены на местных комиссиях. Лишь в случае не разрешения конфликтов Центральной комиссией, таковые вместе с собранным материалом фактических данных передаются на разрешение Народного комиссариата по иностранным делам.

7) Центральная комиссия состоит из 6 человек, по 3 представителя от каждой стороны, тот же состав предусмотрен и для местных комиссий.

АВП РФ. Ф. 122. Оп. 4. Д. 79. Л. 14–17. Подлинник

Заключение

Руководство Советской России выстраивало свою политическую линию по белорусскому вопросу согласно идеи мировой пролетарской революции, принципа права нации на самоопределение и государственного отделения. Однако на практике оно вынуждено было учитывать изменения в общем военно-оперативном положении на Западном фронте и других фронтах Гражданской войны. Политика польского правительства в отношении к белорусским землям на различных этапах советско-польских переговоров 1918–1921 гг. была основана на идейных установках федералистической и инкорпорационистской концепций, которые стремились к возрождению Польского государства в границах 1772 г. Однако ни одно из них не рассматривало территорию Беларуси в качестве самостоятельной государственно-политической единицы. Советско-польские переговоры 1918–1921 гг. были предопределены общим ходом военных действий, служили отличной демонстрацией различных моделей решения белорусского вопроса (инкорпорационистской, федералистической, советской).

На начальном этапе (миссия А. И. Венцковского) – ноябрь 1918 г. – май 1919 г. – очевидно стремление польской стороны решать спорные вопросы военным путем, что категорически расходилось со стремлением советского руководства через определенные уступки достигнуть мира. Беловежско-микошевичские переговоры (июнь–ноябрь 1919 г.) продемонстрировали желание обеих сторон к принятию компромиссного решения. Проект территориального разграничения, предложенный во время встреч в Беловеже советской стороной (переход территории Литвы и Беларуси в сферу влияния Польши, а территории Украины к Советской России) был рискованным и неприемлемым для стран Антанты и США, которые настаивали на определении восточных границ Польши на основе этнографического принципа и не желали признавать советскую власть в качестве легитимной на территории бывшей Российской империи. Микошевичские переговоры показали склонение польского руководства к взаимопониманию с советской стороной в противовес «белым» российским силам путем территориального разграничения литовско-белорусско-украинских территорий. Белорусский вопрос на борисовском этапе переговоров (декабрь 1919 г. – июнь 1920 г.) сторонами рассматривался в рамках разработанных стратегических линий советского и польского руководства. Обе стороны не рассматривали мирные переговоры в качестве эффективного средства решения спорных вопросов, осуществляли подготовку к новым военным кампаниям. Негласное присутствие и медиаторство Великобритании во время барановичско-минского этапа заставили обе стороны соединить официальные и неофициальные формы переговоров.

Повышенное внимание к белорусскому вопросу на международной арене в начале 1919 г. связано с существованием территориальных претензий на этнические белорусские земли со стороны новосозданных стран-

соседок (Польша, Литва), при одновременном признании странами Антанты и США его за исключительно «внутреннее дело» России. Позиция стран Антанты и США по белорусскому вопросу была выработана в ходе Парижской мирной конференции и последующих междусоюзнических совещаний, она предлагала вариант устройства восточноевропейского региона, основанного на линии разграничения 8 декабря 1919 г. (11 июля 1920 г.). Поэтому территориальные претензии Польши, которые выходили за границы этой линии, признавались необоснованно чрезмерными. Федералистическая концепция Польского государства странами Антанты и США рассматривалась в виде рискованной и мало реалистичной идеи. Ее осуществление было бы сложным делом при низких государственно образующих импульсах белорусского и украинского народов. Белорусский вопрос находился в русле или «польского», или «русского» вопросов, испытывал на себе зависимость от ситуации на фронтах Гражданской войны в России, от отношения российских монархических сил.

На постановку и активизацию белорусского вопроса во время советско-польских переговоров 1918–1921 гг. значительное влияние оказывал факт существования белорусского национального движения, правительственные структуры ССРБ, ЛитБел ССР, БССР, БНР. При определении влияния дипломатических акций белорусских национально-политических центров на ход советско-польских переговоров 1918–1921 гг., нельзя не учитывать факт идейной и организационной разделённости белорусского национального движения. Раскол белорусских политических сил давал возможность советскому и польскому руководству путем перетягивания на свою сторону той или иной национальной группы пробовать демонстрировать себя в виде протектора белорусских земель. Однако, несмотря на политическую дифференцированность белорусских национальных сил, их дипломатическая деятельность вносила свои корректизы в ход советско-польских переговоров 1918–1921 гг., заставила включать в состав российско-украинской и польской делегаций представителей от белорусских земель (Б. Крижановского, М. Обезерского, А. Г. Червякова).

Дипломатические акции структур БНР, касающиеся дела ведения советско-польских переговоров, начинаются на борисовском этапе (декабрь 1919 г. – июнь 1920 г.), так как неофициальный характер начальной (ноябрь 1918 г. – май 1919 г.) и беловежско-микошевичской (июнь – ноябрь 1919 г.) стадий переговорного процесса не представлял возможности участия белорусских национальных представителей.

Условно внешнеполитическую деятельность БНР можно разделить на два основных направления: первый заключался в направлении официальных писем, нот, меморандумов на адрес стран-участников переговоров, стран Антанты и США; второй включал в себя мероприятия БНР по сближению с правительственными кругами Советской России и Польши.

На постановку белорусского вопроса, принятие того или иного решения относительно дальнейшей судьбы белорусских земель оказывало влияние военно-оперативное положение. К этому присоединялась ситуация внутренней экономической и военной истощенности польской и советской сторон, нежелание дальнейшего продолжения военных действий. Именно этот фактор повлиял на выбор польской стороны в пользу инкорпорационистской концепции, и стремление советского руководства к быстрейшему заключению мира, и как итог – представление советской стороной значительных уступок. Поэтому белорусский вопрос ставился не в полном объеме (территориальный и государственно-политический аспекты). Использование мандата ВРК БССР от 16 сентября 1920 г., который вводил бы Белорусскую советскую республику в список стран-участниц Рижской мирной конференции, могло произойти только в случае выставления польской делегацией завышенных требований по белорусскому вопросу. Однако, отказ польского руководства от осуществления федералистической концепции вылился в незаинтересованность в поддержке белорусских национальных кругов как формы противостояния БССР. Заключенный 18 марта 1921 г. Рижский мирный договор фактически означал осуществление на практике унитарной концепции партии народных демократов (эндеков) и провал федералистических планов Ю. Пилсудского, который выступал за создание буферных марионеточных государств на восточных польских границах.

На втором этапе советско-польских переговоров в Риге (ноябрь 1920 г. – март 1921 г.) белорусский вопрос переходит в разряд внутренней проблематики Советской России. Окончательный мирный договор с Польшей, подписанный 18 марта 1921 г., закреплял территориальный раздел белорусских земель. Одновременно, согласно ему, произошло официальное признание Советской Беларуси и Советской Украины польской стороной. Определение конфигурации пограничной линии находилось в непосредственной связи с финансово-экономическими переговорами российско-украинской и польской делегаций. Советское руководство стремилось определенным образом уменьшить экономические требования польской стороны за счет осуществления определенных пограничных изменений (ректификация границ).

Список источников и литературы

1. Актуальныія праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярочнасф, перспектывы ралвіцца: матфыялы р:>сп. навук. канф.: у 4 ч. / родкал.: І. П. Крлнъ. – Гродна: ГрДУ, 2003. – Ч. 1. – 348 с.

1. Актуальныі праблемы гісторыі Беларусі: стан, здабыткі і супярочнасці, перспектывы развіцця: матфыялы рэсп. навук. канф.: у 4 ч. / рэдкал.: І. П. Кронь. – Гродна: ГрДУ, 2003. – Ч. 1. – 348 с.
2. Архівы Беларуекай Народнай Рэспублікі: у 2 кн.: / склад С. Шупа. – Вільня-Нью-Ёрк-Менск-Прага, 1998.-Кн. 1: 1917–1925 гг. – Ч. 1: 1917–1920.-870 с.
3. Архівы Беларускай Народнай Рэспублікі:у 2 кн.: / склад. С. Шупа. – Вільня-Нью-Ёрк-Менск-Прага, 1998.-Кн. 1: 1917–1925 гг.-Ч.2: 1920–1925.-871-1721 с.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

4. Доклады о работе согласительной комиссии, о работе Минско-Несвижской согласительной комиссии, о нарушении мирного договора // АВП РФ. – Ф. 122. Оп. 4. Д. 79. Л. 14–17.
5. Записи разговоров А. А. Иоффе с Я. С. Ганецким в июле-августе 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 151. Оп. 3. Папка 2. Д. 6. Л. 19.
6. Письмо А. А. Иоффе в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР 23 сентября 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Д. 40. Л. 43.
7. Письмо от мирной российско-украинской делегации в Народный комиссариат иностранных дел от 1 октября 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Д. 41. Л. 3.
8. Письмо Г. В. Чичерина к А. А. Иоффе от 5 октября 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Д. 52437. Л. 37.
9. Письмо Л. Василевского в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР 16 сентября 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Д. 40. Л. 34.
10. Письмо Э. И. Квиринга к Г. В. Чичерину 5 октября 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Д. 52424. Л. 15.
11. Материалы по вопросу о мирных переговорах с Польшай в Минске и Риге // АВП РФ. – Ф. 188. Оп. 1. Папка 1. Д. 2.
12. Нотная переписка А. А. Иоффе с Г. В. Чичериным // АВП РФ. -Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 19.
13. Переписка А. А. Иоффе с Народным комиссариатом иностранных дел о приезде из Польши миссии А. И. Венцковского и о переговорах с ним // АВП РФ. – Ф. 122. Оп. 2. Папка 2. Д. 14. Л. 6–7, 36.
14. Переписка А. А. Иоффе с Г. В. Чичериным в феврале-августе 1921 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Папка 205. Д. 25. Д. 41–42.
15. Переписка А. А. Иоффе с Народным комиссариатом иностранных дел по делам ЛитБел ССР // АВП РФ. – Ф. 122. Оп. 2. Папка 2. Д. 15.
16. Переписка А. А. Иоффе и Г. В. Чичерина 18 февраля 1919 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55001. Л. 11–13, 20, 29, 32–35, 36–38.

17. Переписка по политическим вопросам А. А. Иоффе и Г. В. Чичерина ноябрь-декабрь 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 36. Л. 94–100.
18. Переписка по политическим вопросам Литовско-Белорусской ССР // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55003.
19. Переписка по политическим вопросам мирной делегации за 1920–1921 гг. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 20.
20. Протокол назначения К. Гедриса представителем правительства ЛитБел ССР в Москве // АВП РФ. – Ф. 151. Оп. 2. Папка 1. Д. 5.
21. Радиотелеграмма А. А. Иоффе Г. В. Чичерину от 20 декабря 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 4. Оп. 32. Д. 36. Л. 100.
22. Радиотелеграмма председателя российско-украинской делегации в Риге в Народный комиссариат иностранных дел от 14 февраля 1921 г. // АВП РФ. – Ф. 4. Оп. 32. Д. 35. Л. 94–95.
23. Отчёты И. Г. Иорданского (ПРУВСК) в Народный комиссариат иностранных дел // АВП РФ. – Ф. 122. Оп. 4. Папка 101. Д. 4.
24. Телеграмма А. А. Иоффе о встрече с Н. Барлицким, В. Керником 30 сентября 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Д. 40. Л. 70–74.
25. Телеграмма Г. В. Чичерина А. А. Иоффе 21 декабря 1919 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 10. Л. 33.
26. Телеграмма Г. В. Чичерина А. А. Иоффе 29 декабря 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Папка 205. Д. 35. Л. 73.
27. Телеграмма Г. В. Чичерину от А. Иохеля 21 августа 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 40. Л. 20.
28. Телеграмма Г. В. Чичерина В. И. Ленину 26 января 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 22. Л. 1–3.
29. Телеграмма И. Л. Лоренца в Народный комиссариат иностранных дел РСФСР 31 сентября 1920 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Д. 41. Л. 78–80.
30. Телеграмма К. Б. Радека Г. В. Чичерину, В. И. Ленину, Л. Д. Троцкому // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 32. Папка 204. Д. 40. Л. 22.
31. Телеграмма НКИД Г. В. Чичерину от представителя РСФСР в Литве и Беларуси Д. Ю. Гопнера // АВП РФ. – Ф. 151. Оп. 2. Папка 1. Д. 10.
32. Телеграммы А. А. Иоффе Г. В. Чичерину февраля-марта 1919 г. // АВП РФ. – Ф. 04. Оп. 51. Папка 326. Д. 55002. Л. 11-11об., 17–18, 28, 31, 34.

Архив Российской академии наук в г. Москва (РАН)

33. Дневниковые записи В. И. Пичеты во время поездки в Ригу в качестве эксперта при заключении российско-украинско-польского мирного договора // АРАН. – Ф. 1548. Оп. 2. Д. 20. Л. 1–3.

34. Багалейша, С. Дзэйнасць Міністэрства беларускіх спраў у 1918–1924 гг. / С. Багалейша // Беларускі гістарычны часопіс. – 2005. – № 9. – С. 22–26.
35. Бародзіч, С., Міхнюк, У. Рыжскі мірны дагавор 1921 г. / С. Бародзіч, У. Міхнюк // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. / рэдкал. М. В. Біч [і інш.]. – Мінск: БелЭН, 1993–2003. – Т. 6: кн. 1: Пузыны – Усая / Г.Пашкоў. – 2001. – 591 с. – С. 150–153.
36. Бахметев, Б. А. “Совершенно лично и доверительно!”: в 2 т. / Б. А. Бахметев. – М., 2001. – Т. 1: август 1919 – сентябрь 1921. – 567 с.

Белорусский государственный архив-музей литературы и искусства (БГАМЛИ)

37. Документы Белорусского национально-политического совещания (протоколы, резолюции, информации) // БГАМЛИ. – Ф. 3. Оп. 1. Д. 169.
38. Документы К. Дуж-Душевского о белорусском национальном движении и белорусско-литовских взаимоотношениях // БГАМЛИ. -Ф. 3. Оп. 1. Д. 240.
39. Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху / пад рэд. А. Сташэўскага [і інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр. выканаўчага кам. БССР, 1924. – 322 с.
40. Беларусь у палітыцы суседніх заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.)/ М. Мязга, А. Дуброўка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2012. – № 4. -С. 76–78.
41. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 г.): сборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. – Мінск: Юніпак, 2008. – Т. 1: 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг.: у 2 ч. – Ч. 1: 1 жніўня 1914 – 31 снежня 1919 гг. – 538 с.
42. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 г.): зборнік дакументаў і матэрыялаў: у 4 т. – Мінск: Юніпак, 2008. – Т. 1: 1 жніўня 1914 – 18 сакавіка 1921 гг.: у 2 ч. – Ч. 2: 3 студзеня 1920 – 18 сакавіка 1921 гг. – 392 с.
43. Бережанский, Н. Польско-советский мир в Риге (из записок бывшего редактора) / И. Бережанский // Историк и современник. – 1922. -Т. 2. – С. 110–147. – Т. 3. – С. 109–150.
44. Березкин, А. В. Внешняя политика ленинской партии и пролетарский интернационализм / А. В. Березкин. – М.: Знание, 1968. – 78 с.

Библиотека Академии наук Литвы (БАН Литвы)

45. Белорусская делегация на Парижской мирной конференции // БАН Литвы. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 2210. Л. 1-10.

46. Белорусские военные части в Литве // БАН Литвы. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 528.
47. Письмо А. А. Смолича к В. Ю. Ластовскому 13 января 1919 г. // БАН Литвы. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 287. Л. 23-24а.
48. Материалы о разделе Рады Народных Министров БНР // БАН Литвы. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 2058. Л. 1-4.
49. Материалы, связанные с деятельностью С. Н. Булак-Балаховича // БАН Литвы. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 857. Л. 2-6, 10.
50. Парижская мирная конференция. Материалы литовской мирной делегации // БАН Литвы. – Ф. 21. Оп. 1. Д. 278. Л. 68-70, 85-86, 123-124, 145-147.
51. Брыгадзін, П., Ладысей, У. “Іменем беларускага народу...”. Матэрыялы і дакументы аб дзэйнасці міністэрства беларускіх спраў. 1918-1919 гг. / П. Брыгадзін, У. Ладысей//Беларуская мінуўшчына. – 1997. – № 2. -С. 26-31.
52. Варонка, Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 гадоў. Кароткі нарыс / Я. Варонка. – Коўна, 1920. – 29 с.
53. Вернигоров, В. Поражение, которое отрезвляет (о войне 1919-1921 гг. между Россией и Польшей и последствиях подписания Рижского мирного договора) / В. Вернигоров // Беларуская думка. – 2001. -№ 3. – С. 123-127.
54. Версальский мирный договор / под ред. Ю. В. Ключникова. – М.: издание Литиздата НКИД, 1925. – 198 с.
55. Возвращаясь к “чуду на Висле” (к истории подписания мирного договора с Польшей, 1920-1921 гг.) // Международная жизнь. – 1990. - № 9.-С. 101-110.
56. Волаціч, М. Лінія Керзона на фоне падзеяў і тэрытарыяльных зьменаў у Усходній Еўропе / М. Волаціч // Спадчына. – 1993. – № 5. – С. 4-21. - № 6. -С. 16-33.
57. Воронко, И. Я. Белорусский вопрос к моменту Версальской мирной конференции. Историко-политический очерк / И. Я. Воронко. – Ковно, 1919. – 60 с.
58. Галынец, А. (Цвіківіч, А.) Чатыры гады. 1918-25.03.1922 / А. Галынец (Цвіківіч, А.) // Спадчына. – 1996. – № 3. – С. 140-148.
59. Гісторыяграфія гісторыі Беларусі: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы навук. канф., прысвеч. 70-годдзю Ін-та гіст. НАН Беларусі (Мінск, 6-7 кастр. 1999 г.) / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд) [і інш.]. – Мінск, 2000. – 345 с.
60. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / рэдкал. А. Вабішчэвіч [і інш.]. – Мінск: Экаперспектывы, 2000-2013 / рэдкал.: М. Касцюк. – Т. 5: Беларусь у 1917-1945 гг. – 2007. – 613 с.

61. Гісторыя Беларусі: у 2 ч. /пад. рэд. Я. К. Новіка [і інш.]. – Мінск: Вышэйшая школа, 2003. – Ч. 2: Люты 1917 г. – 2002 г. – 2003. – 472 с.
62. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Кавалсня [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2011. – Кн. 1.-584 с.
63. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энциклопедия / под ред. С. С. Хромова. – М.: Советская энциклопедия, 1993. – 702 с.
64. Грицкевич, А. П. Провал антисоветских планов литовских и белорусских буржуазных националистов в годы гражданской войны / А. П. Грицкевич // Из истории Советской Белоруссии / редкол.: И. С. Кравченко [и др.]. – Минск, 1969. – 572 с. – С. 96–107.
65. Грыцкевіч, А. Барацьба за Беларусь 1917–1921 / А. Грыцкевіч // Выбранае. – Мінск: Кнігазбор, 2012. – 608 с.
66. Грыцкевіч, А. Заканчэнне савецка-польскай вайны ў другой палове 1920 г. і постаць Булак-Балаховіча / А. Грыцкевіч // Спадчына. – 1995.- № 5.-С. 90-115.
67. Да 90-годдзя прыніцця Рыжскага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. 36. навук. прац III Міжнароднай навук. – тэарэт. канф. Мінск, 9-10 чэрв. 2012 г. / навук. рэд. Е. Расоуска, А. Вялікі. – Мінск: ТА А “Ковчег”, 2011. – 344 с.
68. Декреты Советской власти: в 20 томах. – М.: изд-во полит, литры, 1968–1989. – Т. 4–13: 10 ноября 1918 г. – 16 марта 1921 г. – 731 с.
69. Десятый съезд РКП(б). 8-16 марта 1921 г. – М.: Партиздат, 1933.– 506 с.
70. Дэкларацыя ЦВК Літ-Бел ССР ад 26 лютага 1919 г. // Звезда. 1919. – № 388 (4 сакавіка).

Государственный архив Гродненской области (ГАГО)

71. Заявления граждан о компенсации земель, которые отошли на советскую сторону в ходе проведения советско-польской границы за 1922 г. // ГАГО. – Ф. 543. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–8.

Государственный архив Минской области (ГАМО)

72. Протоколы заседаний Минского Совета рабочих и красноармейских депутатов за сентябрь–ноябрь 1921 г. // ГАМО. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-15.
73. Протоколы заседаний № 1-14 Минского Совета рабочих и красноармейских депутатов // ГАМО. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 42. Л. 15.
74. Циркуляры ВРК БССР. Приказы по Минской уездной милиции с 2 ноября по 15 декабря 1920 г. // ГАМО. – Ф. 721. Оп. 1. Д. 2. Л. 67–70.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

75. Нота государственного департамента США итальянскому послу в Вашингтоне от 10 августа 1920 г., о неприемлемости для США проекта расчленения России // ГАРФ. – Ф. 6055. Оп. 1. Д. 12. Л. 1-12.
76. Протокол совещания Особой комиссии Народного комиссариата финансов РСФСР // ГАРФ. – Ф. 4310. Оп. 2. Д. 61. Л. 19–21.
77. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: И. Н. Земсков [и др.]. – М., 1957. – Т. 1: 7 ноября 1917 г. – 31 декабря 1918 г. – 771 с.
78. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: Г. К. Деев [и др.]. – М., 1958. – Т. 2: 1 января 1919 г. – 30 июня 1920 г. – 803 с.
79. Документы внешней политики СССР: в 24 т. / редкол.: Г. А. Белов [и др.]. – М., 1959. – Т. 3: 1 июля 1920 г. – 18 марта 1921 г. – 723 с.
80. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 11 т. / под ред. С. Вроньского. – М., 1964. – Т. 2: декабрь 1918 г. – март 1920 г. – 528 с.
81. Документы и материалы по истории советско-польских отношений: в 11 т./ под ред. С. Вроньского. – М., 1965. – Т. 3: апрель 1920 г. – март 1921 г. – 607 с.
82. Дронов, С. Б. Парижская мирная конференция 1919 г. и попытки урегулирования взаимоотношений с Советской Россией: французский и американский подходы / С. Б. Дронов // Социально-экономические явления и процессы. – Тамбов, 2010. – Вып. 4. – С. 114–121.
83. Дубровко, Е. Н. Проблема признания Рижской границы во внешней политике Великобритании осенью 1920 г. – весной 1922 г. / Е. Н. Дубровко // Bialoruskie Zeszyty Historyczne. – 2011. – № 8. – S. 109–117.
84. Дубровко, Е. Н. Политика Великобритании в отношении восточных границ Польши (ноябрь 1918 – март 1923 г.): дис... канд ист. наук: 07.00.03. / Е. Н. Дубровко. – Минск, 2015. – 183 л.
85. Дуж-Душэусю, К. Беларусь і Рыжею Mір / К. Дуж-Душэусю // Спадчына. – 1995.-№ 6. – С. 207–222.
86. Езовитов, К. Белорусы и поляки: Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 гг. / К. Езовитов. – Ковно, 1919. – 124 с.
87. Жуков, Ю. Н. Первое поражение Сталина. 1917–1922 годы: от Российской империи – к СССР / Ю. Н. Жуков. – М.: Аква-Терм, 2011. – 672 с.
88. З успамінаў і прапаці старшыні польскай дэлгагацыі на Рыжскай мірнай канфэрэнцыі Я. Домскага аб тайных прагаворах са старшынёй расійска-ўкраінскай дэлегацыі А. А. Іофе наконт мяжы паміж Польшчай і Беларуссю / складальнік і аўтар камснтарыя ў. Е. Снапкоўскі //

- Российские и славянские исследования: науч. сб. / редкол.: А. П. Сальков [и др.]. – Минск: БГУ, 2008. – 368 с. – Вып. 3. – С. 237–244.
89. Зимионко, А. Оккупация и интервенция в Белоруссии / А. Зимионко. – М.: Изд-во Всесоюз. о-ва политкаторжан и ссыльных поселенцев, 1932. – 46 с.
90. Знешняя палітыка Беларусі: зб. дак. і матэрыялаў: у Ют. – Мінск: БелНДІДАС, 1997. -Т. 1: 1917–1922 гг. – 398 с.
91. Зубачевский, В. А. Политика России в отношении восточной части Центральной Европы: 1917–1923 гг.: дис... д-ра. ист. наук: 07.00.02 / В. А. Зубачевский. – Омск, 2006. – 343 л.
92. Зуев, Ф. Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию (1919–1920) / Ф. Зуев. – М., 1958. – 178 с.
93. Зюзькоў, А. Крыававы шлях беларускай нацдэмакратыі / А. Зюзькоў. – Мінск: Белдзяржвыд, 1931. – 86 с.
94. Іваноў, М. Рыжскі мір і эмігранцкі ўрад БНР / М. Іваноў // Беларусіка=Albaruthenica. – Мінск, 1997. – Т. 6: Беларусь паміж Усходам і Захадам: у 2-х ч. – Ч. 1. – С. 274–280.
95. Ігнатоўскі, У. Камуністычная партыя Беларусі і беларускае пытанне/ У. Ігнатоўскі // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху / пад рэд. А. Сташэўскага [i інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр. выканаўчага кам. БССР, 1924. – 322 с. – С. 229–239.
96. Из истории гражданской войны и интервенции. 1917–1922 гг.: Сб. статей / редкол.: И. И. Минц. – М.: Наука, 1974. – 480 с.
97. Иностранныя военная интервенция в Белоруссии 1917–1920 гг. / под ред. И. И. Минца [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1990. – 342 с.
98. Иоффе, А. Мирное наступление / А. Иоффе. – Петербург: Гос. изд-во, 1921. – 39 с.
99. Ісачанка, С. М. Правая амерыкана-англійскіх агрэсіўных планаў у Беларусі ў 1917–1920 гг. / С. М. Ісачанка. – Мінск: Дзярж. выд-ва БССР, 1954.– 118 с.
100. История внешней политики СССР: в 2 т. / под ред. А. А. Громыко, Б. И. Пономарева. – М.: Наука, 1986. – Т. 1: 1917–1945 гг. – 535 с.
101. Кавалсва, Л. А. Утварэнне і дзейнасць Наркамата замежных спраў БССР у 1919–1922 гг. / Л. А. Кавалсва // Весці АН Беларусі. Сер. гуманіт. паву к. – 1993. – № 1. – С. 43–49.
102. Казлоў, Л. Р. Беларусь на сямі рубяжах / Л. Р. Казлоў. – Мінск: Беларусь, 1993.– 71 с.
103. Калубовіч, А. Т. “АйцыГ БССР і іхны лес / А. Т. Калубовіч // Крокі гісторыі. Дасьледаваньні, артыкулы, успаміны. – Беласток-Вільня-Менск: ГАМ АКС, 1993. – 286 с. – С. 92–132.

104. Какурин И., Меликов В. Гражданская война в России: Война с белополяками / И. Какурин, В. Меликов. – М.: АСТ, 2002. – 732 с.
105. Каменская, И. В. Белорусский народ в борьбе за советскую власть / И. В. Каменская. – Минск: Изд-во АН БССР, 1963. – 263 с.
106. Каменская, И. В. Ля вытоку зрады / И. В. Каменская. – Мшск, 1963.-58 с.
107. Каменская, И. В. Образование Белорусской Советской Социалистической республики / И. В. Каменская. – Минск, 1968. – 24 с.
108. Каменская, Н. В. Участие белорусского народа в разгроме третьего похода Антанты и освобождение Белоруссии от интервентов (1920 г.) / Н. В. Каменская // Из истории борьбы белорусского народа за Советскую власть и победу социализма. – Минск: Изд-во АН БССР, 1957. – С. 47–76.
109. Карр, Э. История Советской России: в 24 кн. / Э. Карр. – М.: Прогресс, 1990. – Т. 1–2: Большевистская революция 1917–1923. -1990.-768 с.
110. Кітурка, Ю. В. Беларусь у палітычных канцэпцыях Ю. Пілсудскага і Р. Дмоўскага (1892–1908 гг.) /Ю. В. Кітурка. – Гродна, 2001. – 123 л.
111. Ключников, Ю. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях: в 2 ч. / под ред. А. В. Сабанина [и др.]. – М.: Госполитиздат, 1925–1926. – Ч. 2: От Империалистической войны до снятия блокады с Советской России. – 1926. – 464 с.
112. Кнорин, В. Г. Избранные статьи и речи / В. Г. Кнорин. – Минск, 1990. – 303 с.
113. Кнорын, В. Г. Кастрычніцкая партія на Беларусі / В. Г. Кнорин // Беларусь: Нарысы гісторыі, эканомікі, культуры і рэвалюцыйнага руху / пад рэд. А. Сташэўскага [і інш.]. – Мінск: Выд. цэнтр. выканаўчага кам. БССР, 1924. – 322 с. – С. 215–221.
114. Кнорин, В. Г. Мир и Белоруссия / В. Г. Кнорин // Избранные статьи и речи. – Минск, 1990. – 303 с. – С. 67–69.
115. Кнорин, В. Г. Советская Белоруссия / В. Г. Кнорин // НАРБ. -Ф. 60п. Оп. 3. Д. 464. Л. 1–4.
116. Ковалева, Л. А. Внешнеполитическая деятельность Советской Белоруссии в 1919–1929 гг.: дис... канд ист. наук: 07.00.02. / Л. А. Ковалева. – Минск, 1993. – 143 л.
117. Ковалева, Л. А. К вопросам о внешнеполитическом положении БИР и БССР в 1919-1920-е гг. / Л. А. Ковалева // Материалы научно-методической конференции преподавателей и сотрудников по итогам научно-исследовательской работы в 2008 г., 3–4 февраля 2009 г. / под ред. А. В. Иванова. – Могилев: МГУ, 2009. – 408 с. – С. 24–26.

118. Короткова, Д. А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг.: дис... канд ист. наук: 07.00.03. / Д. А. Короткова. – М., 2015.-252 л.
119. Костюшко, И. И. Из истории советско-польских отношений. Польское бюро ЦК РКП (б). 1920–1921 гг. / И. И. Костюшко. – М., 2003. – 143 с.
120. Коўксьль, І. І. “Беларускае пытанне” ў палітыцы Польшчы (1918–1920) / 1.1. Коўксьль // Гістарычнае навука і гістарычнае адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь / рэдкал.: М. П. Касцюк [і інш.]: у 2-х ч. – Мінск, 1994. -277 с.-Ч. 1: Гісторыя Беларусь – С. 150–161.
121. “Красная книга”: сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях 1918–1920 гг. / под ред. Г. В. Чичерина. – М.: Госполитиздат, 1920. – 112 с.
122. Краўцоў, М. Рада Беларускае Народнас Рэспублікі / М. Краўцоў//Спадчына. – 1998. – № 1. -С. 75-127.
123. Кротаў, А. Гульня ў незалежнасць (з матэрыялаў перыядычнага друку 20-х гадоў) / А. Кротаў // Беларуская мінуўшчына. – 1995. – № 4. – С. 46–49.
124. Круталевич, В. А. История Беларуси: становление национальной державности (1917–1922 гг.) / В. А. Круталевич. – Минск: Право и экономика, 1999. – 385 с.
125. Круталевіч, В. Абвяшчэшю рэспублікі (Гістарыяграфічны аспект) / В. Круталевіч. – Мінск: ВТАА Права і эканоміка, 2004. – 119 с.
126. Круталевич, В. А. От войны к миру (польско-советские отношения в 1920–1922 гг.) / В. А. Круталевич. – Минск: Право и экономика, 2006.– 150 с.
127. Круталевіч, В. Рыжскі мірны дагавор / В. Круталевіч // Спадчына. – 1990. – № 1.-С. 12–14.
128. Круталевіч, В. Рыжская дамова 1921 г. / В. Круталевіч // Спадчына. – 1993. – № 4. – С. 12–22.
129. Крэчэўскі, П. Мандаты Беларускай Народнай Рэспублікі. Даклад, чытаны ў Беларусім студэнцкім клубе / П. Крэчэўскі // Спадчына. – 1993. – № 1. – С. 2–10.
130. Крэчэўскі, П. Беларусь у мінулым і сучасным / П. Крэчэўскі // Спадчына. – 2000. – № 4. – С. 3–39.
131. Крыварот, А. А. Савецка-польская война: гістарыяграфія праблемы / А. А. Крыварот// Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусь Матэрыялы міжнар. бел. – пол. навук. семінара. Мінск, 5–6 крас. 2002 г. / адк. рэд., склад. К. І. Козак [і інш.1. – Мінск: НАРБ, 2002. – 75 с. – С. 13–17.

132. Кудрявцев, П. А. Проблемы белорусской государственности в национальной политике РКП (б). 1917–1921 гг.: автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.02 / П. А. Кудрявцев. – М.: МГУ, 1995. – 44 с.
133. Кузьмин, Н. Ф. Крушение последнего похода Антанты / Н. Ф. Кузьмин. – М.: Госполитиздат, 1958. – 344 с.
134. Кузьмин, Н. Ф. Организация Коммунистической партией разгрома последнего антисоветского похода Антанты (апрель–ноябрь 1920 г.) / Н. Ф. Кузьмин. – М.: Госполитиздат, 1962. – 48 с.
135. Кулевіч, І. Р. Беларускі нацыянальны рух (1902–1925 гг.): гістарыяграфія праблемы: дыс... канд. гіст. навук: 07.00.09 / І. Р. Кулевіч. – Гродно, 2004. – 113 л.
136. Кулевіч, І. Р. Беларускае пытанне ў польскай даваенай гістарыяграфіі / І. Р. Кулевіч // Інститут белорусской культуры и становление науки в Беларуси: материалы межд. научи, конф. 8–9 дек. 2011 г. / редколл.: А. А. Коваленя. – Минск: Беларуская навука, 2012. – 767 с. – С. 650–655.
137. Куличенко, М. И. Борьба Коммунистической партии за решение национального вопроса в 1918–1920 гг. / М. И. Куличенко. – Харьков, 1962.-346 с.
138. Ладысеў, У. Ф. Рада БНР пасля Рыжскага дагавора 1921, ці канец національнага рамантызму / У. Ф. Ладысеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 1997. – № 1. – С. 48–53.
139. Ладысеў, У. Ф. Рыжскі дагавор 1921 г. і курс кіраўніцтва Савецкай Расіі на сувестную пралетарскую революцыю / У. Ф. Ладысеў// Рыжскі мірны дагавор і лесы народаў Усходняй Еўропы: матывялы навуковай канферонцыі; пад ред. У. Ф. Ладысева. – Мінск: БДУ, 2001. -78 с. – С 14–22.
140. Ладысеў, У. Ф. Рыжскі дагавор 1921 года і палітыка кіраўніцтва Савецкай Расіі гжепарту революцыі / У. Ф. Ладысеў // Biuletyn Historii Pogranicza. – 2001. – № 2. – С. 31–39.
141. Ладысеў, У. Ф. Рыжскі мірны дагавор: перамога савецкай дыпламатыі ці паражэнне / У. Ф. Ладысеў // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001. —№ 3. – С. 23–27.
142. Ладысеў, У. Ф. Пазіцыя кіраўніцтва Савецкай Расіі па беларускім пытанні. Утваронне ССРБ / У.Ф Ладысеў // Нарыс гісторыі беларускай дзяржаўнасці: ХХ стагоддзе. – Мінск, 2008. – 614 с.
143. Ладысеў, У. Ф. Праблема тэрытарыяльной цэласнасці Беларусі ў свяtle палітыкі бельведорскага лагера ў 1920-я гады: рамантызм і роалі // У. Ф. Ладысеў // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусь. Матывялы міжнароднага беларуска-польскага навуковага семінара. Мінск, 5–6 красавіка 2002 г. /адк. род. склад К. І. Козак [і інш.]. – Мінск: НАРБ, 2002. – 75 с. – С. 26–32.

144. Ладысеў, У. Ф. Вываленне Беларусі і другое абвяшчэнне ССРБ. Заключэнне Рыжскага мірнага дагавора /У. Ф. Ладысеў //Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.]. – Мінск: Беларуская навука, 2011. – 584 с. – Кн. 1. – С. 419–433.
145. Ладысеў, У. Ф. На пераломе эпох: станаўленне беларускай дзяржаўнасці (1917–1920 гг.) / У. Ф. Ладысеў, П. І. Брыгадзін. – Мінск: БДУ, 1999.-127 с.
146. Ладысеў, У. Ф. Паміж Усходам і Захадам: станаўлеине дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.) / У. Ф. Ладысеў П. І. Брыгадзін. – Мінск: БДУ, 2003. – 307 с.
147. Лазько, Р. Р. Антон Луцкевіч у Парыжы / Р. Р. Лазько // Крыніцызнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны: навук. зб. / рэд- кал.: У. Н. Сідарцоў [і інш.]. – Мінск: БГУ, 2010. – Вып. 5. -С. 102–110.
148. Лазько, Р. Беларуска-савецкія перагаворы 1920 г. / Р. Лазько // Bialorus w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki / pod red. D. Michaluk. – Torun, 2007. – 734 s. – S. 325–337.
149. Лазько, Р. Беларуси фронт і сусветнай рэвалюцыі ў 1920 г. / Р. Лазько // Да 90-годдзя прыніяцця Рыжскага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. Зборнік навуковых прац III міжнароднай навукова-тэарычнай канферэнцыі. Мінск, 9-10 чэрвеня 2012 г. / навук. рэд. Е. Расоўска, А. Вялікі. – Мінск: ТА А “Ковчег”, 2011. – 344 с. – С. 219–240.
150. Лазько, Р. Хто знішчыў “Грамаду”: / Р. Лазько // Беларуская мінуўшчына. – 1994. – № 2. – С. 46–49.
151. Лазько, Р. Спрабы заключэння беларуска-польскага саюза ў 1919 годзе / Р. Лазько // Беларускі гістарычны зборнік. – 2001. – № 15.-С. 109–121.
152. Лазько, Р. Р. “Я сын гэтага краю...” (Ю. Пілсудскі і Беларусь 1918–1935 гг.) / Р. Р. Лазько // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі. Матэрыялы міжнароднага беларуска-польскага навуковага семінара. Мінск, 5–6 красавіка 2002 г. / адк. рэд. склад. К. І. Козак [і інш.]. – Мінск: НАРБ, 2002. – 75 с. – С. 85–87.
153. Лазько, Р. Р. Лісты Антона Луцкевіча з часу Парыжскай мірнай канферэнцыі / Р. Р. Лазько // ARCHE. – 2006. – № 10. – С. 54–81.
154. Лазько, Р. “Перагаворы” Антона Луцкевіча ў Москве як міф беларускай гістарыяграфіі / Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2007. – № 4. – С. 9–14.
155. Лазько, Р. Р. Польска-савецкія перагаворы 1920 г. і лес Беларусі / Р. Р. Лазько // Беларускі гістарычны часопіс. – 2010. – № 12. – С. 5–12.

156. Лазько, Р. Р. Польска-савецкія мірныя перамовы і лес БССР / Р. Р. Лазько // *Bialoruskie Zeszyty Historyczne*. – 2011. – № 8. – S. 33–56.
157. Ласоўскі, П. Беларуская карта ў якасці літоўскага козыра 1918–1924 гг. / П. Ласоўскі // Беларуская мінуўшчына. – 1994. -№ 4. – С. 3–6.
158. Лебедзева, В. Камітэт Загранічных групаў Беларускай партыі сацыял-рэвалюцыянараў (1920–1923 гг.) / В. Лебедзева // Спадчына. – 1997. -№ 4. -С. 22–27.
159. Ленин, В. И. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. / В. И. Ленин // Поли. собр. соч.: [в 55 т.]. – М., 1963. – Т. 41. – С. 319–333.
160. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – М.: Изд-во политической литературы, 1967–1983 / под ред. В. В. Горбунова. – М., 1977. – Т. 40: декабрь 1919 г. – апрель 1920 г. – 506 с.
161. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. – М.: Изд-во политической литературы, 1967–1983 / под ред. В. В. Горбунова. – М., 1977. – Т. 41: май – ноябрь 1920 г. – 695 с.
162. Ленин, В. И. Неизвестные документы, 1891–1922 гг. / В. И. Ленин; Федер. арх. служба Рос. Федерации. – М.: Россспэн, 1999. – 670 с.
163. Ліпсцкі, Э. Аляксандар Цвіківіч: “Ліквідацыя БІР не была манеўрам”. “Візіт да Пілсудскага” (з архіва КДБ) / Э. Ліпсцкі, У. Міхшок // Маладосць. – 1993. – № 1. – С. 211–240.
164. Літвін, А. М. Генерал Булак-Балаховіч (міфы, фальсіфікацыі, рэалыіасць) / А. М. Літвін // Сыны і пасынкі Беларусі. – Мінск: Польмія, 1996.-415 с.-С. 285–310.

Литовский центральный государственный архив (ЛЦГА)

165. Личная переписка председателя Совета Министров БНР В. Ю. Ластовского за 1918–1922 гг. //ЛЦГА. – Ф. 582. Оп. 1. Д. 45. Л. 1-167.
166. Бюллетени белорусского пресс-бюро, личная переписка В. Ю. Ластовского за 1920 г. // ЛЦГА. – Ф. 582. Оп. 1. Д. 53. Л. 1-184.
167. Выписка из протоколов заседаний контрреволюционного белорусского Совета Слуцкой волости об отношениях к Польше и к белогвардейской армии Булак-Балаховича за 12–30 января 1921 г. // ЛЦГА. -Ф. 582. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–8.
168. Декларации заявлений, меморандумы резолюций, протесты и другие материалы белорусских контрреволюционных партий, организаций об итогах мирной конференции в Риге и мирных переговорах в Париже // ЛЦГА. – Ф. 582. Оп. 1. Д. 6. Л. 1-91.
169. Письма, направленные А. И. Луцкевичу // ЛЦГА. – Ф. 281. Оп. 2. Д. 32. Л. 1-152.

170. Рижская мирная конференция. Материалы по вопросу мирной конференции в Риге // ЛЦГА. – Ф. 582. Оп. 1. Д. 8. Л. 1-98.
171. Отчёт Е. М. Ладнова о деятельности белорусской миссии БНР в Париже. Доклад П. А. Бодуновой об итогах поездки в РСФСР // ЛЦГА. -Ф. 582. Оп. 1. Д. 9. Л. 1-2.
172. Ллойд Джордж, Д. Правда о мирных договорах: в 2 т. / Д. Ллойд Джордж. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – Т. 1. – 655 с.
173. Лочмель, И. Ф. Освобождение Белоруссии от Белопольских оккупантов / И. Ф. Лочмель. – Минск: Госиздат Белоруссии, 1939. – 51 с.
174. Лочмель, I. F. Барацьба беларускага народа супраць інтэрвентаў /1. Ф Лочмель. – Mi иск: Дзяржвыд. пры СНК БССР, 1940. – 114 с.
175. Лочмель, И. Ф. Очерк истории борьбы белорусского народа против польских панов / И. Ф. Лочмель. – М.: Воениздат, 1940. – 164 с.
176. Луцкевіч, А. I. За дваццаць пяць гадоў (1903–1928): успаміны аб працы першых беларус. паліт. арг.: Беларус. рэвалюц. грамада, Беларус. сацыяліст. грамада / А. I. Луцкевіч. – Мінск: БелСЭ, 1991. – 64 с.
177. Луцкевіч, А. I. Польская акупацыя ў Беларусі / А. I. Луцкевіч. – Мінск: Полымя, 1992. – 19 с.
178. Луцкевіч, А. Дзённік / А. Луцкевіч // Полымя. – 1991. – № 4. – С. 215–224.
179. Малков, А. В. Польско-российский территориальный спор на Парижской мирной конференции (январь-июнь 1919 г.) / А. В. Малков // Новая и новейшая история Европы и США: исследования, проблемы, поиски. – Минск: БГПУ им. М. Танка, 2007. – 198 с. – С. 30–36.
180. Мануильский, Д. О рижских переговорах / Д. Мануильский // Коммунистический интернационал. – 1920. – № 15. – С. 3077–3082.
181. Маргунский, С. П. Создание и упрочение Белорусской государственности, 1917–1922 / С. П. Маргунский. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1958.-258 с.
182. Мархлевский, Ю. Польша и мировая революция / Ю. Мархлевский. – М.: Госполитиздат, 1920. – 36 с.
183. Мархлевский, Ю. Война и мир между буржуазной Польшей и пролетарской Россией / Ю. Мархлевский. – М.: Госполитиздат, 1921.-42 с.
184. Мархлевский, Ю. Чего хочет варшавское правительство / Ю. Мархлевский // Правда. – 1918. – 26 декабря. – С. 4–7.
185. Матвеев, Г. Польское направление советского мирного наступления. Январь-апрель 1920 г. / Г. Матвеев // Да 90-годдзя прыніяцця Рыжскага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносіну XX ст. 36. навук. прац III міжнар. навук. – тэарэт. канф.

Мінск, 9-10 чэрв. 2011 г. / нав. рэд. Е. Расоўска, А. Вялікі. – Мінск, 2011.-344 с.-С. 63–90.

186. Мацюш, П. А. Беларускі нацыянальны рух у час савецка-польскай вайны 1919–1920 гг. / П. А. Мацюш // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі. Матэрыялы міжнар. бел.-пол. навук. семінара. Мінск, 5–6 крас. 2002 г. / адк. рэд. склад. К. І. Козак [і інш.]. – Мінск: НАРБ, 2002. – 75 с. – С. 18–22.
187. Мірановіч, Я. Паміж Польнчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных груповак у 1918–1922 гг. / Я. Мірановіч // Паша слова. – 1995. – № 52. – С. 4.
188. Міхнюк, У. М. Справа Вацлава Ластоускага / У. М. Mixіpok // Маладосць. – 1993. – № 8. – С. 203–242.
189. Михутина, И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. / И. В. Михутина. – М.: ИСБ РАН, 1994. – 323 с.
190. Мязга, М. М. Міжнародна-палітычны аспект барацьбы за беларускую дзяржаўнасць у пачатку 1920-х гг. / М. М. Мязга // Bialoruskie Zeszyty Historyczne. – 2001.– № 15.-S. 122–132.
191. Мязга, М. М. Перамовы ў Рызе: пахаванне палітыкі федэралізму / М. М. Мязга // Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусь Матэрыялы міжнар. бел.-пол. навук. семінара. Мінск, 5–6 крас. 2002 г. / адк. рэд. склад. К. І. Козак [і інш.]. – Мінск: НАРБ, 2002. – 75 с. – С. 23–25.
192. Найдзюк, Я., Касяк, І. Беларусь учора і сяньня / Я. Найдзюк, І. Касяк. – Мінск: Павука ітэхніка, 1993. -415 с.

Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ)

193. Выписки из протоколов заседаний ЦК РКП(б), переписка с партийными военными и советскими организациями: июль-ноябрь 1920 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 316. Л. 1-349.
194. Докладная записка полномочного дипломатического представителя БНР в Литве // НАРБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 120. Л. 57.
195. Документы по вопросам отношений правительства БНР с правительствами иностранных государств // НАРБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 14. Л. 1-217.
196. Заключение мирного договора с Польшей (переговоры в Борисове, Минске, Риге): 16 апреля 1919 г. – 18 марта 1921 г. // НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 3. Д. 452. Л. 1-193.
197. Листовки ЦК КП(б) ЛиБ, Минского городского комитета, Президиума Минского ВРК // НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 3. Д. 393. Л. 1-116.
198. Копии протоколов, телеграмм, отчетов ЦБ и Минской организации КП ЛиБ о власти Советов // НАРБ. – Ф. 60п. Оп. 3. Д. 425. Л. 1-104.

199. Материалы по исполнению Рижского договора (декларация российско-украинской военной делегации, договор о репатриации): 8 января – 23 августа 1921 г. // НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 18а. Л. 1-89.
200. Меморандум Правительства БНР, протест Рады БНР от 29 июля 1920 г. в связи с условиями заключенного мира между Россией и Литвой // НАРБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 98. Л. 1-149.
201. Переписка с председателем Польско-российско-украинской военной делегации о бесчинствах польских солдат в нейтральной зоне: 5-25 декабря 1920 г. // НАРБ. – Ф. 8. Оп. 1. Д. 60. Л. 1-6.
202. Протокол заседаний Президиума ЦК КП(б) Литвы и Беларуси, декларация ЦК КП(б) ЛиБ относительно заявления РСФСР Польше // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 160. Л. 1-2.
203. Протокол заседаний Центральной Рады Виленщины и Гродненщины 19 сентября 1919 г. // НАРБ. – Ф. 368. Оп. 1. Д. 24. Л. 7-10.
204. Протокол собрания представителей БНР на мирной конференции в Париже // НАРБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 49. Л. 1-51.
205. Протокол и резолюции национально-политической конференции представителей белорусско-социалистических партий в Риге 20–21 октября 1920 г. // НАРБ. – Ф. 325. Оп. 1. Д. 107. Л. 1-57.
206. Протоколы заседаний сессии ЦИК БССР, выбранном на втором съезде Советов БССР и материалы к ним: 18 декабря – 17 апреля 1921 г. // НАРБ. – Ф. 6. Оп. 1. Д. 1. Л. 1-123.
207. Протоколы заседаний ВРК БССР, его комиссии по Управлению эвакуированных учреждений БССР: 29 сентября – 1 ноября 1920 г. // НАРБ. – Ф. 8. Оп. 1. Д. 13. Л. 1-146.
208. Протоколы заседаний ЦБ КП(б)Б и ЦК КП(б) Лит-Бел за 1918–1920 гг. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 39. Л. 1-149.
209. Протоколы заседаний ЦК КП(б)Б, Минского губернского комитета и партийной организационной тройки с 18 января по 20 декабря 1920 г. // НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 1. Д. 158. Л. 1-70.
210. Протоколы и выписки из протоколов заседаний ЦИК, СНК и коллегий НКВД БССР за 1921 г. // НАРБ. – Ф. 34. Оп. 1. Д. 30. Л. 1-214.
211. Отчёт о количестве уездов, которые входили в нейтральную зону // НАРБ. – Ф. 34. Оп. 1. Д. 19. Л. 34.
212. Правительственные телеграммы о внутреннем и международном положении Советской Республики: 3 января – 13 декабря 1920 г. // НАРБ. – Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Л. 1-78.
213. Недасек, Н. (Адамовіч, А.) 1918–1948: Да 30-х угодкаў найвызначных падзеяў нашага нацыянальнага руху / Н. Недасек (Адамовіч, А.)//Спадчына. – 1998. -№ 1. – С. 51–74.

214. Никольсон, Г. Как делался мир в 1919 г. / Г. Никольсон.-М.: Госполитиздат, 1945. -298 с.
215. Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: совмест. рос. – белорус. исслед. / под общ. ред. Э. Б. Энтина. – Гомель, 1993. – Ч. 2: У истоков политического противостояния. – 227 с.
216. Ольшанский, П. Н. Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 – март 1921 гг.) / П. Н. Ольшанский. – М.: Наука, 1969. – 260 с.
217. Павлова, Т. Я. Внешнеполитическая деятельность Белорусской Народной Республики в 1918–1920 гг.: дис... канд. ист. наук: 07.00.15 / Т. Я. Павлова. – Минск, 2001. – 109 с.
218. Павлова, Т. К вопросу о границах БНР / Т. Павлова // Белорусский журнал междунар. права и междунар. отношений. – 1999. – № 1.-С. 77–83.
219. Паўлава, Т. Я. Асноўныя напрамкі знешнепалітычнай дзейнасці БНР 1918–1920 гг. / Т. Я. Паўлава // Bialoruskie Zeszyty Historyczne. -2001. - № 15.– S. 76–85.
220. 1 января 1919 г.: Временное рабоче-крестьянское советское правительство Беларуси: документы и материалы / сост. В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск, 2005. – 123 с.
221. Пічэта, У. Польска-савецкія адносіны і Рыскі мір / У. Пічэта // Полымя. – 1928. – № 4. – С. 146–166. – № 6. – С. 126–147.
222. Платонаў, Р., Сташкевіч, М. Так вырашаўся лёс Беларусі / Р. Платонаў, М. Сташкевіч // Маладосць. – 1993. – № 4. – С. 194–205. – № 5.-С. 199–214.
223. Платонов, Р.П., Сташкевич, Н.С. Тернистый путь к свободе: Образование БССР / Р.П. Платонов, Н.С. Сташкевич // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции: в 3-х ч. – Ч. 2: У истоков политического противостояния. – 227 с.
224. Польско-советская война 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы): в 2 ч. / И. И. Костюшко. – М.: ПСБ РАН, 1994. – Ч. 1: 15 января 1919 г. – 19 августа 1920 г. – 215 с.
225. Польско-советская война 1919–1920 (ранее не опубликованные документы и материалы): в 2 ч. / И. И. Костюшко. – М.: ПСБ РАН, 1994. – Ч. 2: 20 августа 1920 г. – 18 марта 1921 г. – 222 с.
226. Радек, К. Война польских белогвардейцев против Советской России / К. Радек. – М.: Гос. Изд-во, 1920. – 25 с.
227. Радек, К. Третий год борьбы Советской республики против мирового капитала / К. Радек. – М.: Гос. полит. издат., 1921. – 26 с.

228. Райский, Н. С. Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев / Н. С. Райский // Новая и новейшая история. – 1995. -№ 3.-С. 11–18.

229. Рамановіч, П. С. Палітычны і прававы статус ССРБ у 1920–1922 / П. С. Рамановіч // Государственность на Беларуси: генезис и перспектива / под рсд. И. В. Котлярова: в 2 ч. – Бреет: Изд-во БрГУ, 2002.-205 с.-Ч. 1.- С. 140–141.

Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

230. Дипломатический паспорт на русском и французском языке, выданный на имя С. М. Кирова о том, что он является членом мирной делегации РСФСР по переговорам с Польшей и направляется в Ригу: 29 сентября 1920 г. // РГАСПИ. – Ф. 80. Оп. 4. Д. 64. Л. 1–2.

231. Записки Г. В. Чичерина в Политбюро, В. И. Ленину, И. В. Сталину: 22 января 1918 г. – 19 марта 1926 г. // РГАСПИ. – Ф. 159. Оп. 2. Д. 27. Л. 1-359.

232. Записки и телеграммы Е. А. Берзина, А. А. Иоффе, М. М. Литвинова: 22 декабря 1919 г. – 27 августа 1926 г. // РГАСПИ. – Ф. 159. Оп. 2. Д. 28. Л. 1-227.

233. Переписка с российско-украинской мирной делегацией на мирных переговорах с Польшей о ходе мирных переговоров, составе делегации // РГАСПИ. – Ф. 63. Оп. 1. Д. 191. Л. 1-501.

234. Переписка Ю. Ю. Мархлевского с Г. В. Чичериным о возможности заключения перемирия на польско-советском фронте, о ходе переговоров с представителями польского правительства в Беловеже и на станции Микошевичи // РГАСПИ. – Ф. 143. Оп. 1. Д. 103. Л. 1-15.

235. Резолюции Минской губернской конференции // РГАСПИ. -Ф. 3. Оп. 1. Д. 4670. Л. 1.

236. Отчёты руководителя советской делегации А. А. Иоффе из Риги в НКИД Г. В. Чичерину, председателю СНК В. И. Ленину о ходе мирных переговоров с Польшей: 29.09.1920 г. – 28.02.1921 г. // РГАСПИ. -Ф. 5. Оп. 2. Д. 2003. Л. 1-72.

237. Телеграммы Г. В. Чичерина членам советской делегации А. А. Иоффе и Л. Л. Оболенскому в Ригу с директивами по вопросам мирных переговоров с Польшей: август 1920 г. – март 1921 г. // РГАСПИ. – Ф. 5. Оп. 2. Д. 2000. Л. 1-89.

238. Телеграммы членов советской делегации на мирной конференции в Риге Г. В. Чичерину // РГАСПИ. – Ф. 5. Оп. 2. Д. 2001. Л. 1-256.

239. Рижский мир в судьбе белорусского народа. 1921–1953 гг.: в 2 кн. – Кн. 1. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории / редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Минск: Беларуская навука, 2014. – 593 с.

240. Савинков, Б. В. На пути къ “Третьей” России. За Родину и Свободу / Б. В. Савинков. – Варшава, 1920. – 55 с.
241. Савченко, В. Н. Восточнославянско-польское пограничье, 1918–1921 гг.: этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание / В. Н. Савченко. – М.: ИСБ РАН, 1995. – 195 с.
242. Сазонов, С. Д. Воспоминания / С. Д. Сазонов. – Минск: Харвест, 2002. – 368 с.
243. Сафонов, Н. В. Критика буржуазной фальсификации истории иностранной интервенции и гражданской войны в Белоруссии (на материалах англо-американской и французской историографии): дисс... канд. ист. наук / Н. В. Сафонов. – Минск, 1988. – 195 с.
244. Системная история международных отношений: в 4 т. – М., 2000. – Т. 2: Документы 1910-1940-х годов. – 158 с.
245. Скаба, А. Д. Парижская мирная конференция и иностранная интервенция в Стране Советов (январь-июнь 1919 г.) / А. Д. Скаба. – Киев: Наукова думка, 1971. – 159 с.
246. Снапкоўскі, У. Е. Беларуска-польскія адносіны (1918–1989 гг.): Даследаванні, дакументы, ілюстрацыі і карты / У. Е. Снапкоўскі. – Мінск: “Энцыклапедыкс”, 2013. – 334 с.
247. Снапкоўскі, У. Е. Знешніспалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1929 гг.) / У. Е. Снапкоўскі // Беларускі гістарычны часопіс. – 2001.- № 3.-С. 28–41.
248. Снапкоўскі, У. Е. Удзельнікі польскай дэлгасці на Рыжскай мірнай канфэрэнцыі аб псрагаворах расійска-ўкраінскай дэлегацыі аб вызначэнні мяжы паміж Польшчай і Беларуссю / У. Е. Снапкоўскі // Проблемы внешней политики и безопасности: Беларусь – Польша: история и перспективы сотрудничества. – Минск: Тесей, 2009. – 124 с. – С. 4–16.
249. Снапкоўскі, У. Аб мандаце ВРК ССРБ, выдадзеным ураду РСФСР па пытанні вызначэння меж Беларусі / У. Снапкоўскі // Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі польска-беларускіх узаемаадносін у XX ст. 36. навук. прац III Міжнар. навук. – тэарэт. канф. Мінск, 9-10 чэрв. 2012 г. / навук. рэд. Е. Расоўска, А. Вялікі. – Мінск: ТА А “Ковчег”, 2011. – 344 с. – С. 241–255.
250. Снапкоўскі, У. Рыжскі мірны дагавор: уключаць Мінск і ўсю Міншчыну ў склад Польшчы ці не? [Электронный ресурс] / У. Снапкоўскі / Центр изучения внешней политики и безопасности. – 2011. – Режим доступа: // <http://ru.forsecurity.org>. – Дата доступа: 27.03.2013.
251. Снапкоўскі, У. Е. Тры дакументы аб польска-беларускім памежжы 1919–1923 гг. / У. Е. Снапкоўскі // Bialoruskie Zeszyty Historyczne. – 2011.- № 12. – S. 201–235.
252. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г.-М., 1943.-886 с.

253. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. – М., 1943. – 816 с.
254. Спирин, Л. М. Разгром армии Колчака / Л. М. Спирин. – М.: Госиздат. полит., лит., 1957. – 295 с.
255. Сташкевич, Н. С. На грани возможного / Н. С. Сташкевич // Неман. – 1989. – № 10. – С. 137–152; – № 11. – С. 142–155.
256. Сташкевич, Н. С. Приговор революции: крушение антисоветского движения в Белоруссии (1917–1925) / Н. С. Сташкевич. – Минск: Университетское, 1985. – 304 с.
257. Сташкевич, М. С. На зломс часу. Да пытання беларускай дзяржаўнасці / М. С. Сташкевич // Маладосць. – 1989. – № 8. – С. 150–163.
258. Сташкевич, Н. С. Борьба большевиков Белоруссии против национальных партий в годы гражданской войны. 1918–1920 гг. / Н. С. Сташкевич // Непролетарские партии и организации национальных районов России в Октябрьской революции и гражданской войне. – М., 1980. -С. 52–68.
259. Тардье, А. Мир / А. Тардье / под ред., вступ. статьей Б. Е. Штейна. – М.: Госполитиздат, 1943. – 432 с.
260. Тихомиров, А. В. Проблемы определения восточной границы Польши в 1920 г. – начале 1921 г. / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2004. - № 2.-С. 49–61.
261. Тихомиров, А. В. Взаимоотношения БССР и РСФСР в 1919–1921 гг.: противоречивое партнерство / А. В. Тихомиров // Белорусский журнал международного права и международных отношений. – 2005. -№ 2.-С. 31–38.
262. Тихомиров, А. В. Фактор Беларуси в процессе советско-польского мирного урегулирования (1920–1921 гг.) / А. В. Тихомиров // Российские и славянские исследования. – 2008. – Вып. 3. – С. 93–100.
263. Тихомиров, А. Белорусская проблематика в политике великих держав в конце 1918 г. – начале 1921 г. / А. Тихомиров // Да 90-годдзя прыняцця Рыжскага дагавору 1921 г. Матэрыялы з гісторыі пол. – бел. узаемаадносін у XX. 36. навук. прац III міжнар. навукова-тэарэт. канф., Мінск, 9-10 чэрв. 2011 г. – Мінск: ТА А “Ковчег”, 2011.-343 с. – С. 57–62.
264. Тохиян, Т. М. Рижский мирный договор в оценке современной отечественной историографии /Т. М. Тохиян // Гістарыяграфія гісторыі Беларусі новай і навейшай гісторыі краін Еўропы і ЗША: матэрыялы рэсп. навук. – тэарэт. канф., г. Мінск, 28 сак. 2008: у 2 ч. – Мінск: БДГТУ, 2008. – 296 с. – Ч. 2: Гістарыяграфія новай і навейшай гісторыі краін Еўропы і ЗША: даследаванні, праблемы, пошуки; пад рэд. А. І. Андарала [і інш.]. – С. 23–25.

265. Хауз, Э. Архив полковника Хауза: в 2 т. / Э. Хауз. – М., 1944. – Т. 2: Конец войны. Июнь 1918 – ноябрь 1919. – 403 с.
266. Хоміч, С. М. Фарміраванне тэрыторыі Беларускай Савецкай Рэспублікі (канец 1918–1926): дисс... канд ист. наук: 07.00.02. / С. М. Хоміч. – Мінск, 2000. – 119 л.
267. Хомич, С. Н. Территория и государственные границы Беларуси в XX веке: от незавершенной этнической самоидентификации и внешнеполитического произвола к современному *status quo* / С. Н. Хомич. – Минск: Экономпресс, 2011. – 416 с.
268. Хоміч, С. М. Тэрытарыяльнае пытаннс пры ўтваргжні БССР / С. М. Хоміч // Гісторыя Беларусі: новас ў даследванні і выкладанні: матэрыялы рлсп. навук. – практ. кайф., Мінск, 27 сак. 1999: у 2 ч. – Мінск, 1999.-Ч. 1.-С. 200–203.
269. Хохлов, А. Г. Крах антисоветского бандитизма в Белоруссии в 1918–1925 годах / А. Г. Хохлов. – Минск: Беларусь, 1981. – 171 с
270. Цвіківіч, А. Адраджонне Беларусі і Польшча / А. Цвіківіч. – Мінск-Вільня Берлін, 1921.– 191 с.
271. Цвіківіч, А. “Ліквідацыя БНР не была мансуром”. “Візіт да Пілсудскага” / А. Цвіківіч // Маладосць. – 1993. – № 1. – С. 211–240.
272. Цітоў, А. К. Пахабны мір / А. К. Цітоў// Казлоў, Л., Цітоў, А. Беларусь на сямі рубяжах / Л. Казлоў, А. Цітоў. – Мінск, 1993. – С. 24–67.
273. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.) / А. В. Ціхаміраў. – Мінск: Экаэкспрсыза, 2003. – 400 с.
274. Ціхаміраў, А. В. Беларуская праблематыка на Парыжскай мірнай канферэнцыі 1919–1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Весці АН Беларусь Серия грамадскіх навук. – 1996. – № 4. – С. 34–39.
275. Ціхаміраў, А. В. Ад Рыгі да Генуі / А. В. Ціхаміраў// Беларуская мінуўшчына. – 1997. – № 6. – С. 9–12.
276. Ціхаміраў, А. Нацыянальны рух і выпрацоўка асноў знешній палітыкі Беларусі ў 1914–1921 гг. / А. Ціхаміраў // Беларусіка=Albaruthenica. – Мінск, 1997. – Т. 6: Беларусь паміж Усходам і Захадам: у 2-х ч. – Ч. 1. – С. 274–280.
277. Ціхаміраў, А. Рыжскі мірны дагавор 1921 г. і леэ Беларусі / А. Ціхаміраў // Назаўседы разам: Да 60-годдзя ўз'яднання Захадній Беларуеі з БССР/ пад рэд. М. П. Касцюка, І. Я. Навуменкі [і інш.]. – Мінск: БелЭН, 1999. – 256 с – С. 19–33.
278. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у палітыцы вядучых дзяржаў Захаду (1914–1945 гг.) / А. В. Ціхаміраў // Białoruskic Zcszyty Historyczne. – 2001. - № 15.– S. 168–188.

279. Ціхаміраў, А. В. Беларусь у палітыцы Польшчы ў канцы 1918 – пачатку 1921 гг. / А. В. Ціхаміраў. // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. -2005. – № 2. -С. 59–66.
280. Ціхаміраў, А. В. "Віленскае пытанне" ў міжнародных адносінах 1918–1920 гг. / А. В. Ціхаміраў // Беларускій журнал міжнароднага права и международных отношений. -2002. -№ 3. – С. 37–45.
281. Чарвякоў, А. Р. За Савецкую Беларусь / А. Р. Чарвякоў. – Мінск, 1927.-135 с.
282. Чарвякоў, А. Я ніколі не быў ворагам. Выбраныя артыкулы і прамовы. Успаміны сучаснікаў / А. Чарвякоў. – Мінск: Беларусь, 1992.-183 с
283. Черных, М. М. Юлиан Мархлевский о советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. / М. М. Черных. – М.: ИСБ, 1990. – 229 с.
284. Чичерин, Г. В. Внешняя политика Советской России за два года. Очерк, составленный к двухлетней годовщине рабоче-крестьянской революции / Г. В. Чичерин. – М.: Гос. изд-во, 1920. – 32 с.
285. Чичерин, Г. В. Статьи и речи по вопросам международной политики / Г. В. Чичерин. – М., 1961. – 516 с.
286. Чичерин, Г. В. Ленин и внешняя политика / Г. В. Чичерин. – М.: Политиздат, 1985. – 15 с.
287. Шапошников, В. На Висле / В. Шапошников. – М.: Гос. воен. издат., 1924. – 207 с.
288. Шкляр, Е. Н. Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюции (1919–1920 гг.) / Е. Н. Шкляр. – Минск: Гос. изд-во БССР, 1962. – 176 с.
289. Штейн, Б. Е. "Русский вопрос" на Парижской мирной конференции (1919–1920 гг.) / Б. Е. Штейн. – М.: Госполитиздат, 1949. – 464 с.
290. Шумейко, М. В Риге 70 лет тому назад: [Письма А. Г. Червякова о советско-польских переговорах] / М. Шумейко // Коммунист Белоруссии. – 1991. – № 9. – С. 14–20.
291. Шумейко, М. Ф. Личный архивный фонд первого ректора Белорусского государственного университета в архиве Российской академии наук / М. Ф. Шумейко // Архшы і справаводства. – 2010. – № 3–4. -С. 102–117. – № 5. – С. 102–113.
292. Шчарбакоў, В. К. Каstryчніцкая рэвалюцыя на Беларусі і белапольская акупацыя / В. К. Шчарбакоў. – Мінск: Белдзярж. выд-ва, 1930. – 127 с.
293. Юзаф Пілсудскі ў гісторыі Польшчы і Беларусі. Матэрыялы міжнар. бел. – пол. навук. семінара. Мінск, 5–6 крас. 2002 г. / адк. рэд. К. І. Козак [i інш.]. – Мінск: НАРБ, 2002. – 75 с.

294. Юх, Я. Беларускія ўрады 1918–1921 гг. і іх паўнамоцтвы / Я. Юх // Беларускі гістарычны часопіс. – 1993. – № 4. – С. 63–68.
295. “Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать”: Выступления В. И. Ленина на IX конференции РКП (б) 22 сентября 1920 г. // Исторический архив. – 1992. – № 1. – С. 12–30.
296. Яжборовская, И. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. / И. С. Яжборовская. – М.: Academia, 2005. – 403 с.
297. Ajnenkiel, A. Od rządów ludowych do przewrotu majowego. Zarys dziejów politycznych Polski 1918–1926/ A. Ajnenkiel. – Warszaw'a, 1978. – 526 s.
298. Ajnenkiel, A. Od aktu 5 listopada do traktatu ryskiego: kilka refleksji dotyczących kształtuowania polskiej granicy wschodniej / A. Ajnenkiel // Traktat ryski 1921 roku po 75 latach: studia / pod red. M. Wojciechowskiego. – Toruń: wydawnictwo Uniwersytetu M. Kopernika, 1998. – S. 19–29.

Archiwum Akt Nowych w Warszawie (Архіў новых дакументаў у Варшаве)

299. Affaires dc Polognc. Territoires ct frontiers // A AN. – Zespół 391. Akta E. Piltza. Sygn. 18. S. 1–11.
300. Do Polskiej Delegacji na Konferencję Pokojową w Rydze // AAN. – Zespół 390. Akta L. Wasilewskiego. Sygn. 47. S. 22–24.
301. Instrukcja Mieszanej komisji granicznej // AAN. – Zespół 390. Akta L. Wasilewskiego. Sygn. 48. S. 39–44.
302. Konferencja pokojowa polsko-radziecka w Rydze. Raporty, instrukcji, notatki, korespondencja, przewodnik po radzieckiej scenie politycznej w 1920 r. // AAN. – Zespół 1741. Akta R. Knolla. Sygn. 2. S. 79–82.
303. Kopja telegramu szyfrowanego J. Dębskiego do Ministrestwa spraw zagranicznych 26 sierpnia 1920 r. // AAN. – Zespół 322. Sygn. 6737. S. 45.
304. List E. Piltza do E. Sapiehy 28. 11. 1920 // AAN. – Zespół 391. Akta E. Piltza. Sygn. 32. S. 32.
305. List E. Piltza do szanownego Prezesa Komitetu // AAN. – Zespół 391. Akta E. Piltza. Sygn. 18. S. 13–19.
306. List L. Wasilewskiego do pana E. Kwiringa stycznia 1921 r. // AAN. – Zespół 390. Akta L. Wasilewskiego. Sygn. 46. S. 23.
308. Pismo T. Rozwadowskiego do Rady Ministrów z 19. 11. 1920 // AAN. – Zespół 8. Prezydium Rady Ministrów w Warszawie. Sygn. 20056. S. 343–344.
309. Projekt instrukcji pizcprowadniczcmu polskiej delegacji w Mieszanej komisji granicznej// AAN. -Zespół 390. Akta L. Wasilewskiego. Sygn. 48. S. 1–4.

310. Protokół 12-go posiedzenia Komisji Prawno-Politycznej 13 lutego 1921 r. //AAN. – Zespół 322. Ministerstwo spraw zagranicznych. Sygn. 6738a. S. 146–152.
311. Protokół 13-go posiedzenia Komisji Prawno-Politycznej 16 lutego 1921 r. // AAN. – Zespół 322. Ministerstwo spraw zagranicznych. Sygn. 6738a. S. 160–163.
312. Protokół 105 posiedzenia Rady Ministrów 22. 11. 1920 // AAN. – Zespół 8. Prezydium Rady Ministrów w Warszawie. Sygn. 20056. S. 311.
313. Protokoły posiedzeń delegacji pokojowych – rokowania w Mińsku // AAN. – Zespół 322. Ministerstwo spraw zagranicznych. Sygn. 6738. S. 16–20,46-68.
314. Raport L. Wasilewskiego 9 kwietnia 1920 dla Ministerstwa spraw zagranicznych // AAN. – Zespół 390. Akta L. Wasilewskiego. Sygn. 63. S. 4–8.
315. Sprawozdanie posła Rzeczypospolitej Polskiej w Waszyngtonie do Ministerstwa spraw zagranicznych 6 listopada 1920 r. // AAN. – Zespół 490. Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Waszyngtonie. Sygn. 213.
316. Archiwum Polityczne Ignacego Paderewskiego: w 6 t. – Wrocław, 1973–2007. / oprac. W. Stankiewicz. – 1974. – T. 2: 1919–1921. – 703 s.
317. Backer, R. Polska partia socjalistyczna wobec traktatu ryskiego / R. Backer // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach / red. M. Wojciechowski. – Toruń: wydawnictwo Uniwersitetu M. Kopernika, 1998. -400 s. – S. 62–73.
319. Baranowski, W. Rozmowy z Piłsudskim. 1916–1931 / W. Baranowski. – Warchawa: In-t Wydawniczy “Biblioteka Polska”, 1938. – 238 s.
320. Batowski, H. Między dwiema wojnami: 1919–1939. Zarys historii dyplomatycznej / H. Batowski. – Kraków, 1988. – 545 s.
321. Białe plamy, czarny plamy: sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)/red.nauk. A. D. Rotłcd, A. W.Torkunow. -Warszawa,2010.-907 s.

Biblioteka Narodowa. Dział Starych Druków i Rękopisów (BN. DSDiR)

322. Osmolowski, J. Wspomnienia z lat 1914–1921 / J. Osmolowski // BN. DSDiR.-Akc. 6798.

Biblioteka Publiczna m. st. Warszawy. Dział Starych Druków i Rękopisów (BPW. DSDiR)

323. Plebiscyt oraz projekty ogólne co do Ziemi Wschodnich, 1919 r. // BPW. DSDiR. – Akc. 1665.
324. Projekt utworzenia czasowej administracji w oderwanych od Polski prowincji Litwy i Białorusi, 1919 r. // BPW. DSDiR. – Akc. 1693.
325. Wymiana jeńców wojennych, 1919 r. //BPW. DSDiR. – Akc. 1658.

326. Zarząd Okręgu Wileńskiego. Referaty prasowe. Prasa białoruska, listopad 1918 r.-marzec 1921 r. //BPW. DSDiR. – Akc. 1592.
328. Borzęcki, J. Pokój ryski w historii Europy / J. Borzęcki //Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / pod red. S. Dębskiego. – Warszawa, 2013. – 423 s. – S. 77–95.
329. Brzeziński, A. M. Warszwa-Paryż-Genewa. Sojusz polsko-francuski a problem rozbrojenia w dwudziestoleciu międzywojennym (1919–1937) / A. M. Brzeziński. – Łódź, 1996. – 178 s.
330. Cisek, J. Granice Rzeczypospolitej i konflikt polsko-bolszewicki w świdnicko-cambruskich raportów dyplomatycznych i wojskowych (1919–1921) / J. Cisek. – Kraków, 2012.-326 s.
331. Cisek, J., Suleja, W. Ignacy Matuszewski w rokowaniach ryskich / J. Cisek, W. Suleja // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach / red. M. Wojciechowski. – Toruń: wydawnictwo Uniwersitetu M. Kopernika, 1998. – 400 s. – S. 75–86.
332. Clemenceau, G. Discours de paix: publ. la Société des amis de Clemenceau / G. Clemenceau. – Paris: Librairie Plon, 1938. – 286 p.
333. Cygan, W. Słownik biograficzny oficerów Legionów Polskich / W. Cygan. – Warszawa, 1992. – 117 s.
335. Czubiński, A. Walka o granice wschodnie Polski w latach 1918–1921 / A. Czubiński. – Opole: Instytut Śląski, 1993. – 314 s.
336. Davies, N. Orzeł biały, czerwona gwiazda / N. Davies. – Kraków, 1997. – 303 s.
337. Dąbski, J. Pokój Ryski. Wspomnienia. Praktyka. Tajne układy z Joffem. Listy / J. Dąbski. – Warszawa, 1931. -225 s.
338. Deruga, A. Historia dyplomatyczna najnowsza XX wieku: w 5 cz. / A. Deruga. – Warszawa, 1949–1952. – Cz. 2: Od Wielkiej socjalistycznej rewolucji październikowej do zawarcia paktów w Locarno (1917–1925). – 1950. – 261 s.
339. Deruga, A. Polityka wschodnia Rzeczypospolitej w latach 1919–1939 / A. Deruga. – Warszawa, 1983. – 332 s.
340. Deruga, A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy 1918–1919 / A. Deruga. – Warszawa, 1989. – 331 s.
341. Documents diplomatiques français 1920: in 3 t. / red. J. Bariety. – Paris, 1999. – T. 2: 19 mai – 23 scptembre. – 1999. – 709 p.
342. Documents on British Foreign Policy: 1919–1939 / E. Woodman. – London, 1949. – Vol. III: 1919. – 909 s.
343. Documents on British Foreign Policy: 1919–1939/ R. Bultcr. – London, 1952. – Vol. XI: january 1920 – march 1921. – 748 s.

344. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich: w 41 t. / pod. red. W. Gostyńską. – 1961. – T. 2: Listopad 1918 – kwiecień 1920. – 889 s.
345. Dokumenty i materiały do historii stosunków polsko-radzieckich: w 41 t. / pod. red. W. Gostyńską. – 1964. – T. 3: kwiecień 1920 – marzec 1921. -679 s.
346. Dokumenty z dziejów polskiej polityki zagranicznej 1918–1939 / pod red. T. Jędruszcza. – Warszawa, 1989. – T. 1. – 540 s.
347. Dominiczak, H. Granica wschodnia Rzeczypospolitej Polskiej w latach 1919–1939 / H. Dominiczak. – Warszawa, 1992. – 287 s.
348. Historia dyplomacji polskiej: w 7 t. / pod red. P. Lossowskiego. – Warszawa: wydawnictwo naukowe PWN, 1995. – T. 4: 1918–1939. – 746 s.
349. Garlicki, A. Józef Piłsudski 1867–1935 / A. Garlicki. – Warszawa, 2008. – 1086 s.
350. Garlicki, A. Julian Marchlewski w rokowaniach polsko-radzieckich w październiku-grudniu 1919 r. (Dokumenty pctraktacji w Mi kasze wieżach) / A. Garlicki // Archiwum Ruchu Robotniczego. – 1977. – T. 4. – S. 135–149.
351. Gicrowska-Kałtaur, J. Raporty Straży Kresowej 1919–1920. Ziemia Północno-Wschodnich opisanie / J. Gicrowska-Kałtaur // O Niepodległej i Granice. – Warszawa-Pułtusk, 2011. – T. 7. – 1173 s.
352. Głogowska, H. Stosunki polsko-białoruskie w XX wieku. Od imperium Rosyjskiego do Unii Europejskiej / H. Głogowska. – Białystok, 2012. – 677 s.
353. Gmitruk, J. Jan Dąbski – minister spraw zagranicznych, główny konstruktor traktatu ryskiego [Źródło elektroniczne] / J. Gmitruk. – 2005. – Tryb dostępu: <http://www.muzcum-nicpodlcglosci.homc.pl>. – Data dostępu: 02.06.2012.
354. Gomółka, K. Rozmowy polsko-białoruskie (marzec 1920 r.) / K. Gomółka // Dzieje najnowsze. – 1988. – S. 3-13.
356. Gomółka, K. Miedzy Polska a Rosja / K. Gomółka. – Warszawa: Gryf, 1994.-263 s.
357. Gostyńska, W. Rola Juliana Marchlewskiego w tajnych rokowaniach polsko-radzieckich (czerwiec-lipiec 1919 r.) / W. Gostyńska // Z pola walki. – 1966. -Jfe 2.– S. 23–41.
358. Gostyńska, W. Tajne rokowania polsko-radzieckie w Mikaszewicach (sierpień-grudzień 1919) / W. Gostyńska // Z pola walki. – 1967. – № 4. – S. 53–79.
359. Gostyńska, W. Tajna misja Aleksandra Więckowskiego w Moskwie w 1919 r. / W. Gostyńska//Z dziejów stosunków polsko-radzieckich: studia i materiały / pod red. W. Kowalskiego. – Warszawa: Książka i wiedza, 1972. – T. IX. – 328 s. – S. 35–47.

360. Grabski, S. *Z codziennych walk i rozważań* / S. Grabski. – Poznań, 1923.-158 s.
361. Grabski, S. *Pamiętniki: w 2 t.* / S. Grabski. – Warszawa, 1989. – T. 2. – 518 s.
363. Jażborowska, I. *Od wojny do pokoju. Konflikt 1919–1921 i jego następstwa w stosunkach polsko-rosyjskich* / I. Jażborowska // *Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później* / pod red. S. Dębskiego. – Warszawa, 2013. – 423 s. – S. 59–76.
364. Jędruszczał, T. *Stanowisko Polski i mocarstw ententy w sprawie polskiej granicy wschodniej (1918–1921)* / T. Jędruszczał // *Sprawy międzynarodowe*. – 1959. – № 6. – S. 58–77.
365. Jędrzejewicz, W. *Rokowania Borysowskich w 1920 r.* / W. Jędrzejewicz // *Nicpodległość*. – 1951. – T. 3. – S. 47–59.
366. Juzwcnko, A. Leon Wasilewski do Józefa Piłsudskiego o przebiegu rosyjskich rokowań pokojowych (1920–1921) / A. Juzwcnko // *Z pola walki*. – 1972. -№ 4. -S. 177–182.
367. Kabzińska, I. *Skazani na utratę Kresów Wschodnich. Przyczynek do kwestii stosunków polsko-radzieckich i problemów granicznych w okresie międzywojennym* / I. Kabzińska // *Wrocławskie Studia Wschodnie*. – 2000. – № 4.-S. 151–165.
368. Karpus, Z. *Wschodni sojusznicy Polski w wojnie 1920 roku. Oddziały wojskowe ukraińskie, rosyjskie, kozackie i białoruskie w Polsce w latach 1919–1920*/Z. Karpus. – Toruń, 1999.-230s.
369. Kochanowski, J. *Porucznika Bimbauma “Dziennik rokowań pokojowych w Mińsku 14–30 VII 1920 roku”* / J. Kochanowski // *Przegląd Wschodni*. – 1992/1993. – T. 2. – Z. 3 (7). – S. 645–662.
370. Kochanowski, J. *Rokowania pokojowe z Rosją Radziecką (VII–VIII 1920 r.) w relacji Kazimierza Stanisława i ego* / J. Kochanowski // *Przegląd Wschodni*. – T. 2. – 1992'1993. – Zeszyty 1 (5). – S. 129–139.
371. Komamicki, T. *Piłsudski apolityka wielkich mocarstw zachodnich*/ T. Komamicki. – Londyn, 1952. – 80 s.
372. Konferencja Ryska a nasza granica wschodnia. – Warszawa, 1920. – 69 s.
373. Komat, M., Jażborowskaja, I. S. *Stan badań na temat stosunków polsko-radzieckich* / M. Komat, I. S. Jażborowskaja // *Białe plamy, czarny plamy: sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008)*/ red. nauk. A. D. Rotfild, A. W. Torkunow. – Warszawa, 2010. – 907 s. – S. 793–879.
374. Kossakowski, M. S. *Diariusz: w 2 t.* / M. S. Kossakowski. – Warszawa: wydawnictwo UMCS, 2010. – T. 1. – Cz. 1:21 maja – 31 sierpnia 1915. -292 s.

375. Kossakowski, M. S. *Diariusz*: w 2 t. / M. S. Kossakowski. – Warszawa: wydawnictwo UMCS, 2010. – T. 1. – Cz. 2: 1 września 1915 – 4 lutego 1916. – 136 s.
376. Kowalski, Z. G. *Granica Ryska* / Z. G. Kowalski // *Traktat Ryski* 1921 roku po 75 latach / red. M. Wojciechowskiego. – Toruń: wydawnictwo Uniwersitetu M. Kopernika, 1998. -400s.-S. 127–139.
377. Kozicki, S. *Sprawa granic Polski na konferencji pokojowej w Paryżu* / S. Kozicki. – Warszawa: Pcrszyński, Niklcwicz i Spółka, 1921. – 176 s.
381. Kukułka, J. *Francja a Polska po traktacie wersalskim (1919–1922)* / J. Kukułka. – Warszawa: Książka i wiedza, 1970. – 624 s.
382. Kumaniccki, J. *Po traktacie ryskim* / J. Kumaniccki. – Warszawa: Książka i wiedza, 1971. – 282 s.
384. Kumaniccki, J. *Dwa oblicza dyplomacji radzieckiej. Rokowania w Mińsku i w Rydze* / J. Kumaniccki // *Wojna polsko-sowiecka 1920 r. Przebieg walk i tło międzynarodowe. Materiały z sesji naukowej w Instytucie Historii PAN, 1–2 października 1990 r.* / pod red. A. Kory na. – Warszawa, 1991. – 235 s. – S. 159–171.
385. Kutrzeba, T. *Nasza polityka zagraniczna* / T. Kutrzeba. – Kraków, 1923.- 121 s.
386. Kutrzeba, T. *Wyprawa kijowska 1920 roku*/ T. Kutrzeba. – Warszawa, 1937. – 156 s.
387. Ladoś, A. *Wasilewski w rokowaniach ryskich* / A. Ladoś//*Niepodległość*. – 1937. – № 16. – S. 230–250.
388. Lcinwand, A. *Polska a Denikin. Z dziejów stosunków między Polską a kontrrewolucją na południu Rosji w latach 1918–1920* / A. Lcinwand./'Zeszyty Naukowe WAP. Seria historyczna. – 1964. -№ 11. -S. 33–38.
390. Levesque, J. *UURSS et sa politique international dc 1917 a nos jours* / J. Levesque. – Paris, 1976. – 238 p.
392. Latyszonck, O. *Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923* / O. Latyszonck. – Białystok, 1994. – 273 s.
393. Latyszonck, O. *Rozmowy Józefa Piłsudskiego z A. Luckicwiczem. Przyczynek do dziejów stosunków polsko-białoruskich* / O. Latyszonck // *Europa oricntalis*. – Toruń, 19 %. – S. 72–93.
394. Latyszonck, O. *Białoruskie elity polityczne wobec traktatu ryskiego* / O. Latyszonck // *Traktat Ryski* 1921 roku po 75 latach / red. M. Wojciechowskiego. – Toruń: wydawnictwo Uniwersitetu M. Kopernika, 1998. – 400 s. – S. 289–293.
395. Lossowski, P. *Stosunki polsko-litewskie 1918–1920* / P. Lossowski. – Warszawa, 1966. -411 s.
396. Lossowski, P. *Dyplomacja Drugiej Rzeczypospolitej: z dziejów polskiej służby zagranicznej* / P. Lossowski. – Warszawa, 1992. – 293 s.

397. Mackiewicz, S. Historia Polski od listopada 1918 do września 1939 / S. Mackiewicz. – Warszawa, 1990. – 327 s.
398. Marchlewski, J. Pisma wybrane: w 2 Ľ / J. Marchlewski. – Warszawa, 1956. – T. 1.-682 s.
399. Marchlewski, J. Rzeczypospolita Polska a Rosja Radziecka / J Marchlewski // Kalendarz Komunistyczny. – 1922. – S. 183–185.
400. Marszałek, P. K. Rada Obrony Państwa z 1920 r. Studium prawnohistoryczne / P. K. Marszałek. – Warszawa: Uniwersitetu Wrocławskiego, 1995. – 198 s.
401. Materski, W. Tarcza Europy. Stosunki polsko-sowieckie 1918–1939/ W. Materski. – Warszawa: Książka i wiedza, 1994. – 387 s.
403. Matwiejew, G. E Wojskowe, dyplomatyczne i propagandowe przygotowania Polski i Rosji Radzieckiej do decydującego starcia w 1920 r. / G. F. Matwiejew // Białe plamy, czarne plamy: sprawy trudne w relacjach polsko-rosyjskich (1918–2008) / red. nauk. A. D. Rotfelda, A. W. Torkunowa. – Warszawa, 2010. – 907 s. – S. 68–77.
405. Międzynarodowe aspekty wojny polsko-bolszewickiej 1919–1920 / pod red. M. Drozdowskiego. – Warszawa: IH PAN, 1996. – 154 s.
407. Nałęcz, D. Pokój ryski – epizod w stosunkach polsko-rosyjskich / D. Nałęcz.7 Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / pod red. S. Dębskiego. – Warszawa, 2013. -423 s. – S. 97-129.
410. Nowak, A. Polityka wschodnia Józefa Piłsudskiego (1918–1921). Koncepcja i realizacja / A. Nowak // Zeszyty Historyczne. – 1994. – № 107. – S. 3-22.
412. Nowak-Kiełbikowa, M. Stanowisko brytyjskie wobec perspektywy klęski i efektów zwycięstwa / M. Nowak-Kiełbikowa // Rok 1920. Z perspektywy osiemdziesięciolecia / red. naukowa A. Ajencznik. – Warszawa, 2001.-S. 288–308.
413. Nowik, G. Polsko-rosyjska wojna informacyjna w latach 1918–1920/ G. Nowik // Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / pod red. S. Dębskiego. – Warszawa, 2013. -423 s. -S. 163–199.
414. Obiciowski, M. Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej / M. Obiciowski. – Warszawa, 1938. – 35 s.
416. Paderewski, J. Pamiętniki. 1912–1932 / J. Paderewski. – Warszawa, 1962. – 186 s.
417. Pasierb, B. Profesor Eugeniusz Romer jako konsultant na rokowania pokojowe w Rydze / B. Pasierb // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach / red. M. Wojciechowskiego. – Toruń: wydawnictwo Uniwersitetu M. Kopernika, 1998. -400 s.-S. 87-108.

418. Piłsudski, J. Pisma zbiorowe. Wydanie prac dotychczas drukiem ogłoszonych: w 10 t. / pod red. K. Switalskicgo. – Warszawa: Instytut Józefa Piłsudskiego, 1937. – T. 5: 10 listopada 1918 r. – 14 grudnia 1922 r. – 297 s.

Polska Akademia Nauk. Archiwum w Warszawie (APAN)

419. Diariusz M. S. Kossakowskiego, 1915–1922 rr. // APAN. – Zespół 4. Sygn. 6-15.

420. Pobóg-Malinowski, W. Najnowsza historia polityczna Polski. 1864–1945: w 3 t. / W. Pobóg-Malinowski. – Paryż-Londyn, 1953–1960. – T. 1: 1914–1939.– 1956.-687 s.

421. Potiron, P. Stanowisko Francji w okresie między bitwą Warszawską a traktatem Ryskim (sierpień 1920 – marzec 1921 roku) / P. Patiron // Rok 1920. – Warszawa: IH PAN: Ncriton, 2001. – 338 s. – S. 262–275.

422. Pruszyński, M. Rozmowa historyczna ze St. Grabskim / M. Pruszyński // Zeszyty historyczne. – Paryż: In-t Literacki, 1976. – № 36. – S. 41–59.

423. Rataj, M. Pamiętniki 1918–1927/M. Rataj.-Warszawa, 1965. -489s.

425. Rok 1920. Wojna polsko-radziecka we wspomnieniach i innych dokumentach/oprać. J. Borkowski. – Warszawa: Państwowy In-t wydawniczy, 1990. – 531 s.

426. Romer, E. Pamiętnik (1914–1923): w 2 t. / E. Romer. – Wrocław, 1989. – T. 1: 1918–1923.-389.

427. Rozmowa z Leonem Wasilewskim // Naprzód. – 1921. – Kъ 76. -S. 1–2.

428. Sieradzki, J. Białowieża i Mikaszewicze, mity i prawdy. Do genezy wojny pomiędzy Polską a RSFR w 1920 r. / J. Sieradzki. – Warszawa: wydawnictwo Ministerstwa obrony Narodowej, 1959. – 130 s.

430. Skrzypek, A. Z genezy traktatu ryskiego (1920–1921) / A. Skrzypek // Z dziejów stosunków polsko-radzieckich i rozwoju wspólnoty państw socjalistycznych. – 1978. – T. 18. – S. 121–152.

433. Stawccki, P. Ratyfikacja umowy przeklinaryjnej i traktatu ryskiego przez Sejm Ustawodawczy / P. Stawccki // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach / red. M. Wojciechowskiego. – Toruń: wydawnictwo Uniwersitetu M. Kopernika, 1998. – 400 s. – S. 111–123.

434. Stoczeńska, B. O Leonie Wasilewskim [Źródło elektroniczne] / B. Stoczeńska / Ośrodek Myśli Politycznej. – 2005. – Tryb dostępu: <http://www.omp.org.pl/starcomp/indcx.html>. – Data dostępu: 31.05.2012.

435. Suchcitz, A. Generałowie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920. Mały słownik biograficzny / A. Suchcitz. – Białystok, 1995. – 758 s.

436. Suleja, W. Listy generała dywizji Kazimierza Sosnkowskiego do marszałka Józefa Piłsudskiego w okresie wyprawy kijowskiej (kwiecień-maj 1920 r.) / W. Suleja // Przegląd Wschodni. – 1992/1993. – T. 2. – Z. 1 (5). – S. 97-139.

437. Świtalski, K. *Diarusz 1919–1935* / K. Świtalski. – Warszawa, 1992. – 837 s.
439. *Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach* / red. M. Wojciechowskiego. – Toruń: wydawnictwo Uniwersitetu M. Kopernika, 1998. – 400 s.
440. Wandycz, P. S. *Soviet-polish relations: 1917–1921* / P. S. Wandycz. – Cambridge: Harvard University Press, 1969. – 403 p.
441. Wandycz, P. *Z dziejów dyptamacji* / P. Wandycz – Wrocław, 1989. – 154 s.
444. Wasilewski, A. *Granica lorda Curzona: polska granica wschodnia, przejścia graniczne, podrozni, wiry* / A. Wasilewski. – Toruń: Adam marzalek, 2003.-210 s.
445. Wasilewski, L. *Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych* / L. Wasilewski. – Warszawa, 1925. – 361 s.
446. Wasilewski, L. *Józef Piłsudski jakim go znałem* / L. Wasilewski. – Warszawa: Roj, 1935. – 235 s.
447. Wasilewski, L. *O wschodnią granice państwa polskiego* / L. Wasilewski. – Warszawa, 1927. -24 s.
449. Wojdyło, W *Traktat w Rydze w koncepcjach politycznych obozu narodowego ze szczególnym uwzględnieniem roli Stanisława Grabskiego* / W. Wojdyło/ *Traktat Ryski 1921 rokupo75 latach/rod.* M. Wojciechowskiego. – Toruń: wydawnictwo Uniwersitetu M. Kopernika, 1998. -400 s. – S. 47–61.
450. Woyniłłowicz, E. *Wspomnienia: 1847–1928* / E Woyniłłowicz. – Wilno, 1931.– Cz. 1.-260 s.
451. Wrzosek, M. *Granica wschodnia w polityce państwa polskiego i wielkich mocarstw w latach 1918–1921* / M. Wrzosek // *Polski czyn nic- podlcgłoścoiwy w latach 1914–1945: materiały z konferencji* / red. J. Świcr- czyńskicgo. – Warszawa, 2000. – S. 74–84.
452. Wyszczelski, L. *Od Borysowado Mińska/ L. Wyszczelski // Wojsko i Wychowanie.* – 1997. – № 9. – S. 81–85.
453. *Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później* / pod red. S. Dębskiego. – Warszawa, 2013. – 423 s.
454. Zaremba, Z. *Od Borysowa do Rygi. Uwagi krytyczne o dyplomacji, wojnie i pokoju w 1920* / Z. Zaremba. – Warszawa, 1930. – 63 s.
455. Zatorski, A. *Nieznany document z historii stosunków polsko- radzieckich / A. Zatorski //Z pola walki.* – 1965. – № 4 (32). – S. 161–166.

Приложение А

Таблица 1. Персональный состав мирных делегаций советской (российско-украинской) и польской сторон (1918–1921 гг.)^[6]

ЧЛЕНЫ СОВЕТСКИХ (РОССИЙСКО-УКРАИНСКИХ ДЕЛЕГАЦИЙ)	ЧЛЕНЫ ПОЛЬСКИХ ДЕЛЕГАЦИЙ
1. НАЧАЛЬНЫЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ (МИССИЯ А. И. ВЕНЦКОВСКОГО): ДЕКАБРЬ 1918 г. – ИЮНЬ 1919 г.	
Чичерин Георгий Васильевич, на- родный комиссар иностранных дел РСФСР (1919–1925 гг.)	Венцковский Александр Янович, член Социалистико-демократи- ческой партии Королевства Поль- ского и Литвы, сотрудник Минис- терства иностранных дел Польши
2. БЕЛОВЕЖСКО-МИКОШЕВИЧСКИЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ (ИЮЛЬ–ДЕКАБРЬ 1919 г.)	
Мархлевский Юльян Юльянович, представитель Коммунистической польской рабочей партии	Венцковский Александр Янович, член Социалистико-демократи- ческой партии Королевства Поль- ского и Литвы, сотрудник Минис- терства иностранных дел Польши
Ястрембский Винцент, член ЦИК КПП, деятель ППС в России	Коссаковский Михал Станислав (1883–1962), сотрудник Генераль- ного комиссариата восточных дел в Варшаве
Мархлевская Бронислава Генри- ховна, секретарь	Галлер Станислав, заместитель шефа Генерального штаба Войска Польского
Мануильский Нестор Пантелей- монович, эксперт	Шептыцкий Станислав, руково- дитель Литовско-Белорусского фрон- та, генерал
Сонье Александр Станиславович, эксперт	Сикорский Владислав, руково- дитель V армии Войска Польского, полковник

Епашников Николай Васильевич, юрист-консультант	Бирнбаум Мечислав, представитель партии народной демократии в Войске Польском
Яблонский, курьер	Бернэр Игнаций (1875–1933), шеф контрразведки Литовско-Белорусского фронта
Кубелис, курьер	Осмоловский Юзеф Мартин, Генеральный комиссар восточных земель с 15.04.1919 г. по 20.09.1920 г.
3. БОРИСОВСКИЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ (ДЕКАБРЬ – ИЮНЬ 1920 г.)	
–	Василевский Леон, член Польской социалистической партии, сотрудник Министерства иностранных дел Польши
–	Патек Станислав, министр иностранных дел (13.12.1919 г.– 9.04.1920 г.)
–	Рачкевич Владислав, заместитель генерального комиссара восточных земель, комиссар Минского округа, представитель Польского национального совета белорусских земель и Инфлянтов
4. БАРАНОВИЧСКИЕ ВСТРЕЧИ (ИЮЛЬ – АВГУСТ 1920 г.)	
Пятаков Георгий Леонидович (1890–1937), член ЦИК УССР, РВС XVI армии (июнь–октябрь 1920 г.)	Врублевский Владислав (1875–1951), представитель Związek Ludowo-Narodowy
–	Стамировский Казимир (1884–1943), военный представитель, шеф II отдела II и IV армии Войска Польского
–	Ромер Ян Эдмунд (1869–1934), генерал дивизии, командующий XIII армией (декабрь 1919 г.– май 1920 г.), VI армией (июнь–июль 1920 г.)
–	Яваровский Раймунд (1885–1941), капитан, член Польской социалистической партии
–	Давойна-Сологуб Станислав (1885–1939), генерал бригадный

—	Окенцкий Здислав Юзеф (1874–1964), директор политического департамента Министерства иностранных дел
5. МИНСКИЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ (АВГУСТ – СЕНТЯБРЬ 1920 г.)	
Данишевский Карл Юлий Христианович (1884–?), председатель делегации, военный комиссар Полевого штаба РВСР	Домбский Ян (1880–1931), председатель делегации, вице-министр иностранных дел
Смидович Петр Германович (председатель Московского губернского Совета народного хозяйства)	Барлицкий Норберт Станислав (1880–1941), депутат сейма, представитель Польской социалистической партии
Скрыпник Николай Алексеевич (1872–1933), народный комиссар рабоче-крестьянской инспекции УССР	Грабский Станислав (1871–1949), представитель партии народных демократов
Новицкий Федор Федорович (военный эксперт, член Генштаба РСЧА)	Керник Владислав (1879–1971), представитель “Polskiego Strone nictwa Ludowego- „Piast”
Гарф Владимир Евгеньевич (военный эксперт, исполняющий обязанности командующего 5-ой армии Красной Армии)	Мечковский Адам (представитель партии Narodne Zjednoczenie Ludowe)
Штыкгольд Габриэль Петрович (секретарь)	Ольшовский Казимир (1865–1933), 1919–1923 гг. сотрудник Министерства иностранных дел
Семёнов Владимир Алексеевич (военный эксперт)	Листовский Антоний (1865–1927) военный эксперт, с мая по июнь 1920 г. командующий Украинским фронтом
Яблонский Адам (1883–1935), сотрудник политического отдела РВС Западного фронта Красной Армии	Вашкевич, Людвик (представитель Narodowej Partji Robotniczej)
Радек Карл Бернгардович (1885–1939), секретарь Исполкома Коминтерна	Вихлинский Михал (представитель партии христианских демократов)
—	Врублевский Владислав (1875–1951), представитель Związek Ludowo-Narodowy

—	Стамировский Казимир (1884–1943), военный представитель, шеф II отдела II и IV армии Войска Польского
—	Лукашевич Юльюш (1892–1951), сотрудник Министерства иностранных дел, председатель восточного отделения министерства
—	Перль Феликс (1871–1929), представитель Польской социалистической партии, депутат сейма
—	Барковский
—	Альтберг Люциан
—	Рундштейн Ш.
—	Каузик Станислав (сотрудник Министерства иностранных дел)
—	Ладось Александр (1891–1961), секретарь, с 1919 г. сотрудник Министерства иностранных дел
—	Яниковский Станислав (секретарь)
—	Релидзиньский Юзеф (секретарь)

6. РИЖСКИЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ: ПЕРВАЯ ФАЗА (СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ 1920 г.)

Иоффе Адольф Абрамович (председатель делегации, сотрудник Народного комисариата иностранных дел)	Домбский Ян (вице-министр иностранных дел, председатель делегации)
Мануильский Дмитрий Захарович (народный комиссар земледелия УССР в 1920–1921 гг., секретарь ЦК КП(б)У в 1921 г.)	Барлицкий Норберт Станислав 1880–1941 (депутат сейма, член Польской социалистической партии с 1902 г.)
Оболенский Валерьян Валерьевич (первый секретарь ВСНХ РСФСР, заместитель председателя делегации)	Грабский Станислав (представитель партии народных демократов)
Боголепов Дмитрий Петрович (эксперт по финансовой части)	Керник Владислав (представитель “Polskiego Stronnictwa Ludowego,,Piast”)

Розенблат Юрий Владимирович (эксперт по финансовой части)	Кулинский Мечислав (генерал, представитель Министерства военных дел)
Пичета Владимир Иванович (специалист по юридическо-правовой части)	Мечковский Адам (НСС, Народно-националистский союз)
Лещинский-Ленский Юльян Марьянович (член КРПП, бывший народный комиссар просвещения Лит-Бел ССР)	Вихлинский Михал (представитель партии христианской демократии, Христианско-демократический рабочий союз)
Василевский Владимир Михайлович (секретарь)	Вашкевич Людвик (НРП, Национальная партия)
Лоренц Иван Леонидович (секретарь)	Каменецкий Витольд (Национально-народное объединение)
Новицкий Федор Федорович (военный эксперт, член Генштаба РСЧА)	Василевский Леон (представитель Польской социалистической партии)
Семёнов Владимир Алексеевич (военный эксперт)	Ладось Александр (секретарь)
Ганецкий Якуб Станиславович (член коллегии Народного комиссариата внешней торговли в 1920–1922 гг., член коллегии Народного комиссариата иностранных дел, полномочный представитель РСФСР в Латвии)	Матушевский Игнаций (полковник)
Шемякин Иван Алексеевич (секретарь)	—
7. РИЖСКИЙ ЭТАП ПЕРЕГОВОРОВ: ВТОРАЯ ФАЗА (НОЯБРЬ г. – МАРТ 1921 г.)	
Иоффе Адольф Абрамович (председатель делегации, сотрудник Народного комиссариата иностранных дел)	Домбский Ян (председатель делегации, вице-министр иностранных дел)
Ганецкий Якуб Станиславович (член коллегии Народного комиссариата внешней торговли в 1920–1922 гг., член коллегии Народного комиссариата иностранных дел, полномочный представитель РСФСР в Латвии)	Каузик Станислав (сотрудник Министерства иностранных дел)

Оболенский Валерьян Валерьевич (первый секретарь ВСНХ РСФСР, заместитель председателя делегации)	Лехович Эдвард (начальник законодательного отдела Совета Министров)
Квилинг Эммануил Ионович (член КП(б)У, эксперт по финансовой части)	Страсбургер Генрык (эксперт по финансовой части, вице-министр промышленности и торговли)
Лоренц Иван Леонидович (секретарь)	Василевский Леон (представитель Польской социалистической партии, член территориально-пограничной комиссии)
—	Ладось Александр (секретарь)

Таблица 2. Персональный состав рабочих комиссий на рижской мирной конференции (сентябрь 1920 г. – март 1921 г.)^[7]

ЧЛЕНЫ КОМИССИИ ОТ РОССИЙСКО-УКРАИНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ	ЧЛЕНЫ КОМИССИИ ОТ ПОЛЬСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ
ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОГРАНИЧНАЯ КОМИССИЯ	
Квилинг Эммануил Ионович, председатель	Василевский Леон, председатель
Егорьев Е.М.	Малишевский Эдуард
Лещинский-Ленский Юльян Марьянович	Матушевский Игнаций, полковник
Шемякин Иван Алексеевич (секретарь)	Менджевич, майор
—	Вышинский К. секретарь
ЮРИДИЧЕСКО-ПРАВОВАЯ КОМИССИЯ	
Ганецкий Якуб Станиславович (председатель)	Альтберг Люциан
Лещинский-Ленский Юльян Марьянович	Рундштейн Шимон
Селезнев	Василевский Леон
Егорьев	Кноль Роман
Фрейман Болеслав (секретарь)	Познанский Кароль (секретарь)
Лоренц Иван Леонидович	Лехович Эдвард (председатель)
Панский В.	—
Фишман	—
ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ	
Иоффе Абрам Адольфович	Грабский Станислав
Оболенский Валерьян Валерьевич	Керник Владислав
Пичета Владимир Иванович	Мечковский Адам
Боголепов Дмитрий Петрович	Вашкевич Людвик
Розенблат Юрий Владимирович	Вихлинский Михал

Шемякин Иван Алексеевич (секретарь)	Альтберг Люциан
Мануильский Дмитрий Захарович	Эберхард
—	Касперский
—	Каузик Станислав
—	Перль Феликс
—	Тенненбаум
—	Залевский Эдвард (секретарь)
КОМИССИЯ ПО ОБМЕНУ ВОЕННОПЛЕННЫХ И ЗАЛОЖНИКОВ	
Лоренц Иван Леонидович	Залесский Эдвард

Таблица 3. Персональный состав советской (российско-украинской) и польской стороны Польско-российско-украинской военной согласительной комиссии (ПРУВСК): 1920–1921 гг.^[18]

РОССИЙСКО-УКРАИНСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ПРУВСК	ПОЛЬСКАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ ПРУВСК
Шутко Кирилл Иванович (начальник политуправления Западного фронта, председатель российско-украинской делегации с 25 октября до середины ноября 1920 г.)	Рыбак Юзеф Артур (полковник Генерального штаба, председатель комиссии с 25 октября до ноября 1920 г.)
Иорданский Иван Гаврилович (военный комиссар штаба Юго-Западного фронта, председатель российско-украинской делегации с середины ноября 1920 г. и до июля 1923 г.)	Гемпель Ян (командующий IV армии, председатель польской делегации с ноября 1920 г. до июля 1923 г.)
Максимовский Алексей Иванович (представитель полевого штаба, преподаватель военно-инструкторских курсов)	Киндлер Адам (поручик, бывший сотрудник II бюро французского Генерального штаба)
Якимович Александр Васильевич (начальник военно-исторического отделения штаба)	Власкович Ян (капитан, возглавлял отдел контрразведки VI армии Войска Польского (ВП))
Иванов-Сутин Максим Петрович (начальник военно-исторического отделения штаба XVI армии)	Ольшевский Збигнев (поручик II отдела (структура разведки и контрразведки) Генерального штаба ВП)
Колтунов Валерий Александрович (секретарь)	Прашмовский Мечислав (поручик, начальник оффензивы XIV дивизии; Олтажевский – поручик II отдела)
—	Воеувдский Станислав (референт II отдела главного командования Литовско-Белорусского фронта)
—	Дзяяковский Ян (поручик II отдела Генерального штаба ВП)
—	Габихт Карл (подполковник медицинской службы)

Таблица 4. Структура бюро подготовительной работы для мирной конференции^[19]

НАЗВАНИЕ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ БЮРО И ЕГО РУКОВОДИТЕЛЬ	ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИИ
Редакционная комиссия (Ольшевский Казимир)	Осуществление редактуры технического характера, растиражирование подготовленных экземпляров
Политическая комиссия (Василевский Леон, Скульский Леопольд)	Разработка условий мирного трактата политического характера: пункты, касающиеся «кресовых государств», принадлежности литовско-белорусско-украинских территорий; ограничение коммунистической пропаганды в Польше, вопросы проведения амнистии, установление дипломатических и консульских отношений между сторонами, осуществление контроля над исполнением условий мирного договора, обеспечение гарантий исполнения прав национальных меньшинств, оптации
Военная комиссия (Лесневский Юзеф Казимир)	Разработка условий мирного трактата, касающихся освобождения земель от войск Красной Армии, вопрос обмена военнопленными, общего положения на пограничье
Торгово-хозяйственная комиссия (Бартель Казимир)	Подготовка торговой, коммуникационной, таможенной, почтово-телеграфной конвенций
Финансово-ликвидационная комиссия (Лукашевич Юльюш)	Разработка вопросов, связанных с возвращением польской части имущества бывшей Российской империи, архивов и исторических ценностей, произведений искусства
Реэмиграционная комиссия (Ольшевский Казимир)	Решение вопросов, связанных с возвращением беженцев, гражданских военнопленных, эмигрантов

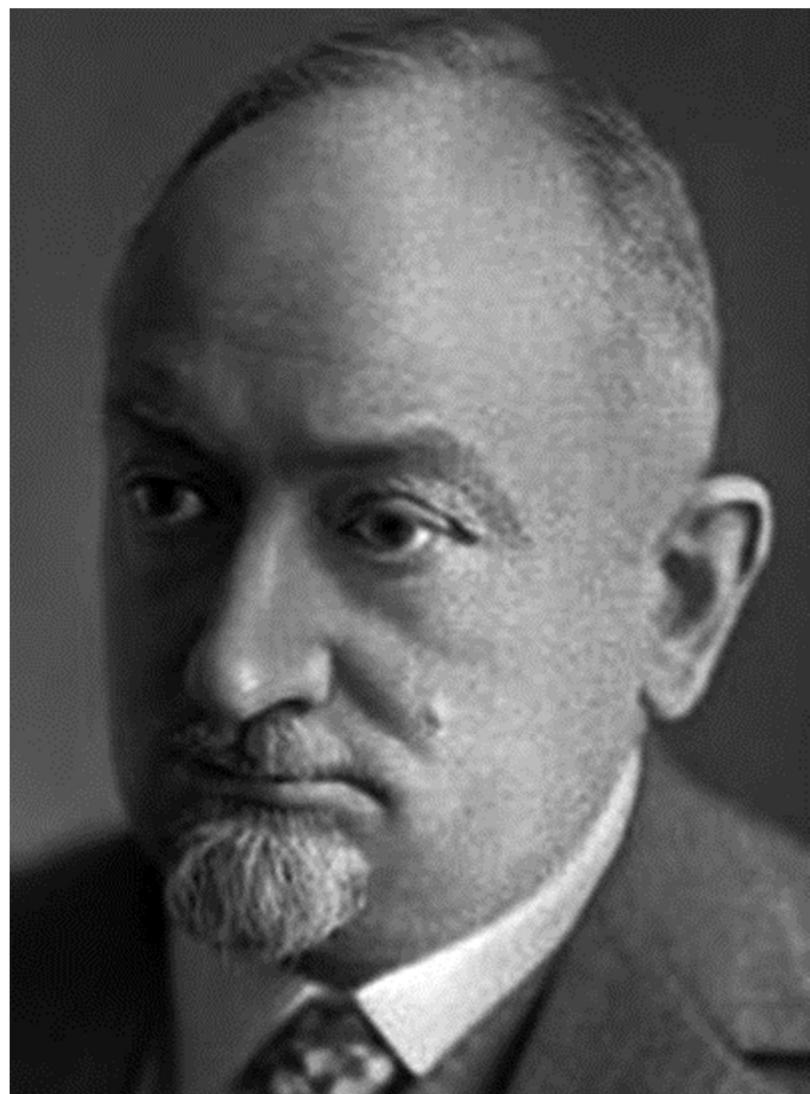
Иллюстрации

Ю. Ю. Мархлевский – председатель советской делегации на переговорах в Беловеже и Микошевичах

М. С. Коссаковский – член польской делегации на переговорах в Беловеже

Г. В. Чичерин – народный комиссар иностранных дел РСФСР (1918–1922 гг.) и СССР (1922–1927 гг.)

А. А. Иоффе – председатель российско-украинской делегации на Рижской мирной конференции

Я. Домбский – председатель польской делегации на Минской и Рижской мирных конференциях

Мирная делегация в Риге. Встреча на вокзале. Слева-третий Я. Домбский

Мирные переговоры Польши и РСФСР, УССР. 12 октября 1920 г.

Переговоры в Минске (19 августа – 2 сентября 1920 г.). В центре стоит Я. Домбский, глава польской делегации

Переговоры в Минске. Помещение для представителей прессы

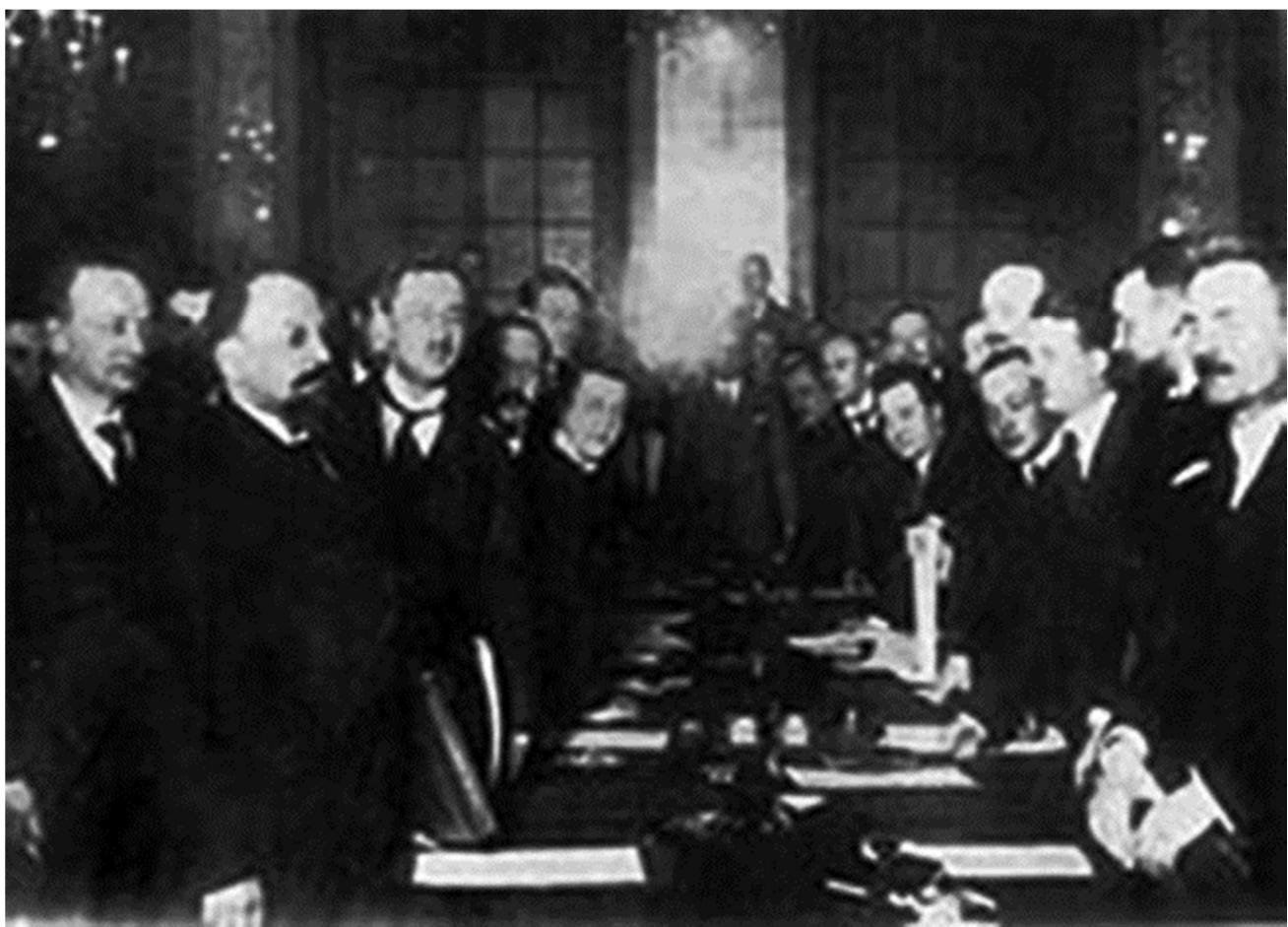
Переговоры в Минске

Польская мирная делегация на переговорах в Риге. В центре сидит глава делегации Я. Домбский, слева от него – Л. Василевский

Заседания юридическо-правовой комиссии. Во главе стола сидит А. Ладось, Справа от него Л. Василевский

Заседание Главной комиссии Рижской мирной конференции. Октябрь 1920 г.

Члены польской мирной делегации. В центре А. Ладось, Я. Домбский